

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ДИНОЗАВРЫ

Майкл Крайтон

Парк юрского периода

Парк юрского периода

Майкл Крайтон

Парк юрского периода

«ЭКСМО»

1990

УДК 821.111.312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Крайтон М.

Парк юрского периода / М. Крайтон — «Эксмо», 1990 — (Парк юрского периода)

Джон Хаммонд не творил чудес: просто соединил бизнес с достижениями науки. Он вложил средства в исследования реликтовой ДНК, купил остров у побережья Коста-Рики и создал уникальный биологический парк. Настоящие, живые динозавры содержатся там в условиях, близких к родному для них юрскому периоду. Бизнесмен уверен: проект ждет грандиозный успех! Это должны подтвердить ученые-эксперты, которых Хаммонд пригласил в парк перед официальным открытием. Его внуки – Лекс и Тим – также примут участие в первой экскурсии по миру динозавров... Разве можно было предположить, что стечение обстоятельств превратит развлекательную поездку в катастрофу?!

УДК 821.111.312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Крайтон М., 1990
© Эксмо, 1990

Содержание

Предисловие	6
Происшествие в «ИнГене»	6
Пролог	10
Укус раптора	10
Первое повторение	16
Почти рай	17
Пунтаренас	21
Пляж	25
Нью-Йорк	27
Порядок данных	30
Второе повторение	32
Берег Внутреннего моря	33
Скелет	43
Коуэн, Свейн и Росс	49
Планы	52
Хаммонд	57
Чотиу	61
Точка приложения усилий	63
Аэропорт	67
Малкольм	69
Исла-Нублар	73
Добро пожаловать на остров	76
Третье повторение	78
Парк юрского периода	79
Когда Землей правили динозавры	84
Экскурсия	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Майкл Крайтон

Парк юрского периода

© Шестакова Е. С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается А-М и Т

Рептилии вызывают отвращение своим холодным телом, бледной окраской, хрящевым скелетом, грязной кожей, свирепым видом, немигающим взглядом, мерзким запахом, резким голосом, гадким обиталищем и ужасным ядом – вот почему Творец не потрудился создать их слишком уж много.

Карл Линней¹, 1797

Невозможно воскресить исчезающую форму жизни.
Эрвин Чарграфф², 1792

---

¹ Карл Линней (1707–1778) – шведский естествоиспытатель и врач. Впервые создал систему классификации растительного и животного мира, упорядочившую знания, накопленные на тот момент биологией. (Здесь и далее, если не сказано иного, примеч. ред.)

² Эрвин Чарграфф (1905–2002) – американский биохимик, внесший значительный вклад в исследование нуклеиновых кислот. В частности, Ф. Крик и Дж. Уотсон опирались на его работы при определении структуры ДНК.

Предисловие

Происшествие в «ИнГене»

В конце двадцатого столетия весь мир охватила научная золотая лихорадка невероятных масштабов: безудержная, неистовая погоня за барышами в коммерческом применении достижений генной инженерии. Эта отрасль науки развивалась столь стремительно – причем при минимальной огласке, – что ее настоящий размах и истинное содержание вообще трудно оценить.

Новые биотехнологии должны были стать основой величайших изменений в истории человечества. Уже к концу этого десятилетия биотехнологии наверняка займут даже более важное место в жизни человека, чем компьютеры и атомная энергия. Вот как сказал о них один из научных обозревателей: «Биотехнологии преобразят буквально все в нашей жизни: медицинское обслуживание, продукты питания, наше здоровье, развлечения, даже наши тела. Все переменится, ничто не останется прежним. Можно сказать, что биотехнологии изменят облик всей нашей планеты».

Однако биотехнологическая революция весьма отличается от всех прежних научных преобразований.

Во-первых, биотехнологические исследования чрезвычайно широко распространены. Америка вступила в эру атомной энергетики благодаря разработкам одного-единственного исследовательского центра – в Лос-Аламосе. Компьютерный век наступил благодаря усилиям примерно дюжины различных компаний. А исследования в области биотехнологий ведутся сейчас более чем в двух тысячах лабораторий – и это в одной только Америке. Около пятисот корпораций ежегодно вкладывают в эти разработки до пяти миллиардов долларов.

Во-вторых, биотехнологические исследования, по большей части, либо вообще бессмысленны, либо направлены на маловажные, пустячные цели. Порою можно подумать, что речь здесь идет о шутке – ну кто бы стал вкладывать деньги, например, в выведение прозрачной форели только ради того, чтобы проплывающая рыба не мешала рассматривать речное дно? Или в выращивание новых пород деревьев – с квадратным стволом – для облегчения лесозаготовок. Или же в получение инъекционного экстракта ароматических клеток – для того, чтобы все время благоухать своими любимыми духами... Но все это не шутка. На самом деле, поскольку биотехнологии можно использовать в индустрии развлечений и прочих отраслях промышленности, которые традиционно удовлетворяли разнообразные человеческие капризы – как, например, производство косметики, – новые могущественные технологии находят все более и более странное, а порою даже причудливое применение.

В-третьих, работа над новыми технологиями никак не контролируется. За ней никто не следит. Не существует никаких федеральных законов, которые бы ее регламентировали. В отношении биотехнологий до сих пор не разработана официальная государственная политика – ни в Америке, ни где-либо еще в мире. Очень непросто выработать разумную политику в отрасли, которая производит буквально все, что угодно, – от лекарств и сельскохозяйственных культур до искусственного снега.

Но больше всего тревожит то, что среди самих ученых-генетиков не нашлось ни единого беспристрастного наблюдателя, который мог бы как-то контролировать направления научных разработок. Весьма примечательно, что практически каждый ученый, проводящий генетиче-

ские исследования, живо заинтересован в коммерческом применении биотехнологий. Среди них нет сторонних наблюдателей. У каждого – своя доля в биотехнологическом бизнесе.

Переход молекулярной биологии на коммерческую основу – самая потрясающая нравственная проблема в истории науки, тем более что произошло это с невероятной быстротой. На протяжении четырех столетий, со времен Галилея, ученые свободно и открыто исследовали разнообразные тайны природы. Для настоящих ученых не существовало никаких национальных разграничений, наука была для них превыше переменчивых политических доктрин и даже войн. Ученые всегда выступали против засекречивания исследований и неодобрительно смотрели даже на обычай патентовать научные открытия – поскольку считали, что трудятся на благо всего человечества. И при жизни множества поколений открытия ученых действительно оставались до странности безличными.

И вот в 1953 году двое молодых ученых, Джеймс Уотсон³ и Фрэнсис Крик⁴, расшифровали строение ДНК⁵. Их открытие стало настоящим триумфом человеческой мысли и духа. Оно разрешило извечную загадку, стоявшую перед человечеством, позволило понять устройство Вселенной с научной точки зрения. И всем казалось, что имена ученых-первооткрывателей вскоре забудутся, а это открытие, так же как прочие, будет причислено к величайшим победам человечества.

Однако этого не случилось. Тридцать лет спустя практически все ученые – коллеги Уотсона и Крика – устремили свои усилия на разработку несколько иного направления науки. Исследования в области молекулярной генетики стали предметом грандиозных, в несколько миллиардов долларов, коммерческих сделок. Однако событие, радикально изменившее биологическую науку, совершилось не в 1953-м, а в апреле 1976 года.

Тогда, в апреле семьдесят шестого, произошла знаменательная встреча, о которой теперь известно каждому. К бизнесмену Роберту Суонсону, и раньше не раз бравшемуся за рискованные коммерческие предприятия, пришел Герберт Бойер⁶, ученый-биохимик из Калифорнийского университета. Вдвоем они основали компанию по разработке и применению придуманной Бойером технологии сшивания генов. Их новая компания, «Генинтех», очень скоро стала крупнейшей и самой прибыльной среди прочих компаний, использовавших генную инженерию.

И вдруг выяснилось, что всем сразу же захотелось разбогатеть. Буквально каждую неделю стали появляться все новые и новые компании; ученые, все как один, бросились вовсю извлекать выгоду из достижений генной инженерии. И к 1986 году уже как минимум триста шестьдесят два ученых, в том числе и шестьдесят четыре члена Национальной Академии наук, заседали в советах директоров биотехнологических фирм. А таких, которые не выставляли напоказ свою связь с подобными компаниями или же занимали должности консультантов, было во много раз больше.

Необходимо уделить особое внимание тому, насколько значительный сдвиг произошел за это время в мировоззрении ученых. Раньше приверженцы «чистой науки» относились к

---

³ Джеймс Д. Уотсон (род. в 1928) – американский биолог, в 1962 году совместно с Фрэнсисом Криком и Морисом Х. Ф. Уилкинсом получил Нобелевскую премию по физике и медицине «за открытия, касающиеся молекулярной структуры нуклеиновых кислот и их значения для передачи информации в живых системах структуры молекулы ДНК». Посвятил многие годы исследованию генома человека и исследованиям в области раковых заболеваний.

⁴ Фрэнсис Крик (1916–2004) – британский молекулярный биолог, биофизик и нейробиолог. В 1962 году совместно с Джеймсом Д. Уотсоном и Морисом Х. Ф. Уилкинсом получил Нобелевскую премию за открытие структуры молекулы ДНК.

⁵ ДНК – дезоксирибонуклеиновая кислота – молекула, обеспечивающая хранение, передачу и реализацию генетической программы развития живых организмов. Имеет вид двойной цепи аминокислот, закрученной в спираль.

⁶ Герберт Бойер (род. в 1936 г.) – американский биохимик. Стал одним из разработчиков метода, с помощью которого можно принудить бактерию производить чужие белки, и одним из родоначальников генной инженерии. Синтезировал инсулин и гормон роста. В 1976 году совместно с венчурным капиталистом Робертом Соунсоном он действительно основал биотехнологическую корпорацию «Генинтех», просуществовавшую как независимая компания до 2009 года.

бизнесу с пренебрежением и свысока смотрели на предприимчивых дельцов. Они считали, что погоня за наживой чужда и просто неинтересна людям интеллектуального склада – этим делом пристало заниматься разве что каким-нибудь торговцам. И производить целевые научные исследования для промышленности, даже в таких престижных лабораториях, как «Белл»⁷ или IBM, следует лишь тем ученым, которые не сумели получить университетский грант на свои разработки. Соответственно, приверженцы «чистой науки» чрезвычайно неодобрительно относились к ученым, которые работали по заказам промышленности, да и к самой промышленности тоже. В результате подобного упорного неприятия бизнеса университетские ученые были совершенно свободны от его порочного влияния. А если и возникала необходимость рассмотреть какой-нибудь научный вопрос, непосредственно касающийся промышленных технологий, незаинтересованные ученые могли обсуждать его на самом высшем уровне.

Но теперь все это осталось в прошлом. Сейчас весьма немногие молекулярные биологи и исследовательские учреждения никак не причастны к коммерческим структурам. Старые добрые времена миновали. А исследования в области генетики продолжаются. Ученые-генетики продвигаются вперед немыслимыми темпами. Но ведутся эти исследования в строжайшей тайне, поспешно и ради выгоды.

В этой насквозь пропитанной коммерцией среде неизбежно должна была возникнуть такая амбициозная компания, как «Интернациональные генетические технологии, инкорпорейтед» в Пало-Альто – «ИнГен». И вовсе не удивительно, что генетический кризис, явившийся результатом деятельности этой компании, должен был остаться «за кадром». Ведь, в конце концов, все исследования, которые проводила компания «ИнГен», были строго засекречены, а сам инцидент произошел в одном из наиболее пустынных и удаленных уголков Центральной Америки, и свидетелями его стало всего около двух десятков человек. Причем в живых из них осталось гораздо меньше.

Даже когда все закончилось и «Интернациональные генетические технологии» 5 октября 1989 года обратились в «Отдел по делам об экономической несостоятельности» в Сан-Франциско, требуя защиты по статье одиннадцатой, – даже тогда это событие почти не привлекло внимания средств массовой информации. Объяснение этому очень простое: «ИнГен» стала уже третьей из мелких американских биоинженерных компаний, которые разорились в этом году, и седьмой по счету, начиная с 1986 года. Очень немногие из материалов судебного разбирательства стали достоянием прессы – поскольку кредиторами «ИнГена» были японские инвесторские консорциумы, такие, как «Хамагури» и «Денсака», а эти компании всегда старались избежать ненужной огласки. Чтобы не допустить излишней огласки и в этом деле, Дэниэл Росс из адвокатской фирмы «Коуэн, Свейн и Росс», который консультировал «ИнГен», тоже посоветовал сослаться на традиции японских инвесторов. А несколько неожиданную петицию от вице-консула Коста-Рики просто оставили без внимания. Именно поэтому не стоит удивляться, что уже через какой-нибудь месяц все неприятности «ИнГена» были тихо и любовно улажены.

Все, кто участвовал в улаживании конфликта, в том числе и несколько именитых ученых-консультантов, дали подписку о неразглашении и не желали ни с кем обсуждать случившееся. Но множество сотрудников бывшей компании «ИнГен» никаких подписок не давали и, наоборот, горели желанием поговорить о весьма примечательных событиях, которые в конце

---

⁷ Лаборатории Белла (*Bell Labs*) – американская (позже – франко-американская) корпорация, крупнейший исследовательский центр в области телекоммуникаций, электронных и компьютерных систем. Основана в 1925 году и существует по сей день. За годы своей деятельности корпорация разработала множество революционных технологий, таких, как транзистор, лазер, кварцевые часы, теорию информации, операционную систему UNIX, языки программирования C, C++ и др. Ученые Bell Labs семь раз становились лауреатами Нобелевской премии.

концов привели к тем последним двум дням в августе 1989 года на небольшом островке, затерянном в океане к западу от берегов Коста-Рики.

Пролог

Укус раптора

Мощные струи тропического ливня молотили по рифленой крыше больницы, с гулким рокотом проносились вниз по металлическим водосточным желобам, выплескивались на землю и растекались широкими потоками. Роберта Картер тяжело вздохнула и посмотрела в окно. Из больничного окна почти ничего нельзя было разглядеть – и пляж, и океан скрывала сплошная пелена дождя. Роберта представляла себе все совсем иначе, когда отправлялась в рыбацкий поселок Бахья-Анаско на западном побережье Коста-Рики, где она должна была проработать два месяца на должности участкового врача. Роберта Картер думала, что здесь ее ждет ласковое солнце и приятный отдых после двух лет изнурительной стажировки в Центре экстремальной медицины Майкла Ризи, в Чикаго.

И вот она уже три недели в Бахья-Анаско. И каждый божий день здесь идет дождь.

Впрочем, на все остальное просто грех жаловаться. Роберте пришлось по душе и удаленность Бахья-Анаско от населенных мест, и искреннее дружелюбие местных жителей. Система медицинского обслуживания в Коста-Рике – одна из двадцати лучших в мире, и даже в этой заброшенной прибрежной деревушке больница прекрасно оборудована и оснащена всеми необходимыми приборами и медикаментами. Ассистент врача, фельдшер Мануэль Арагон, – грамотный специалист с хорошей практической подготовкой. Здесь Роберта вполне могла выполнять манипуляции такого же уровня сложности, как в Чикаго.

Но этот дождь! Постоянный, нескончаемый дождь!

Мануэль, сидевший в противоположном конце комнаты для осмотра больных, вдруг вскинул голову и сказал:

– Вы слышите?

– Слышу, слышу, можешь не сомневаться, – отозвалась Роберта.

– Нет, я не об этом. Слушайте!

И вот она тоже уловила посторонний звук, пробивавшийся сквозь шум дождя, – низкий рокот, который все нарастал, становился все громче, пока не превратился в ясно различимый ритмичный стрекот винтов вертолета. Роберта подумала: «Но вертолеты не летают в такую погоду!»

Однако стрекот вертолета звучал уже совсем отчетливо, а потом показался и сам вертолет – машина вынырнула из пелены дождя очень низко над водой, взмыла выше, сделала круг, потом снова вернулась к береговой полосе. Роберта смотрела, как вертолет пролетел над водой, в ту сторону, где стояли рыбацьи лодки, потом свернул к шаткой пристани, потом снова полетел к пляжу.

Они ищут, где приземлиться.

Это был толстопузый «Сикорски» с голубой полосой вдоль борта и надписью: «Транспорт компании «ИнГен». «ИнГен» – так называлась компания, строившая новый курортный центр на одном из островов, расположенных неподалеку отсюда. Поговаривали, что в этом курортном центре будут какие-то необычные эффектные зрелища, для которых возводились очень сложные конструкции, – многие местные жители нанимались рабочими на строительство, длившееся уже более двух лет. Роберта прекрасно представляла себе такие курорты – грандиозные американские центры отдыха с плавательными бассейнами и теннисными кор-

тами, где отдыхающие могут пить коктейли и развлекаться, не вспоминая о реальной жизни, полностью оторванные от мира.

Роберта гадала – что же такого могло произойти на острове, какая крайняя необходимость вынудила вылететь на вертолете в такую ужасную погоду? Вертолет приземлился совсем близко, на мокрый песчаный пляж. Роберта разглядела через ветровое стекло, как пилот с облегчением вздохнул, благополучно посадив машину. Из кабины выпрыгнули люди в форме, большая боковая дверца распахнулась настежь. Роберта услышала крики – кричали по-испански. Мануэль дернул ее за рукав.

Звали врача.

...Двое чернокожих в летной форме несли к больнице безвольно обвисшее тело, а белый, в желтом непромокаемом плаще, выкрикивал приказы. На голове у него была бейсбольная кепочка, из-под которой выбились пряди рыжих волос. Роберта выбежала им навстречу.

– Здесь есть доктор? – спросил рыжий мужчина.

– Я – доктор Картер, – представилась Роберта.

Крупные капли дождя немилосердно барабанили по голове и плечам, она вмиг промокла насквозь. Рыжеволосый критически оглядел ее и нахмурился. Роберта была одета в обрезанные джинсы и майку-топ. На шее у нее висел стетоскоп, металлические части которого были тронуты ржавчиной – из-за соленого воздуха.

– Эд Регис. Мы привезли очень тяжелого пациента, доктор.

– Тогда вам лучше сразу доставить его в Сан-Хосе, – сказала Роберта. – Сан-Хосе – крупный город, а лететь до него отсюда всего минут двадцать.

– Мы бы так и сделали, но при этой погоде вертолет не сможет перевалить через горы. Придется вам лечить его здесь.

Роберта быстро зашагала рядом с больным, которого понесли внутрь клиники. Это был совсем молодой парень, почти мальчик, вряд ли старше восемнадцати лет. Приподняв заливную кровью рубашку, которой был накрыт паренек, Роберта увидела у него на плече глубокую рваную рану и еще одну рану, не менее страшную, – на ноге.

– Что с ним случилось?

– Несчастный случай на стройке, – объяснил Эд. – Парень упал. И попал под ковш экскаватора.

Паренек мелко дрожал всем телом. Он был без сознания, бледный как полотно.

Мануэль встречал их у двери клиники, выкрашенной в ярко-зеленый цвет. Он махнул рукой, показывая, куда идти. Раненого парня внесли внутрь и уложили на операционный стол, стоявший в центре комнаты. Мануэль приготовил аппарат для внутривенных инъекций, а Роберта тем временем включила закрепленную над столом бестеневую лампу, склонилась над больным и стала более внимательно исследовать его раны. Ей сразу стало ясно, что повреждения крайне серьезные. Паренек почти наверняка погибнет.

Глубокая рваная рана тянулась от плеча почти через всю грудную клетку. Кожа на краях раны висела лохмотьями, из зияющего разрыва выпирала плоть. Плечо было сильно деформировано, в ране виднелись белые обломки костей. Вторая рана оказалась такой же глубокой, мышцы бедра были разорваны так, что обнажилась пульсирующая бедренная артерия. Роберте показалось, что ногу парня буквально вспороли и зверски разодрали.

– Расскажите-ка еще раз, как он был ранен, – попросила она.

– Сам я этого не видел, – откликнулся Эд. – Как мне сказали, его помяло экскаватором.

– Мальчик выглядит так, будто его искусал и порвал зверь, – возразила Роберта Картер, исследуя рану.

Как большинство врачей «Скорой помощи», она прекрасно помнила всех своих пациентов, даже тех, кого лечила много лет назад. Роберта дважды видела раны, нанесенные живот-

ными. Один раз это был двухлетний ребенок, которого покусал ротвейлер. Вторым пациентом был пьяный дрессировщик из цирка, с которым сводил счеты бенгальский тигр. В обоих случаях повреждения выглядели совершенно одинаково. Раны этого юноши тоже носили типичные черты повреждений, нанесенных животными.

– Зверь покусал? Да нет, что вы! Поверьте, это обычный экскаватор, – отвечая, Эд нервно облизывал губы.

Он заметно забеспокоился – как будто за ним числился какой-то грешок. Роберта удивила – и почему он вдруг так разволновался? Раз уж на строительстве используют неквалифицированных рабочих из местных жителей, с ними постоянно должны приключаться всякие несчастные случаи.

Мануэль спросил:

– Будете обрабатывать рану?

– Да. Только сперва помой больного, – ответила Роберта.

Она наклонилась пониже и принялась ощупывать раны пальцами. Если паренька переехал экскаватор, наверняка в глубь раны должна была набиться земля. Но никакой грязи там не было – только скользкая, липкая, пенистая слизь. И еще от раны исходил какой-то странный неприятный запах, похожий на вонь гниющего мяса, – запах смерти и разложения. Роберте никогда прежде не встречался подобный запах.

– Давно это с ним случилось? – спросила она.

– Примерно с час назад.

И снова Роберта отметила, как Эд занервничал. Похоже, он вообще был человеком беспокойным и несколько неуравновешенным. И с виду он совсем не походил на прораба со стройки. Скорее уж на какого-нибудь администратора, кабинетного работника. И сейчас Эд Регис явно выбит из привычной колеи.

Роберта Картер задумалась о ранах, которые предстояло обработать. Почему-то она была на все сто уверена, что имеет дело не с механической травмой. Раны этого парня просто выглядели совсем иначе. В них никакого загрязнения, никаких частиц почвы и совершенно отсутствуют признаки ушиба и сдавления. При любых механических травмах – и автодорожных, и производственных – практически всегда обязательно отмечаются симптомы ушиба и сдавления поврежденных тканей. А здесь – ничего подобного! Напротив, кожа молодого рабочего явно вспорота или разорвана – поперек плеча и еще раз – поперек бедра.

Да, определенно эти раны выглядят так, будто нанесены животным. Однако, с другой стороны, большая часть тела пострадавшего осталась целой, а это как раз не типично для нападения животных. Роберта еще раз внимательно осмотрела голову раненого, туловище, руки...

Руки!

У Роберты мороз пробежал по коже, когда она рассмотрела руки юноши. Обе ладони были испещрены короткими, но глубокими порезами, запястья и предплечья посинели от кровоподтеков. Роберта Картер достаточно проработала в чикагском Центре экстремальной медицины, чтобы понять, что это означает.

– Хорошо, – сказала она. – А теперь – подождите снаружи.

– Почему это? – встревожился Эд Регис. Такое развитие событий явно пришлось ему не по вкусу.

– Вы что, собираетесь мне мешать? – Роберта выпроводила Эда на улицу и захлопнула дверь прямо у него перед носом. Она не знала, что тут творится, но ей все это определенно не нравилось.

Мануэль спросил:

– Мне мыть дальше?

– Да, давай, Мануэль, – сказала Роберта, а сама взяла свой маленький «Олимпус», фотоаппарат-«мыльницу», и сделала несколько снимков раны, со вспышкой – для лучшей освещен-

ности. «Определенно, это выглядит, как укусы животного», – думала Роберта. Но вот парень застонал. Роберта отложила фотоаппарат в сторонку и наклонилась к нему. Губы паренька зашевелились, распухший язык почти не слушался.

– Raptor... Lo sa raptor... – прошептал раненый по-испански.

При этих словах Мануэль замер и в испуге отступил назад.

– Что это означает? – спросила Роберта.

Мануэль покачал головой:

– Не знаю, доктор. «Lo sa raptor» – no es espanol.

– Да? – А ей показалось, что это как раз по-испански. – Тогда давай, заканчивай его мыть.

– Нет, доктор. Плохой, очень плохой запах. – Мануэль сморщил нос, потом поспешно перекрестился.

Роберта еще раз присмотрелась к пенистой слизи, налипшей на рану. Роберта дотронулась до нее, растерла кончиками пальцев. Очень похоже на слюну...

Губы раненого снова зашевелились.

– Раптор... – прошептал он.

С откровенным ужасом в голосе Мануэль сказал:

– Оно его укусило...

– Что его укусило, Мануэль?

– Раптор.

– Да что такое этот раптор?

– Это значит «гупия».

Роберта нахмурилась. Насколько она знала, костариканцы не особенно подвержены суевериям и религиозным предрассудкам, но в поселке не раз заговаривали об этом «гупия». Местные жители считали «гупия» чем-то вроде кошмарных призраков, безликих вампиров, которые крадут по ночам маленьких детей. По поверьям, эти «гупия» когда-то населяли безлюдные коста-риканские горы, но теперь расселились и на прибрежных островах.

Мануэль продолжал потихоньку пятиться подальше от больного, непрерывно крестясь и бормоча под нос:

– Этот жуткий запах – это ненормально... Это «гупия», «гупия»...

Роберта уже готова была приказать ему вернуться к работе, как вдруг раненый паренек широко открыл глаза, поднялся и сел на операционном столе. Мануэль затрясся от страха. Парень что-то нечленораздельно промычал-простонал, потряс головой, повел из стороны в сторону широко распахнутыми, невидящими глазами, и тут его вырвало – он изверг из себя целый фонтан густой крови, перемешанной с осклизлыми кусками рвотных масс. Сразу же после этого мышцы юноши стали беспорядочно сокращаться, все тело содрогалось в конвульсиях. Роберта бросилась к нему, хотела поддержать, но не успела – парень повалился со стола прямо на выложенный плиткой пол операционной. Его снова вырвало кровью. Кровь была повсюду.

– Черт, что вы тут устроили? – спросил Эд, приоткрыв дверь. Но, увидев лужи темной крови, он мгновенно выскочил обратно, зажимая ладонью рот. Роберта подхватила палочку, чтобы вставить ее между зубами корчившегося в судорогах парня. Но, даже уже проделав это, она, как врач, понимала, что все бесполезно. Больной безнадежен. И вот тело паренька в последний раз изогнулось дугой и замерло, безвольно вытянувшись на полу.

Роберта опустилась на колени, собираясь делать искусственное дыхание рот-в-рот, но Мануэль метнулся к ней, схватил ее за плечи и оттащил назад.

– Нет! Не делайте этого, доктор! – страшным голосом проговорил он. – «Гупия» может перекинуться на вас!

– Мануэль, ради бога...

– Нет! – Ассистент с мольбой уставился на нее. – Нет, пожалуйста, доктор! Вы просто не понимаете, что это такое...

Роберта взглянула на распростертое на полу тело и поняла, что искусственное дыхание тут уже все равно ни к чему. Вернуть юношу к жизни не было никакой возможности. Мануэль позвал людей, те вошли, подняли безжизненное тело и унесли. Зашел Эд. Вытирая губы тыльной стороной ладони, он пробормотал:

– Уверен, вы сделали все, что могли.

Двое чернокожих отнесли тело обратно, все они погрузились в вертолет, и машина взмыла в небо. Роберта посмотрела им вслед.

– Так даже лучше, – сказал Мануэль.

А Роберта все думала о руках паренька. Они были покрыты кровоподтеками и ссадинами, очень характерными для повреждений, полученных при защите от нападающего животного. Роберта была совершенно уверена – мальчик погиб вовсе не от какого-то несчастного случая на строительстве. На него напал зверь, и юноша поднял руки, пытаясь защититься от животного.

– А где находится этот остров, с которого они прилетели? – спросила Роберта.

– В океане. Наверное, в сотне, еще сотне и еще двадцати милях от побережья.

– Далековато для будущего курорта...

Мануэль посмотрел вслед улетающему вертолету:

– Надеюсь, они никогда сюда не вернутся.

«Ну, по крайней мере, у меня остались снимки», – подумала Роберта. Однако, когда она вернулась в операционную, выяснилось, что фотоаппарат бесследно исчез.

Поздно ночью дождь наконец закончился. Роберта листала свой потрепанный испанский словарь в мягкой обложке. Умиравший паренек несколько раз повторил слово «раптор», и, несмотря на возражения Мануэля, Роберта все же считала, что это слово – испанское. Так и оказалось – она нашла его в словаре. «Раптор» по-испански означало «насильник» или «похититель детей».

Тут было от чего призадуматься. Значение слова подозрительно точно подходило к тому мифическому существу, которое здесь называли «гупиа». Роберте, конечно же, были чужды всяческие суеверия и предрассудки. И никакое привидение не смогло бы так изранить руки парнишки. О чем же все-таки пытался рассказать ей умирающий?

Из соседней комнаты донеслись стоны и тяжкие вздохи. У одной из поселковых женщин как раз начинались роды, и сейчас за ней присматривала местная повивальная бабка, Элена Моралес. Роберта заглянула в ту комнату и жестом попросила Элену на минуточку выйти.

– Элена...

– Si, доктор?

– Вы знаете, что такое «раптор»?

– Si. – Элена кивнула. – Это значит... Это такой человек, который приходит ночью и крадет деток.

– Похититель детей?

– Да.

– «Гупиа»?

Элена мгновенно переменялась в лице:

– Не говорите этого слова, доктор!

– Почему это?

– Нельзя говорить о них в такое время! – настойчиво пробормотала повитуха, кивнув в сторону комнаты, из которой доносились вздохи и стоны роженицы. – Очень не умно говорить сейчас это слово.

– Но скажите, Элена, кусает ли раптор свои жертвы? Разрывает ли он их когтями?

– Кусает? Рвет когтями? – повторила Елена, явно озадаченная. – Да что вы, доктор! Нет, конечно! Раптор – это же человек, который просто крадет младенцев. – Повитухе определенно не нравилась тема разговора, и она старалась поскорее с этим покончить: – Я позову вас, доктор, когда она будет готова. По-моему, это примерно через часик-другой, – сказала Елена и поспешила обратно, к роженице.

Роберта смотрела на звезды и вслушивалась в мирный плеск волн на побережье. В темноте ночи она различала смутные силуэты рыбачьих лодок, пришвартованных вдоль берега. В такую тихую и спокойную ночь казалось несусветной глупостью разговаривать о вампирах и похищенных младенцах.

Роберта снова вспомнила, как Мануэль уверял ее, что слово «раптор» не испанское. Из чистого любопытства она просмотрела свой краткий толковый словарь английских слов. И каково же было ее удивление, когда здесь тоже отыскалось это слово:

Raptor, существительное (происх. от лат. «raptor» – грабитель, похититель; фр. «raptus»): хищная птица.

Первое повторение

В самом первом коротком отрезке кривой заложены ключи к разгадке ее математической структуры.

Ян Малкольм

Почти рай

Майк Боумен радостно насвистывал, ведя свой «Лендровер» по заповеднику Кабо-Бланко, расположенному на западном побережье Коста-Рики. В это прекрасное июльское утро ехать было одно удовольствие – дорога вилась почти по самому краю горного утеса, и с нее открывались великолепные виды на джунгли и лазурную гладь Тихого океана. В путеводителе говорилось, что в Кабо-Бланко совершенно нетронутая дикая природа, что это почти рай. И, глядя сейчас на эту первозданную красоту, Боумен с удовлетворением думал, какой удачный получился у них отпуск.

Майк Боумен, тридцати шести лет, занимался строительством жилых домов в родном Далласе. Свой двухнедельный отпуск он решил провести вместе с женой и дочерью в Коста-Рике. Вообще-то, изначально идея этой поездки принадлежала жене Майка. Элен прожужжала ему все уши, расписывая красоты национальных парков Коста-Рики: «Как здорово было бы показать все это Тине!» Однако, когда семейство прибыло в Коста-Рику, вдруг выяснилось, что Элен стремилась сюда вовсе не из-за красот дикой природы – на самом деле она намеревалась посетить клинику косметической хирургии в Сан-Хосе. Майк Боумен впервые услышал, какие чудесные – и к тому же недорогие – косметические операции делают в Коста-Рике, особенно в шикарных частных клиниках Сан-Хосе.

Естественно, у супругов случился по этому поводу грандиозный скандал. Майк подозревал, что Элен его обманывала, – и оказалось, что это действительно так и есть! Поэтому Майк уперся и запретил Элен даже думать о каких-то там косметических операциях. Да и вообще – это же просто смешно – Элен еще и тридцати нет, и она и так очень красивая женщина. Черт побери, да она однажды победила в конкурсе красоты и стала «Доморощенной Королевой» – когда училась в последнем классе школы. А это было всего десять лет назад. Но тем не менее Элен вечно сомневалась в своей привлекательности и очень волновалась из-за этого. Создавалось впечатление, что последнее время она больше всего беспокоилась о том, как бы не подурнеть, не утратить привлекательности.

Об этом и обо всем остальном – тоже.

«Лендровер» подпрыгнул на ухабе, из-под колес во все стороны полетела жидкая грязь. Элен спросила:

– Майк, ты уверен, что мы едем по правильной дороге? Мы уже несколько часов не видели ни единого человека!

– Пятнадцать минут назад мимо проехала другая машина, – напомнил он. – Помнишь, голубая такая?

– Но она ехала в другую сторону...

– Дорогая, ты ведь сама хотела, чтобы пляж был пустынным. Его ты и получишь.

Элен с сомнением покачала головой:

– Хочется верить, что ты прав...

– Да, папочка, надеюсь, ты прав, – сказала Кристина с заднего сиденья. Дочери было восемь лет.

– Поверьте, девочки, все нормально. Ну как тут можно ошибиться? – С минуту они ехали молча. – Здорово здесь, правда? Посмотрите, какая красотища за окном!

– Да, здорово! – согласилась Тина.

Элен достала компактную пудру и стала рассматривать себя в зеркальце, выискивая морщинки. Насмотревшись вдоволь, она тяжело вздохнула и спрятала пудру в косметичку.

Дорога стала хуже, и Майк полностью сосредоточился на машине. Внезапно через дорогу метнулась маленькая темная фигурка. Тина закричала:

– Смотрите, смотрите!

Животное мгновенно скрылось в джунглях.

– Что это было? Мартышка? – поинтересовалась Элен.

– Наверное, беличья обезьянка, – предположил Боумен.

– Можно, я ее запишу? – спросила Тина и достала карандаш. Она записывала и зарисовывала в тетрадку всех животных, которые встречались им на пути. Это было какое-то школьное задание на каникулы.

– Даже не знаю... – с сомнением произнес Майк.

Тина раскрыла путеводитель и пролистала страницы с изображениями животных, которые встречались в заповеднике.

– Вряд ли это была беличья обезьянка, – заключила девочка. – Скорее всего, нам попался просто еще один ревун. – Они уже видели нескольких обезьян-ревунов, пока ехали через джунгли. Тина еще почитала путеводитель и обрадовалась: – Ого! Они тут пишут, что «на пляжах Кабо-Бланко часто встречаются самые разные виды экзотических животных, в том числе обезьяны-ревуны, белолицые мартышки, трехпалые ленивцы и броненосцы». Пап, как ты думаешь, мы увидим трехпалого ленивца?

– Наверняка!

– Ой, правда?!

– А ты посмотри в зеркальце.

– Очень смешно, папа, – насупилась дочка.

Дорога в джунглях пошла под уклон, к берегу океана.

Майк Боумен чувствовал себя настоящим героем, когда они наконец доехали до пляжа. Огромная, шириной в целых две мили, полоса шикарного белого песка, и вокруг – ни души. Боумен остановил «Лендровер» в тени пальмовых деревьев, которые росли у края пляжа, и достал коробки с едой. Элен переоделась в купальный костюм и пожаловалась:

– Честно говоря, даже не представляю, как мне избавиться ото всех этих лишних килограммов...

– Ты выглядишь просто замечательно, – успокоил ее Боумен. Сам Майк считал, что жена даже слишком тощая, но он по опыту знал, что говорить об этом не стоит.

Тина выскочила из машины и побежала на пляж.

– Не забудь надеть панамку от солнца! – крикнула ей вслед Элен.

– Потом, мама! Я хочу сперва посмотреть, вдруг здесь есть ленивцы!

Элен Боумен с подозрением взглянула на пляж, потом на деревья.

– Ты думаешь, с ней ничего не случится?

– Сердце мое, здесь нет ни единого человека на много миль вокруг.

– А змеи? Вдруг здесь водятся змеи!

– О господи... Элен, на пляжах не бывает змей!

– Ну, а вдруг здесь...

– Дорогая! – с нажимом произнес Майк. – Змеи – пресмыкающиеся. Это холоднокровные животные. Они не могут поддерживать постоянную температуру тела. Температура песка сейчас – не меньше девяноста градусов⁸. Если змея выползет на такой песок, она испечется заживо. Можешь мне поверить, никаких змей на пляже нет! – Майк посмотрел на дочь, которая вприпрыжку бежала по пляжу – темная точка на белой песчаной равнине. – Пусть себе бежит. Ты ведь хочешь, чтобы путешествие ей понравилось?

Боумен обнял жену за талию и притянул к себе.

---

⁸ 90 градусов по Фаренгейту практически равны 32 градусам по Цельсию. (Примеч. пер.)

Тина бежала, пока не запыхалась, потом повалилась на теплый песок и, весело смеясь, покатила кувырком к самой кромке воды. Океан был теплый и спокойный, на ровной глади воды не было даже самых маленьких волн. Тина посидела немного, отдышалась после бега. Оглянувшись назад, туда, где остались родители и машина, Тина даже удивилась, как далеко они.

Мама махала рукой, звала ее вернуться. Тина радостно помахала в ответ, делая вид, что не поняла, чего от нее хотят. Ей совсем не хотелось надевать панамку. И не хотелось возвращаться обратно и выслушивать бесконечные разговоры матери о том, как бы сбросить вес. Девочке хотелось остаться здесь и, может быть, – если повезет – увидеть ленивца.

Тина уже видела ленивца – два дня назад, в зоопарке в Сан-Хосе.

Ленивец был похож на мягкую игрушку из «Маппет-шоу», он казался таким милым и совсем безобидным. В любом случае ленивцы ходят так медленно, что она запросто сможет от него убежать.

Тина слышала, как мать ее зовет, и решила уйти с солнца и подальше от воды, в тень пальмовых деревьев. В этом уголке пляжа пальмы росли над переплетением кривых, узловатых корней мангровых деревьев, которые полностью перекрывали все проходы в глубь берега. Тина уселась на теплый песок и пнула ногой сухие листья, опавшие с мангровых деревьев. Она заметила на песке множество птичьих следов. Коста-Рика славилась тем, что здесь очень много разных птиц. В путеводителе говорилось, что птиц в Коста-Рике в три раза больше, чем в Америке и Канаде, вместе взятых.

Трехпалые птичьи следы на песке были самые разные: одни маленькие, тоненькие, едва заметные, другие – покрупнее и сильнее вдавленные в песок. Тина с интересом разглядывала следы и вдруг услышала чириканье и какой-то шорох, которые доносились из мангровых зарослей.

Интересно, чирикают ли ленивцы? Тина думала, что не чирикают, но кто его знает, как там оно на самом деле? Скорее всего это чирикала какая-то морская птица. Тина замерла на месте и стала ждать. В кустах снова что-то зашевелилось, и девочка увидела того, кто шуршал и чирикал. Всего в нескольких метрах от нее из переплетения мангровых корней выбралась ящерица и уставилась на Тину.

Девочка затаила дыхание. Надо же, новое животное для ее списка! Ящерица стояла на двух задних ножках, опираясь на толстый хвост, и смотрела на Тину. В таком положении ящерица была примерно тридцати сантиметров высотой. Кожица у нее была темно-зеленая, с яркими коричневыми полосками поперек спины. Ящерица покачивала тоненькими передними лапками, которые заканчивались маленькими пальчиками с острыми когтями. Зверек потешно наклонил голову, как будто присматриваясь к девочке.

Тине зверушка понравилась. Эта ящерица такая миленькая! Она похожа на большую саламандру. Тина медленно протянула руку с раскрытой ладонью.

Ящерица не испугалась. Она пошла к девочке, смешно переваливаясь на толстых задних лапках. Зверек был размером примерно с курицу и так же, как курица, дергал головой при ходьбе. Тина подумала, что из этой ящерицы получился бы чудесный домашний любимец.

Девочка обратила внимание на то, что ящерица оставляет на песке трехпалые следы, точно такие же, как следы птиц. А ящерица подошла уже совсем близко... Девочка сидела не шевелясь, чтобы не спугнуть маленькую зверушку. Тина даже удивилась, что зверек совсем ее не боится и так близко подходит, но потом вспомнила – это же заповедник, и все звери здесь знают, что они под защитой. Эта ящерица, наверное, совсем ручная. Возможно, она даже надеется, что Тина угостит ее чем-нибудь вкусеньким. Девочка пожалела, что не прихватила с собой никакой еды. Тина медленно протянула раскрытую ладонь, показывая зверьку, что в руке нет ничего съедобного.

Ящерица приостановилась, качнула головой и звонко чирикнула.

– Прости, но у меня ничего нет, – сказала девочка.

И тут, совершенно неожиданно, ящерица вдруг вспрыгнула на вытянутую руку девочки. Тина почувствовала, как маленькие острые коготки вцепились в ее ладонь. К тому же зверек оказался на удивление тяжелым.

А потом ящерица стала быстро карабкаться вверх по руке девочки, к ее лицу.

– Я просто хочу, чтобы она все время была на виду, вот и все. Я просто хочу ее видеть, – сказала Элен Боумен и еще раз посмотрела на пляж, прищурив глаза от яркого солнца.

– Я уверен, что с ней все в порядке, – откликнулся Майк, рассматривая еду, которую для них приготовили и запаковали в гостинице. Жареная курица и бутерброды с каким-то мясным паштетом. Вряд ли Элен станет есть что-нибудь из этого. Даже не попробует.

– А она не могла уйти с пляжа?

– Дорогая моя, нет, не могла.

– Здесь так пустынно... – пожаловалась Элен.

– По-моему, это как раз то, чего тебе так хотелось, – заметил Боумен.

– Да, хотелось...

– Ну так в чем тогда дело? Что тебе не нравится?

– Я только хочу, чтобы наша дочь все время была на виду, вот и все, – повторила Элен.

И тут в порыве ветра, налетевшего с океана, им послышался голос дочери. Тина отчаянно визжала.

Пунтаренас

– Полагаю, сейчас она уже чувствует себя довольно хорошо, – сказал доктор Круз, опуская прозрачный полог пластикового кислородного тента над спящей Кристиной. Майк Боумен сидел возле кровати, рядом с дочерью. На Майка доктор Круз произвел хорошее впечатление: он явно знал свое дело и прекрасно говорил по-английски – научился во время стажировки в лучших медицинских центрах Лондона и Балтимора. Доктор Круз как будто излучал уверенность в себе и компетентность, да и сама клиника Санта-Марии, современная, лучшая в Пунтаренасе, славилась безукоризненной чистотой и квалифицированным персоналом.

И все равно Майк Боумен никак не мог успокоиться. Да и какое тут могло быть спокойствие, когда их единственная дочь страшно больна, а они так далеко от родного дома.

Когда Майк подбежал к Тине на пляже, девочка истерично рыдала. Вся ее левая рука была залита кровью и покрыта множеством небольших, но глубоких укусов, каждый размером с ноготь большого пальца. И еще по всей руке были размазаны хлопья липкой слизи, похожей на пенистую слюну.

Майк на руках понес дочку через весь пляж обратно к машине. Почти сразу рука Тины начала краснеть и опухать. Майк никогда в жизни не забудет той бешеной гонки назад, к цивилизованным местам. Полноприводный «Лендровер» ревел, как раненый зверь, оскальзываясь на покрытых жидкой грязью склонах холмов, а маленькая Тина кричала и плакала от боли и страха – ее рука все сильнее краснела и отекала. Они еще не доехали и до границ заповедника, а отечность распространилась до самой шеи Тины, и девочка начала задыхаться...

– Теперь все с ней будет в порядке? – спросила Элен, глядя на дочь сквозь пластиковый кислородный тент.

– Я думаю, опасность миновала, – ответил доктор Круз. – Ей ввели еще одну дозу стероидов, и девочка дышит теперь значительно свободнее. Кроме того, смотрите – отечность на руке заметно уменьшилась.

– А что насчет этих укусов? – спросил Майк Боумен.

– Мы пока не идентифицировали животное, которое нанесло раны, – сказал доктор. – Мне самому никогда раньше не приходилось видеть такие укусы. Но обратите внимание, они теперь совсем незаметны. Было очень непросто добиться того, чтобы на коже не осталось никаких следов. Хорошо еще, что я сделал фотографии, и позднее мы сможем провести идентификацию укусов по снимкам. Кроме того, при обработке ран я собрал образцы пенистой слизи и отправил на анализ – одну порцию в нашу клиническую лабораторию, вторую – в лабораторию в Сан-Хосе, а третью мы оставили в морозильной камере, на тот случай, если понадобится повторить исследование. У вас сохранились рисунки ящерицы, которые сделала девочка?

– Да. – Майк отдал доктору листы, на которых Тина по его просьбе изобразила ископаемое ее животное.

– Значит, именно это животное ее укусило? – спросил доктор Круз, рассматривая рисунок.

– Да, – подтвердил Майк Боумен. – Тина рассказала, что это была зеленая ящерица размером с курицу или с ворону.

– Я не знаю таких ящериц, – признался доктор. – Она нарисовала ее стоящей на задних лапах...

– Все правильно, – сказал Боумен. – Тина как раз говорила, что ящерица бегала на двух лапах.

Доктор Круз задумался, порассматривал картинку еще немного, потом предложил:

– Я не специалист по ящерицам. Знаете, что мы сделаем? Пригласим на консультацию доктора Гутиереса. Он – ведущий специалист-биолог в Национальном парке «Карера», это на другой стороне бухты. Возможно, он поможет нам опознать это животное.

– А нельзя пригласить кого-нибудь из Кабо-Бланко? – спросил Боумен. – Ведь это там Тину покусало животное.

– К сожалению, нельзя. В Кабо-Бланко нет постоянного научного персонала, и сейчас там не работает ни одна исследовательская группа, – пояснил доктор Круз. – Вы, наверное, были первыми людьми, которые попали на тот пляж за последние несколько месяцев. Но заверяю вас, доктор Гутиерес достаточно компетентен и сможет установить, что это за животное.

Доктор Гутиерес оказался крепким бородатым мужчиной, одетым в рубашку и шорты цвета хаки. Как ни странно, доктор Гутиерес был американцем. Когда его представили Боуменам, Гутиерес заговорил на прекрасном английском с мягким южным акцентом:

– Мистер и миссис Боумен, искренне рад вас видеть, – а потом рассказал, что он – биолог из Йельского университета, проводит здесь полевые исследования и работает в Коста-Рике уже пять лет. Марти Гутиерес внимательно обследовал Тину. Осторожно придерживая руку девочки, Гутиерес долго рассматривал через увеличительное стекло каждый след от укуса, а потом измерил их все с помощью карманной рулетки. Спустя некоторое время он отступил от Тины и кивнул самому себе, как будто приняв какое-то решение. После чего он изучил фотоснимки с изображением ран и задал доктору Крузу несколько вопросов о характере слизистых выделений. Доктор Круз сообщил, что образцы слюны животного только недавно отправлены в лабораторию на исследование и результаты пока неизвестны.

Наконец Гутиерес повернулся к Майку Боумену и его жене, которые с нетерпением ждали объяснений.

– Я думаю, с Тиной все будет в полном порядке. Но все же мне хотелось бы уточнить некоторые подробности, – сказал он. – По словам вашей дочери, ее укусила зеленая ящерица размером примерно в тридцать сантиметров, которая передвигалась на двух задних лапах и вышла на пляж из мангровых зарослей, так?

– Да, все правильно.

– И эта ящерица издавала определенные звуки?

– Тина говорила, что зверек вроде бы чирикал или попискивал...

– Вроде бы как мышь, так?

– Ну да.

– Хорошо. Я знаю, что это за ящерица.

И Гутиерес рассказал, что из шести тысяч разновидностей ящериц, которые существуют в природе, на задних ногах передвигаются только двенадцать видов. Из этих двенадцати в Латинской Америке водятся только четыре разновидности. А принимая во внимание окраску ящерицы, покусавшей Тину, это может быть только одна из четырех возможных.

– Так что я совершенно уверен – вашу девочку покусал *Basiliscus amoratus* – полосатая василисковая ящерица, которая водится в Коста-Рике и в соседнем Гондурасе. Когда эти ящерицы стоят, выпрямившись, на задних ногах, они действительно в высоту достигают примерно тридцати сантиметров.

– Они ядовитые?

– Нет, миссис Боумен. Совершенно не ядовитые. – Гутиерес сказал, что покраснение и отеки на руке у Тины объясняются аллергической реакцией. – Согласно литературным данным, примерно у четырнадцати процентов людей сильная аллергия на пресмыкающихся. Похоже, ваша дочь относится к этим четырнадцати процентам.

– Она кричала, ей было очень больно.

– Наверняка ей действительно было очень больно, – согласился Гутиерес. – Слюна пресмыкающихся содержит большое количество серотонина, который вызывает просто чудовищ-

ную боль. – Он повернулся к доктору Крузу: – Полагаю, после введения антигистаминных препаратов артериальное давление у девочки быстро пришло в норму?

– Да, почти сразу, – подтвердил Круз.

– Вот видите – дело в серотонине. Все ясно, – сказал Гутиерес.

Но Элен Боумен было ясно еще далеко не все.

– А почему эта ящерица на нее набросилась?

– Ящерицы кусают людей довольно часто, – стал рассказывать Гутиерес. – Люди, которые ухаживают за животными в зоопарках, постоянно ходят покусанные. А совсем недавно я слышал про случай, когда ящерица укусила младенца прямо в колыбели. Это случилось в Амалойе, всего в шестидесяти милях от того места, где вы отдыхали. Так что укусы ящериц – вовсе не редкость. Что делала девочка перед тем, как ящерица ее укусила?

– Ничего. Она сказала, что просто сидела тихонько, стараясь не шевелиться, чтобы не отпугнуть животное.

– Значит, она просто сидела... – повторил Гутиерес и нахмурил брови. Потом покачал головой и сказал: – Вряд ли мы теперь сможем с точностью установить, что и как там произошло. Понимаете, поведение диких животных совершенно непредсказуемо.

– А почему у Тины вся рука была в пенистой слюне? – спросила Элен. – Я все время думаю о бешенстве...

– Нет-нет, это исключено, миссис Боумен, – сказал Гутиерес. – Пресмыкающиеся не болеют бешенством и не могут стать его переносчиками. У вашей дочери была просто сильная аллергическая реакция на укусы василисковой ящерицы – только и всего.

Потом Майк Боумен показал Гутиересу рисунок ящерицы, сделанный Тиной. Гутиерес кивнул:

– Да, я согласен, это довольно похоже на василисковую ящерицу. Но, конечно, рисунок не совсем правильный. Шея слишком длинная, и еще она нарисовала по три пальца на каждой ноге, а должно быть пять. Хвост слишком толстый и слишком высоко поднят. Но в целом это изображение вполне соответствует той ящерице, о которой шла речь.

– Но Тина как раз и говорила, что шея у ящерицы была какая-то слишком длинная, – настаивала Элен Боумен. – И еще она говорила, что пальцев было по три.

– Тина очень внимательная девочка, – добавил Майк Боумен.

– Наверняка так и есть. – Гутиерес улыбнулся. – И все же я уверен, что вашу дочь покусала обычная *Basiliscus amoratus*, на укусы которой у Тины развилась ярко выраженная аллергическая реакция. Обычно при хорошем лечении такое состояние проходит через двенадцать часов. Завтра утром с вашей дочерью все будет в порядке.

В современной, прекрасно оснащенной лаборатории клиники Санта-Марии узнали, что американского ребенка осматривал доктор Гутиерес и определил животное, которое покусало девочку, – это оказалась обычная безвредная василисковая ящерица. И успокоенные лаборанты немедленно прекратили все дальнейшие исследования, несмотря на то что при предварительном фракционном анализе было обнаружено несколько протеинов неизвестной биологической активности, с необычайно высокой молекулярной массой. Но в эту ночь смене лаборантов досталось много работы, и они просто упрятали образцы слюны в холодильник.

На следующее утро лаборант дневной смены стал проверять холодильник, сверяя надписи на образцах со списком больных. Выяснилось, что Кристина Боумен выписывается сегодня утром. Тогда лаборант, недолго думая, выбросил пробирки со слюной в мусорную корзину. Уже в корзине он заметил на одной из пробирок красную наклейку, которая означала, что образец следует переправить дальше, в университетскую лабораторию в Сан-Хосе. Лаборант выудил пробирку с красной меткой из урны и отправил ее куда следовало.

– Ну, давай, Тина. Скажи спасибо доктору Крузу. – Элен Боумен подтолкнула дочку вперед.

– Спасибо, доктор Круз, – послушно произнесла Тина. – Мне уже намного лучше. – Она потянулась, взяла доктора за руку и пожала ее. Потом сказала: – А у вас другая рубашка.

Сперва доктор Круз не понял, о чем говорит девочка, а потом улыбнулся:

– Ты верно подметила, Тина. Когда я работаю в клинике по ночам, то наутро всегда надеваю свежую рубашку.

– А галстук оставляете тот же самый, да?

– Да, только рубашку надеваю другую.

Элен Боумен заметила:

– Вот, Майк же говорил вам, какая она наблюдательная.

– Да, это точно. – Доктор Круз улыбнулся и сердечно пожал руку маленькой наблюдательной девочке: – Желаю тебе хорошо отдохнуть в Коста-Рике весь остаток каникул, Тина.

– Спасибо.

Семейство Боуменов уже собралось уходить, но доктор Круз вдруг спросил:

– Тина, ты хорошо помнишь ту ящерку, что тебя покусала?

– Угу.

– Помнишь, какие у нее ножки?

– Угу.

– На них были пальчики?

– Да.

– А сколько пальчиков было у ящерицы на ножках?

– Три! – не задумываясь ответила девочка.

– Откуда ты знаешь?

– Я специально смотрела, – сказала Тина. – Там на песке было много всяких птичьих следов, и все одинаковые, из трех пальцев, вот такие. – Девочка расставила три пальца в стороны и показала, какие именно были следы. – А от той ящерицы тоже оставались на песке точно такие же.

– Ящерица оставляет такие же отпечатки на песке, как птицы, да?

– Ага! – кивнула Тина. – И ходит она тоже совсем как птица. Все время мотает головой то вниз, то вверх, вот так. – И девочка прошлась по комнате, кивая головой при каждом шаге.

После того как Боумены ушли, доктор Круз решил сообщить об этом разговоре Гутиересу, на биологическую станцию.

– Должен признать, случай, который произошел с этой девочкой, весьма необычен, – сказал Гутиерес. – Я собираюсь отправиться туда и лично провести кое-какие наблюдения. Теперь я не совсем уверен, что ее покусала василисковая ящерица. То есть совсем не уверен.

– Тогда что это могло быть?

– Послушайте, давайте пока не будем строить никаких догадок, – предложил Гутиерес. – Кстати, вам в клинике не приходилось слышать о других случаях, когда людей кусали ящерицы?

– Да нет, вообще-то.

– Если что-нибудь такое случится – обязательно дайте мне знать, дружище. Договорились?

Пляж

Мarti Гутиерес сидел на пляже и следил за солнцем, которое опускалось все ниже и ниже. Вот край солнечного диска уже коснулся горизонта, на ровной глади залива заплесали ослепительные блики, а Гутиерес все сидел в тени пальмовых деревьев, возле непроходимых мангровых зарослей на пляже Кабо-Бланко. Насколько Martи смог определить, это было то самое место, где два дня назад сидела американская девочка Тина Боумен.

Он не соврал Боуменам, утверждая, что ящерицы кусают людей довольно часто. Однако Гутиерес никогда еще не слышал о том, что кого-то покусала полосатая василисковая ящерица. И уж точно никогда не бывало, чтобы после укусов ящерицы люди попадали в больницу. Кроме того, радиус укусов на руке Тины был необычно большим для василисковой ящерицы. Когда Гутиерес вернулся после консультации к себе на станцию, он добросовестно провел небольшое исследование в местной библиотеке и нигде не нашел ни единого упоминания об укусах василисковой ящерицы. Потом он попробовал отыскать сведения о подобных случаях в компьютерной базе данных Американского отделения Международной научной биологической библиотеки – с тем же результатом. Ничего не было известно ни об укусах василисковой ящерицы, ни о случаях госпитализации людей, которых она покусала.

Тогда Гутиерес позвонил медицинскому работнику в Амалойе, и тот подтвердил, что у них действительно был такой случай – младенца девяти дней от роду укусило за ногу какое-то животное, и бабушка ребенка – единственная, кто это животное видел, – утверждает, что это была ящерица. Судя по описанию, которое дала старушка, ящерица была зеленая, с коричневыми полосками на спине. Зверек укусил ребенка несколько раз, прежде чем старушка его отогнала.

– Необычный случай, – сказал Гутиерес.

– Да не особенно, – ответил врач из Амалойи и рассказал, что случаи нападения ящериц на детей бывали и в других местах. Например, в Васкосе, еще одном прибрежном поселке неподалеку от Амалойи, ящерица тоже покусала спящего ребенка. И еще такое же случилось в Пуэрта Сотреро. Все известные случаи произошли в последние два месяца. Всякий раз жертвами нападения ящериц становились спящие младенцы или маленькие дети.

Видя столь неожиданные, но вполне определенные совпадения, Гутиерес предположил, что имеет дело с новым, неизвестным ранее видом ящериц. В Коста-Рике вполне могло случиться подобное. Территория этой страны, шириной семьдесят пять миль в самой узкой части, по площади не больше штата Мэн. Но при таких незначительных размерах в Коста-Рике имеются необыкновенно разнообразные климатические зоны со своей специфической флорой и фауной – в прибрежных районах Тихого и Атлантического океанов, в четырех отдельных горных массивах с пиками высотой до четырех километров над уровнем моря и несколькими действующими вулканами. Здесь можно встретить дождевые леса, высокогорные леса, зоны умеренного климата, болотистые низины, засушливые пустыни. Такое многообразие экологических условий объясняет поразительное разнообразие растений и животных. В Коста-Рике только видов птиц в три раза больше, чем во всей Северной Америке. Здесь встречается более тысячи разновидностей орхидей, более пяти тысяч видов насекомых.

Новые виды животных находят здесь постоянно, а в последние годы это стало случаться гораздо чаще, чем раньше, – по одной неприятной причине: богатейшие леса Коста-Рики немилосердно вырубаются. И животные джунглей, лишившись привычных мест обитания, переселяются в другие районы. Иногда при этом резко меняются их повадки.

Поэтому появление новых, неизвестных видов животных вполне возможно. Но помимо радости оттого, что наука обогащается новыми знаниями о животном мире, неизвестные животные несут в себе опасность новых, неизвестных заболеваний. Ящерицы являются пере-

носчиками болезнетворных вирусов, и некоторые из них могут быть опасными для человека. Самое опасное заболевание, которое переносят пресмыкающиеся, – ящеровый энцефалит, которым болеют люди и лошади. Болезнь проявляется резкой слабостью и сонливостью. Гутиерес понимал, что найти новую ящерицу очень важно – хотя бы для того, чтобы проверить ее на вирусоносительство и выяснить, не станет ли эта ящерица разносчиком какой-нибудь опасной болезни.

Он сидел на пляже, следил за медленно опускающимся солнцем и вздыхал. Может, Тина Боумен и видела новую ящерицу, а может, и нет. Сам Гутиерес определенно никаких ящериц не видел. Рано утром он, исполненный радужных надежд, засел на пляже с пневматическим пистолетом, заряженным парализующими стрелками с лигamiном. Но оказалось, что целый день был потрачен зря. Скоро надо будет выезжать с пляжа обратно в холмы – Гутиерес не хотел ехать по такой плохой дороге в темноте.

Он встал и пошел по пляжу. И тут заметил неподалеку темный силуэт обезьяны-ревуна, которая копошилась на песке у самого края мангровых зарослей. Гутиерес пошел дальше, отойдя на приличное расстояние от деревьев, – где есть один ревуна, там их может быть целая стая. А если здесь живут ревуны, то лучше обойти их стороной, потому что эти обезьяны имеют отвратительную повадку поливать незваных пришельцев мочой.

Но эта обезьяна, по-видимому, была одна. Она передвигалась довольно медленно, часто останавливалась и присаживалась на задних лапах. Обезьяна что-то несла в зубах. Когда Гутиерес подошел поближе, он увидел, что именно жует обезьяна, – из рта ревуна торчал длинный хвост и задние ноги зеленой ящерицы. Даже с такого расстояния Гутиерес разглядел на спинке ящерицы поперечные коричневые полосы.

Гутиерес припал к земле и прицелился. Обезьяна-ревуна, привыкшая к безопасной жизни в заповеднике, совсем не испугалась, только с любопытством уставилась на человека. Она не убежала, даже когда мимо просвистела первая стрелка, – с первого выстрела Гутиерес промахнулся. Когда вторая стрелка глубоко вонзилась ревуна в бедро, обезьянка заверещала, удивленно и злобно, выронила остатки своей добычи и помчалась в джунгли.

Гутиерес встал и пошел подбирать трофей. Судьба обезьяны его особенно не волновала – доза транквилизатора в стрелке настолько невелика, что может вызвать у животного разве что некоторую заторможенность на несколько минут. Теперь он думал о том, что делать со своей находкой. Сам он, конечно же, напишет предварительное сообщение, но останки ящерицы обязательно надо отослать в Соединенные Штаты, для окончательной идентификации. Только вот кому бы их отправить? Самым лучшим специалистом по ящерицам был Эдвард Х. Симпсон, заслуженный профессор зоологии из Колумбийского университета, который жил сейчас в Нью-Йорке. Этот элегантный пожилой мужчина с зачесанными назад седыми волосами был всемирно известным экспертом по таксономии ящериц. И Марти Гутиерес решил, что лучше всего будет отправить эту ящерицу профессору Симпсону.

Нью-Йорк

Доктор Ричард Стоун, заведующий Лабораторией тропических болезней при медицинском центре Колумбийского университета, часто говаривал, что от бывшего величия лаборатории сейчас осталось одно название. В начале двадцатого столетия лаборатория занимала весь четвертый этаж корпуса биомедицинских исследований, и целые полчища биологов и лаборантов трудились в ней, пытаясь отыскать причины и источники желтой лихорадки, малярии и холеры. Но успехи медицины – и, в частности, исследовательских лабораторий в Найроби и Сан-Паоло – лишили Колумбийскую лабораторию тропических болезней того важного места, которое она прежде занимала. Сейчас лаборатория стала гораздо меньше, в ней работало всего двое лаборантов, и занимались они в основном выявлением тропических заболеваний у нью-йоркцев, которые где-нибудь путешествовали. Уютную праздную повседневность лаборатории неожиданно нарушила посылка, которая пришла по почте сегодня утром.

– Боже мой, какая прелесть, – сказала сотрудница Лаборатории тропических болезней, прочитав сопроводительную записку на контейнере. – «Частично изжеванный фрагмент не идентифицированной ящерицы из Коста-Рики». – Лаборантка сморщила носик: – Это по вашей части, доктор Стоун.

Ричард Стоун подошел посмотреть, что это им прислали.

– Это материал из лаборатории Эда Симпсона?

– Да. Не понимаю только, почему они прислали эту ящерицу нам?

– Звонила его секретарша. Сказала, что Симпсон сейчас в Борнео, на полевых исследованиях, и пробудет там все лето, – пояснил Стоун. – А поскольку ящерица как-то связана с вопросом о контагиозных заболеваниях, нашу лабораторию попросили это проверить. Ну-ка, посмотрим, что тут у нас...

Белый пластиковый цилиндр походил на двухлитровый бидончик для молока, с запирающимися на замок металлическими задвижками и закручивающейся крышкой. На цилиндре была этикетка «Контейнер для международной транспортировки биологических образцов» и наклейки с предупреждающими надписями на четырех языках. Надписи предназначались для подозрительных таможенников – открывать контейнер строго запрещалось.

Очевидно, таможенники вняли предупреждениям – когда Ричард Стоун перенес контейнер на лабораторный стол для исследований и внимательно рассмотрел его при ярком свете, он увидел, что все пломбы целы. Стоун включил вытяжной шкаф, надел пластиковые перчатки и маску. Как бы то ни было, в лабораторию совсем недавно поступали образцы, зараженные возбудителями венесуэльской лошадиной лихорадки, японского В-энцефалита, кызылордским лесным вирусом, вирусами Лангата и Марахо. Приняв все меры предосторожности, Стоун отвинтил крышку.

Зашипел выходящий газ, над контейнером взвилось облачко белого пара. Стенки цилиндра резко охладились, покрылись изморозью. Внутри контейнера лежал пластиковый пакет размером с сэндвич, с замком-«молнией». Через прозрачные стенки пакета виднелось что-то зеленое. Стоун расстелил на столе хирургическую ткань и вытряхнул на нее содержимое пакета. Кусок замороженной плоти с гулким стуком упал на металлический стол.

– Хм-м... Выглядит вполне съедобно, – заметила лаборантка.

– Согласен, – сказал Стоун. – И чего они от нас хотят?

Лаборантка просмотрела сопроводительные документы.

– Ящерица укусила ребенка, из местных жителей. Их интересует, что это за ящерица и не переносит ли она при укусе какие-нибудь болезни. – Потом лаборантка достала детский рисунок, на котором была изображена ящерица, с подписью «Тина» в верхней части листа. – Кто-то из детей нарисовал ее.

Стоун мельком взглянул на рисунок.

– Опознать ящерицу мы, ясное дело, не сможем, – сказал он. – Зато проверить, какие болезни она переносит, довольно просто – если удастся выскрести из этого куска мяса хоть немного крови. Как они назвали эту ящерицу?

– «*Basiliscus amoratus* трехпалый, с генетической аномалией», – прочитала лаборантка.

– Хорошо. Тогда начнем. Пока эта штука разморозится, сфотографируйте ее и сделайте рентгеновские снимки – для протокола. А когда достанем кровь, проводите пробы на антитела, пока не получите какой-нибудь результат. Если что-нибудь будет неясно – обращайтесь ко мне.

Марти Гутьерес прочитал факс из Лаборатории тропических болезней Колумбийского медицинского центра. Послание было коротким:

«ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: *Basiliscus amoratus* с генетической аномалией (передано из лаборатории доктора Симпсона).

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ: задний сегмент частично съеденного животного.

ПРОВЕДЕННЫЕ ПРОЦЕДУРЫ: рентгенография, микроскопия, иммунологические реакции на вирусные, паразитарные и бактериальные антигены.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: гистологических и иммунологических признаков каких-либо опасных для человека инфекционных заболеваний в исследованном образце не выявлено.

Подпись: заведующий Лабораторией тропических болезней

Ричард А. Стоун, доктор медицины».

Гутьерес сделал из этого послания два важных вывода. Во-первых, специалисты из Колумбийского университета подтвердили его идентификацию неизвестного животного как василисковой ящерицы. Во-вторых, поскольку эта ящерица не переносит никаких опасных инфекций, то участвовавшие в последнее время случаи нападения ящериц на людей не нанесут серьезного урона здоровью населения Коста-Рики. Кроме того, он получил косвенное подтверждение своим предположениям относительно того, что ящерицы этого вида вынуждены переселяться из лесной зоны в другие места обитания и впервые столкнулись с человеком. Теперь Гутьерес был уверен, что вскоре, может быть через несколько недель, ящерицы привыкнут к новым условиям существования и случаи их нападения на людей постепенно прекратятся.

Мощные струи тропического ливня молотили по рифленой крыше больницы в Бахья-Анаско. Приближалась полночь, электрические провода сорвало бурей, и света не было. Повитуха Элена Моралес при свете фонарика ухаживала за молодой матерью, как вдруг из соседней комнаты послышались странные звуки – какой-то писк и чириканье. Элена решила, что в дом пробралась крыса, и, быстренько положив на лоб спящей женщины прохладный компресс, пошла в соседнюю комнату взглянуть, как там новорожденный младенец. Когда Элена подошла к двери, она снова услышала чириканье и немного успокоилась. Наверное, это какая-нибудь птица искала, где бы спрятаться от дождя, и залетела в окно. Костариканцы считают, что если в дом с новорожденным залетает птица, это приносит удачу.

Элена открыла дверь. Младенец лежал в плетеной колыбели, завернутый в легкое одеяльце так, что виднелось только его личико. Вокруг колыбели сидели, сгорбившись, как страшные горгульи, три темно-зеленых ящерицы. Когда Элена вошла в комнату, ящерицы не испугались и не убежали, а только повернули головы и с любопытством уставились на нее. В свете фонарика Элена увидела, что морды ящериц перепачканы свежей кровью. Одна из ящериц

тихонько чирикнула, подалась вперед и, резко дернув головой, оторвала от младенчика очередной кусок плоти.

Элена закричала и бросилась вперед. Ящерицы мгновенно выпрыгнули через окно и растаяли в темноте ночи. Еще не добежав до колыбельки, Элена Моралес уже знала, что младенец наверняка мертв, – она увидела, что эти ящерицы сотворили с лицом ребеночка. А ящерицы, пронзительно пища и чирикавая, скрылись в дождливой ночи, оставив за собой только окровавленные отпечатки трехпалых лап – такие же, какие оставляют птицы.

Порядок данных

Чуть позже, немного успокоившись, Элена Моралес решила никуда не сообщать о нападении ящериц. Невзирая на тот ужас, который она только что испытала, Элена Моралес забеспокоилась, как бы в случившемся не обвинили ее саму – за то, что оставила младенца без присмотра. Поэтому повитуха сказала молодой матери, что младенец поперхнулся и задохнулся до смерти. А в определенную графу статистической медицинской карты, которую потом отослали в Сан-Хосе, Элена записала: «Синдром внезапной смерти новорожденных». Так обычно регистрировались все смерти очень маленьких детей, произошедшие от необъяснимых причин. Подобное случалось не то чтобы очень редко, и рапорт Элены Моралес приняли.

В университетской лаборатории в Сан-Хосе при исследовании образцов слюны ящерицы, покусавшей Тину Боумен, было сделано несколько примечательных открытий. В слюне, как и ожидалось, было обнаружено высокое содержание серотонина. Но среди белков этой слюны оказался настоящий монстр: один из самых огромных среди известных протеинов, с молекулярной массой почти в два миллиона. Его биологическую активность еще до конца не исследовали, но уже было ясно, что это сильный нервно-паралитический токсин, родственник яду кобры, но с более примитивной внутренней структурой.

А еще в лаборатории обнаружили, что в образце слюны содержатся следы гамма-аминометионингидролазы. Поскольку этот фермент является маркером продуктов генной инженерии и никогда не встречается у диких животных, техники лаборатории решили, что вещество попало в исследуемый образец случайно, уже здесь, в лаборатории, и не стали упоминать об этом в отчете, который потом переслали в Пунтаренас, доктору Крузу – врачу, который прислал образец слюны на исследование.

Останки зеленой ящерицы благополучно лежали в морозильной камере Лаборатории тропических болезней Колумбийского университета – до возвращения из экспедиции профессора Симпсона, которого ждали не раньше чем через месяц. Так бы все и оставалось, если бы в Лабораторию тропических болезней не заглянула лаборантка по имени Элис Левин, которой случайно попался на глаза рисунок Тины Боумен. Едва увидев этот рисунок, Элис сказала:

– О, чей это ребенок нарисовал динозаврика?

– Что-что нарисовал? – переспросил Ричард Стоун, медленно обернувшись к ней.

– Динозавра. Вот это, смотрите. Мои малыши все время их рисуют.

– Это просто ящерица, – сказал Стоун. – Ящерица из Коста-Рики. Ее нарисовала какая-то местная девчушка.

– Да нет же! – Элис упрямо покачала головой. – Вы только посмотрите – все нарисовано правильно. Большая голова, длинная шея, стоит на толстых задних ногах, хвост – толстый и длинный. Это типичный динозавр!

– Этого не может быть. Ящерица всего тридцати сантиметров в высоту.

– Да? Так ведь были и маленькие динозавры, – не отступала Элис. – Поверьте, уж я-то знаю. У меня двое мальчиков, так что я в этом деле настоящий эксперт. Самые маленькие динозавры были размером даже меньше тридцати сантиметров. Микрозавры или как их там – точно не помню. Эти названия просто невыносимы. Запомнить их совершенно невозможно, если только тебе не десять лет от роду.

– Вы не понимаете, – сказал Ричард Стоун. – Здесь нарисовано современное животное, не ископаемое. Нам прислали кусок такой ящерицы – он в морозилке. – Стоун даже пошел к морозильнику, достал фрагмент ящерицы и вытряхнул на стол перед Элис Левин.

Элис посмотрела на замороженный кусок тушки, на этот длинный хвост и трехпалые задние лапы и пожала плечами. Трогать тушку она не стала.

– Не знаю, – сказала Элис. – Но я бы сказала, что это и есть динозавр.

Стоун покачал головой:

– Это невозможно.

– Почему бы и нет? Это может быть какой-нибудь остаток или пережиток – или как там их называют?

Стоун снова покачал головой. Элис трудно было назвать специалистом в таких сложных научных вопросах – она была всего лишь техником из бактериологической лаборатории, расположенной в том же корпусе, только этажом ниже. И у нее определенно богатое воображение. Стоун припомнил случай, когда Элис казалось, что ее упорно преследует один из санитаров хирургического отделения...

– Знаете, Ричард, а ведь если это действительно динозавр, то у кого-то могут возникнуть бо-ольшие проблемы.

– Это не динозавр.

– А это кто-нибудь проверял?

– Нет, – признался Стоун.

– Вот видите! Ну, так отошлите это в Музей Естественной Истории или еще куда-нибудь, – предложила Элис. – Нет, правда, лучше бы вам это сделать.

– Мне будет стыдно, если я такое вытворю.

– Хотите, Ричард, я сделаю это для вас? – предложила Элис.

– Нет, не надо.

– Так что, вы совсем ничего не собираетесь с этим делать?

– Ничегошеньки! – Стоун положил тушку ящерицы обратно в морозильник и захлопнул дверцу. – Это не динозавр. Это ящерица. И вообще, чем бы она ни была, эта зверюшка вполне может подождать, пока профессор Симпсон вернется из Борнео и опознает ее. Все, Элис, решено – эту ящерицу мы никуда не станем отправлять.

Второе повторение

При последующих повторениях изгибов кривой могут появиться непредвиденные изменения.

Ян Малкольм

Берег Внутреннего моря

Алан Грант стоял на коленях, согнувшись почти до самой земли. Царила страшная жара – термометр показывал около сорока градусов по Цельсию. Колени болели, несмотря на то что Грант предусмотрительно надел резиновые прокладки-смягчители. Легкие горели от едкой щелочной пыли. Пот крупными каплями стекал со лба и падал на сухую землю. Но Грант не обращал внимания на эти мелкие неудобства. Все его внимание было приковано к кусочку земли площадью в двенадцать квадратных сантиметров, над которым он склонился.

Осторожно работая зубочисткой и мягкой косметической кисточкой из верблюжьей шерсти, Алан Грант очищал от земли маленький, тонкий L-образный фрагмент челюстной кости. Косточка была всего три сантиметра длиной и толщиной не больше мизинца. На ней хорошо сохранился рядок зубов – маленьких ровных выступов с характерным загибом к внутренней стороне. Когда он откопал эту кость, от нее откололись маленькие кусочки. Грант прервался ненадолго и обмазал кость слоем резиноцемента, а потом снова стал потихоньку высвобождать ее из земли. Не оставалось никаких сомнений, что перед ним – челюстная кость детеныша плотоядного динозавра. Ее обладатель умер семьдесят пять миллионов лет назад, в возрасте приблизительно двух месяцев. Если повезет, Грант надеялся отыскать и весь остальной скелет. Тогда у него будет первый и единственный в мире полный скелет детеныша плотоядного...

– Эгей, Алан!

Алан Грант поднял голову и прищурил глаза от яркого света. Потом вытер рукой пот со лба и надел солнцезащитные очки.

Он вел раскопки на выветренном склоне холма, в пустынных землях за Змеиным озером в штате Монтана. Под голубым куполом неба на многие мили вокруг раскинулись пологие, источенные ветрами холмы, из которых повсюду выглядывали глыбы ломкого белого известняка. Нигде ни деревца, ни кустика. Здесь не было ничего, кроме голых скал, раскаленного солнца и пронизывающих ветров.

Путешественникам здешние «плохие земли» казались пустынными, мрачными и унылыми. Но когда Грант оглядывался вокруг, его взору открывалась совершенно иная картина. Эта пустыня – все, что осталось от другого мира, совсем не похожего на наш, исчезнувшего с лица Земли восемьдесят миллионов лет назад. Перед мысленным взором Алана Гранта предстал теплый, заболоченный залив огромного Внутреннего моря, которое плескалось здесь в те давние времена. Это Внутреннее море было шириной более тысячи миль и занимало всю равнину от поднявшихся гораздо позже Скалистых гор до отвесных утесов Аппалачей. Весь запад Америки был тогда сокрыт под водами этого моря.

В те стародавние времена небо было затянуто тучами, темными от дыма множества действующих вулканов. Воздух был плотным, перенасыщенным углекислым газом. Вдоль всей береговой линии тянулись буйные заросли гигантских растений. В водах доисторического Внутреннего моря не было рыбы, зато там в изобилии водились разнообразные моллюски и черепахи. Над водами залива парили птерозавры, время от времени срываясь в пике, чтобы подхватить с поверхности воды съедобные водоросли. Несколько плотоядных динозавров бродило по болотистым берегам залива, среди высоких пальмовых деревьев. А неподалеку от берега в заливе был островок, совсем небольшой, площадью всего в пару акров. Окруженный густыми непроходимыми зарослями, этот островок был настоящим святилищем, в котором семейства травоядных утоклювых ящеров откладывали яйца в общие гнезда и выращивали свое крикливое потомство.

За миллионы лет, минувших с тех пор, бледно-зеленые щелочные воды залива обмелели, залив сперва превратился в озеро, а потом и вовсе исчез. Оголенная земля высохла и потрескалась под немилосердными лучами жаркого солнца. А прибрежный островок с яйцами дино-

завров превратился в выветренный пологий холм посреди пустыни на севере штата Монтана, где теперь проводил раскопки профессор палеонтологии Алан Грант.

– Эге-гей, Алан!

Грант поднялся с колен – бородатый мужчина лет сорока, с выпирающей бочкообразной грудной клеткой. Со стороны соседнего холма доносилось гудение портативного генератора и стук пневматического бурильного молотка, которым разбивали твердые горные породы. Алан увидел детей, которые работали возле бурильной установки, – дети осматривали крупные куски камня, выискивая в них окаменевшие остатки костей, а потом относили камни в сторону. У подножия холма был разбит лагерь – шесть индейских типи, в которых жили участники экспедиции, тент, под которым располагалась столовая, и трейлер, в котором находилась полевая лаборатория экспедиции. А в тени трейлера-лаборатории стояла Элли и махала Гранту рукой.

– У нас гости! – крикнула Элли и показала на восток.

Грант заметил облако пыли и голубой «Форд»-седан, который ехал к лагерю, подпрыгивая на ухабистой земле. Грант посмотрел на часы: как раз вовремя. Дети на другом холме повернули головы и с интересом разглядывали подъезжавшую машину. У них на Змеином озере редко бывали гости, и всем было жутко интересно, зачем юристу из Агентства по защите окружающей среды так срочно понадобилось встретиться с Аланом Грантом.

Но Грант знал, что палеонтология – наука об исчезнувшей жизни – в последние годы стала приобретать неожиданно важное значение для современного мира. Современный мир быстро изменяется, и насущные проблемы относительно погоды, вырубки лесов, глобального потепления и озонового слоя нередко становятся гораздо понятнее, если знаешь, как с этим обстояли дела в далеком прошлом Земли. Как раз такими сведениями и располагали палеонтологи. За последние несколько лет Алана Гранта уже дважды приглашали произвести экспертную оценку подобных вопросов.

Грант стал медленно спускаться по склону холма навстречу подъезжавшей машине.

Гость захлопнул дверцу своего «Форда» и закашлялся от въедливой белой пыли.

– Боб Моррис, из Агентства по защите окружающей среды, – представился он, протягивая Гранту руку. – Я из отделения в Сан-Франциско.

Грант пожал ему руку и тоже представился, потом сказал:

– Вам, похоже, немного жарко. Хотите пива?

– О господи! Конечно!

Моррису было чуть больше двадцати лет, одет он был в рубашку с галстуком, брюки от делового костюма и модные туфли с дырочками на носках. В руках он держал кейс с бумагами. Его туфли закрипели, когда Моррис пошел вслед за Грантом к трейлеру-лаборатории, а через модные дырочки в них сразу же набился песок.

– Когда я перевалил через холм и увидел ваш лагерь, то сперва подумал, что это индейская резервация, – сказал Моррис, указывая на типи.

– Нет, просто это самые подходящие жилища для такой местности, – ответил Грант и рассказал, что в 1978 году, когда сюда приехала первая экспедиция, они взяли с собой восьмискатные каркасные палатки «Северный Скат», самые современные на то время. Но палатки все время срывало ветром. Они перепробовали другие разновидности палаток и тентов – все с тем же неутешительным результатом. В конце концов экспедицию оснастили индейскими типи, которые оказались удивительно удобными и просторными внутри, а главное – устойчивыми на ветру. – Это типи черноногов, они ставятся на четырех опорах. Типи индейцев сиу ставятся на трех. Но здесь когда-то были земли черноногов, вот мы и подумали...

– Ага... Да, это, наверное, действительно очень удобно. Ваши типи прекрасно вписываются в пейзаж, – сказал Моррис, оглянувшись на пустынные земли, простирающиеся вокруг, и покачал головой: – Давно вы уже здесь находитесь?

– Где-то около шестидесяти ящиков, – ответил Грант. На лице Морриса отразилось недоумение, и Грант объяснил: – Мы отмеряем время по выпитому пиву. Начали мы в июне, и было у нас ровно сто ящиков. А теперь осталось всего ящиков сорок.

– А точнее – тридцать семь, – вклинилась в их разговор Элли Саттлер, ожидавшая их возле трейлера. Грант позабавился, глядя, как у Морриса отпала челюсть, когда молодой человек увидел Элли – стройную двадцатичетырехлетнюю девушку в коротко обрезанных джинсах и рабочей рубашке, завязанной узлом выше талии. Светлые волосы, зачесанные назад, оттеняли загорелую кожу цвета темной бронзы.

– Элли не дает нам расслабляться, – сказал Грант, представляя девушку Моррису. – Она – прекрасный специалист в своем деле.

– И чем же она занимается? – поинтересовался Моррис.

– Палеоботаникой, – ответила Элли. – И еще я делаю стандартные препараты в полевой лаборатории. – Она открыла дверь, и все вошли внутрь трейлера.

Кондиционер в трейлере работал на полную мощность, но охлаждал воздух только градусов до тридцати. И все равно после палящего зноя пустыни здесь, внутри, воздух казался свежим и прохладным. Вдоль стенок трейлера тянулось несколько длинных деревянных столиков и полок, на которых были аккуратно разложены препараты из хрупких маленьких косточек, все пронумерованные и снабженные соответствующими этикетками. Чуть дальше на столиках стояли керамические плошки и горшочки. Отчетливо ощущался крепкий кисловатый запах уксуса.

Моррис взглянул на кости и сказал:

– А я думал, динозавры были большими.

– Они и были большими, – ответила Элли. – Это все – кости динозавровых детенышей. Змеиное озеро имеет такое важное значение в основном потому, что в этом районе обнаружено очень много гнездовий динозавров. Пока мы не начали здесь раскопки, в мире практически ничего не было известно о детенышах динозавров. Раньше было найдено только одноединственное гнездо динозавров – в пустыне Гоби. А мы обнаружили больше дюжины гнезд гадрозавров, и все они полны яиц и костей детенышей.

Пока Грант ходил к холодильнику за пивом, Элли показала гостю ванночки с уксусной кислотой, которые использовались для отмывания известняка с хрупких мелких костей.

– Похоже на куриные кости, – сказал Моррис, рассматривая содержимое керамических плошек.

– Да, их кости очень похожи на птичьи, – согласилась Элли.

– А это что такое? – спросил Моррис, показывая через окно на сложенные возле трейлера груды крупных костей, запакованных в плотный пластик.

– Это обломки, – пояснила Элли. – Куски костей, которые были слишком фрагментированными, еще когда мы достали их из земли. Раньше мы просто сбрасывали их в отвалы, а теперь отсылаем на генетические исследования.

– Генетические исследования? – переспросил Моррис.

– Вот, угощайтесь, – предложил Грант, вкладывая бутылку с пивом в руку гостю. Другую бутылку он протянул своей помощнице. Элли стала пить прямо из горлышка, запрокинув голову. Пока она пила, Моррис, не отрываясь, смотрел на ее длинную гибкую шею.

– Мы здесь не особенно придерживаемся этикета, – сказал Грант. – Может быть, пройдем в мой кабинет?

– Да, конечно, – согласился Моррис.

Грант провел его в дальний конец трейлера, где стояла старенькая кушетка, продавленный стул и оббитый, поцарапанный откидной столик. Грант уселся на кушетку, которая жалобно скрипнула и извергла целое облако белой меловой пыли. Он откинулся на спинку

кушетки и удобно устроил ноги в тяжелых ботинках на краю столика, а Моррису жестом предложил располагаться на стуле.

– Устраивайтесь поудобнее...

Алан Грант был профессором палеонтологии в Денверском университете и одним из лучших в мире полевых исследователей, но он никогда не придавал значения тонкостям этикета. Грант считал, что создан для простой жизни на открытом воздухе, «в поле». К тому же он отлично знал, что основная, самая важная часть работы в палеонтологии делается на полевых исследованиях, голыми руками. Профессор Грант терпеть не мог академических работников и музейных кураторов, которых он называл «диванными охотниками». И он прилагал определенные усилия, чтобы даже в поведении и одежде отграничить себя от этих «диванных охотников за динозаврами». К примеру, на свои лекции профессор Грант являлся в джинсах и теннисных туфлях.

Грант пронаблюдавал, как Моррис тщательно стряхивает с сиденья стула меловую пыль, прежде чем сесть. Наконец Моррис уселся, открыл кейс, порылся в своих бумагах и еще раз оглянулся на Элли, которая работала в противоположном конце трейлера – щипцами вынимала кости из ванночек с уксусной кислотой, – и не обращала на мужчин никакого внимания.

– Вы, наверное, даже не догадываетесь, зачем я к вам приехал? – спросил он.

– Честно говоря, путь вы проделали не близкий, мистер Моррис.

– Ну, тогда сразу перейдем к делу. Агентство по защите окружающей среды заинтересовалось деятельностью Фонда Хаммонда. Вы получаете из этого фонда определенные суммы...

– Да, последние пять лет, – кивнул Грант. – По тридцать тысяч долларов в год.

– Что вы вообще знаете о Фонде Хаммонда? – спросил Моррис.

Грант пожал плечами:

– Это довольно известный источник академических грантов на научные исследования. Они финансируют научные разработки по всему миру, в том числе спонсируют и нескольких исследователей-палеонтологов, которые занимаются динозаврами. Я знаю, что этот Фонд поддерживает Боба Керри, работающего в Тиррелловском музее, в Альберте, и Джона Веллера на Аляске. Может быть, и кого-нибудь еще.

– Как вы думаете, почему Фонд Хаммонда спонсирует так много исследователей динозавров?

– Ну, наверное, это потому, что старикан Джон Хаммонд повернут на динозаврах.

– А вы встречались когда-нибудь с Хаммондом лично?

Грант пожал плечами:

– Раз или два. Он приезжал сюда, ненадолго. Он ведь уже порядком в годах. Да, этот тип с причудами – знаете, как это иногда бывает у богатых людей. Правда, всегда такой увлеченный... Почему бы это?

– Видите ли, Фонд Хаммонда на самом деле весьма таинственная организация, – сказал Моррис, разложил на столике отпечатанную на ксероксе карту с какими-то красными пометками и пододвинул ее Гранту. – Здесь отмечены раскопки, которые Фонд Хаммонда финансировал в прошлом году. Не замечаете ничего необычного в их расположении? Монтана, Аляска, Канада, Швеция... Все они находятся в северных районах, выше сорок пятой параллели. – Моррис выложил на столик и другие карты. – То же самое было и в прошлом году, и в позапрошлом – год за годом одно и то же. Исследования динозавров на юге – в Юте, Колорадо или в Мексике – никогда не получали дотаций из этого фонда. Можно сделать вывод, что Фонд Хаммонда почему-то финансирует только раскопки в холодных климатических зонах. И мы хотели бы знать – почему?

Грант быстро рассмотрел карты. Если этот фонд действительно финансирует только раскопки в районах с холодным климатом, то это и вправду довольно странно – потому что некоторые богатейшие залежи останков динозавров находятся как раз в жарких странах, и...

– И это не единственная странность, которая замечена за Фондом Хаммонда, – сказал Моррис. – Например, какое отношение могут иметь динозавры к янтарю?

– К янтарю? – удивился Грант.

– Вот именно. Это твердые желтые осколки окаменевшей древесной смолы...

– Я знаю, что такое янтарь, – сказал Грант. – Но почему вы об этом спрашиваете?

– Потому, что за последние пять лет Хаммонд закупил огромные количества этого вещества в Америке, Европе и Азии, в том числе и множество ювелирных украшений, имеющих ценность как музейные экспонаты. Фонд Хаммонда истратил на приобретение янтаря семнадцать миллионов долларов. И теперь Хаммонд владеет крупнейшим в мире частным собранием янтаря.

– Не могу понять, зачем бы это ему понадобилось?

– И никто не может, – сказал Моррис. – Насколько вообще можно судить, эти приобретения совершенно бессмысленны. Янтарь очень просто синтезировать. Он не имеет никакой коммерческой или оборонной ценности. Нет никакого смысла его собирать. Но именно это и делает Хаммонд, и уже не один год.

– Янтарь... – Грант покачал головой.

– А этот его остров в Коста-Рике? – продолжал Моррис. – Десять лет назад Фонд Хаммонда арендовал у правительства Коста-Рики остров в океане. Предположительно для того, чтобы устроить там какой-то биологический заповедник.

– Мне об этом ничего не известно, – сказал Грант и нахмурился.

– Я смог узнать не так уж много, – признался Моррис. – Остров находится в сотне миль от западного побережья Коста-Рики. Местность на острове очень пересеченная, и он расположен в таком месте, где сочетание ветров и океанских течений создает над ним практически постоянную завесу тумана. Его так и называют – Туманный остров. «Isla Nublar» по-испански. Наверняка костариканцы страшно удивлялись, зачем кому-то может понадобиться такой клочок суши. – Моррис снова стал копаться в своем кейсе. – А, как я уже говорил, вы, согласно документам, получали гонорары за консультации, связанные с этим островом.

– Я?

Моррис выложил перед Грантом очередной лист бумаги. Это была ксерокопия чека, выписанного в марте 1984 года компанией «ИнГен, Инкорпорейтед», в Калифорнии, Пало-Альто, Фараллон Роад. Чек был на сумму в двенадцать тысяч долларов и предназначался для Алана Гранта. В нижнем углу листа была пометка: «Услуги консультанта. Коста-Рика.

Ювенильное гиперпространство».

– Ах вот оно что! Я помню это дело, – сказал Грант. – Оно было чертовски странным – наверное, потому я его и запомнил. Но вот только остров тут совершенно ни при чем.

Алан Грант отыскал первую кладку динозавровых яиц в Монтане еще в 1979 году, а за следующие два года нашел гораздо больше – но он не публиковал результаты своих исследований до 1983 года. И вот вышли в свет его статьи с сообщением о находке останков тысяч утоклювых динозавров, которые жили когда-то на побережье огромного Внутреннего моря, откладывали свои яйца в теплую грязь и совместно растили стайки детенышей, – и Грант мгновенно сделался знаменитостью первой величины. По всему миру стали появляться статьи о родительских инстинктах гигантских ящеров, с рисунками, на которых миленькие мордашки малышей-динозавров высовывали носики из расколотой скорлупы. Гранта засыпали приглашениями и просьбами дать интервью, выступить с лекцией, написать книгу... Как правило, он всем отказывал – его интересовало только продолжение исследований. Именно в те безумные дни в середине восьмидесятых Грант получил приглашение от корпорации «ИнГен» поработать у них консультантом.

– До этого вы когда-нибудь слышали о корпорации «ИнГен»? – спросил Моррис.

– Нет.

– Каким образом они с вами связались?

– По телефону. Их представитель назвался Дженнардо или Дженнино – что-то в этом роде.

Моррис кивнул:

– Дональд Дженнардо. Он действительно официальный представитель компании «ИнГен».

– Как бы там ни было, он хотел знать все о питании динозавров. И предложил мне написать об этом подробную статью. – Грант допил пиво и поставил бутылку на пол. – В особенности его интересовали повадки молодых динозавров. Детенышей и подростков. Этот Дженнардо хотел выяснить, чем они питаются. Он, наверное, думал, что я все это знаю.

– А вы знаете?

– На самом деле – нет. Так я ему и заявил. Мы обнаружили множество костных останков молодых динозавров, но по ним мало что можно сказать об их пищевых предпочтениях. Но Дженнардо был уверен, что мы публикуем далеко не все результаты своих исследований, и желал получить все, что у нас есть. И он предложил мне весьма солидный гонорар – пятьдесят тысяч долларов.

Моррис достал из кейса портативный диктофон и поставил на край столика.

– Ничего, если я буду вас записывать?

– Да, пожалуйста.

– Итак, Дженнардо позвонил вам в 1984 году. Что случилось потом?

– Ну, вы же видите, как мы здесь работаем. Пятидесяти тысяч долларов хватило бы на целых два сезона раскопок. И я пообещал ему сделать все, что в моих силах.

– Значит, вы согласились написать для него эту статью?

– Да.

– О питании молодых динозавров?

– Да.

– Вы встречались с Дженнардо лично?

– Нет. Мы общались только по телефону.

– Говорил ли вам Дженнардо, для чего ему нужны эти сведения?

– Да, конечно. Он собирался устроить что-то вроде музея для детей и хотел показать там маленьких динозавров. Он сказал, что нанял для этого нескольких научных консультантов, и даже назвал их имена. Там были палеонтологи – как я, математик из Техаса по имени Ян Малкольм и двое-трое экологов. Системные аналитики. Хорошая группа.

Моррис кивнул:

– Значит, вы согласились его консультировать?

– Да. Я согласился прислать ему полный отчет о результатах нашей работы – все, что нам известно о повадках утконозых гадрозавров, которых мы здесь нашли.

– И какую же информацию вы ему передали? – спросил Моррис.

– Всю, какая была: особенности гнездовий, особенности разделения территорий, повадки при питании, поведение в стае. Все.

– И как отреагировал Дженнардо?

– Он стал постоянно мне звонить. Иногда звонил посреди ночи. «Стали бы динозавры кушать вот это? А вот то? Могут ли они вести себя вот так?» И все остальное в том же духе. Я никак не могу понять, чего он так беспокоился? Нет, я тоже считаю, что динозавры важны, но ведь не настолько же! Все они вымерли шестьдесят пять миллионов лет назад. Так почему он не мог подождать со своими звонками хотя бы до утра?

– Да, понимаю, – сказал Моррис. – А как же пятьдесят тысяч долларов?

Грант покачал головой:

– Этот Дженнаро так меня достал своими звонками, что я позвонил ему сам и отказался от контракта. Мы сговорились на двенадцати тысячах. Это было примерно в середине 1985 года.

Моррис сделал пометку в блокноте.

– А потом вы поддерживали какие-нибудь контакты с компанией «ИнГен»?

– После 1985 года – нет.

– А когда ваши исследования начал финансировать Фонд Хаммонда?

– Точно не помню – надо посмотреть... Но где-то примерно в то же время. В середине восьмидесятых.

– И вы знаете Хаммонда только как богатого любителя динозавров?

– Да.

Моррис снова сделал какую-то пометку в блокноте. Грант сказал:

– Послушайте, если ваша организация так интересуется Джоном Хаммондом и всеми его причудами – раскопками динозавров на севере, запасами янтаря, островом в Коста-Рике, – то почему бы вам просто не спросить об этом его самого?

– В настоящее время мы не можем этого сделать. Не имеем права, – пояснил Моррис.

– Но почему?

– Потому что у нас нет никаких доказательств того, что он и его люди совершают преступления, – сказал Моррис. – Хотя лично я уверен – Джон Хаммонд затеял что-то противозаконное.

– Первый тревожный сигнал я получил из Управления по перевозкам техники, – стал рассказывать Моррис. – Они следят за всеми перевозками американской техники, которая может иметь военное применение. Они сообщили о двух, возможно нелегальных, технических перевозках, совершенных по заказу компании «ИнГен». Первое – «ИнГен» переправила на остров в Коста-Рике три крэевских КМП. «ИнГен» заявила, что эта техника предназначена исключительно для внутренних нужд компании и не будет перепродаваться на сторону. Но Управление по перевозкам техники не в состоянии представить, для чего им в Коста-Рике могут понадобиться такие огромные мощности.

– Три «Крэя»... Это что, какие-то особо мощные компьютеры? – спросил Грант.

– Чрезвычайно мощные. Это суперкомпьютеры с огромными возможностями. Для сравнения – три «Крэя» располагают большей компьютерной мощностью, чем все компьютеры любой другой частной американской компании, вместе взятые. И «ИнГен» отправила эти компьютеры в Коста-Рику. Остается только догадываться – зачем?

– Да, действительно. И зачем же? – спросил Грант.

– Никто не знает. Но они отправили туда еще и аппараты «Худ». Это беспокоит меня еще больше, – продолжал Моррис. – «Худ» – это автоматические генные секвенсеры, машины, которые сами подбирают генетические коды. Они настолько новые, что их пока еще даже не внесли в каталоги ограничений. Любая генетическая лаборатория с радостью заполучила бы такой аппарат – но не каждый может позволить себе его купить. Стоимость этой штуки – полмиллиона долларов. – Моррис порылся в бумагах. – Так вот, похоже на то, что «ИнГен» завезла на свой островок в Коста-Рике аж двадцать четыре секвенсера «Худ»... И снова они сказали, что техника предназначена не на экспорт, а только для внутренних нужд фирмы. И Управление по перевозкам техники ничего не смогло с этим поделать. Официально они не имеют никакого права контролировать использование вывезенной техники. Но совершенно ясно, что «ИнГен» основала на своем уединенном островке в Центральной Америке одну из самых мощных в мире лабораторий генетической инженерии. И это – в Коста-Рике, в стране, где нет практически никакого государственного контроля за подобными предприятиями. Знаете, такое уже бывало и раньше.

Действительно, бывало, что американские биоинженерные компании работали в других странах, где их не стесняли такие строгие запреты и ограничения, как в Америке. Самый вопиющий случай, рассказал Моррис, произошел с бешенством в «Биосине».

В 1986 году генетическая корпорация «Биосин» из Купертино исследовала на одной ферме в Чили свойства полученной генно-инженерным способом вакцины против бешенства. Они не поставили в известность об этом ни правительство Чили, ни работников фермы. Просто взяли и пустили вакцину в действие.

Эта вакцина содержала живые вирусы бешенства, генетически модифицированные так, что они должны были утратить вирулентность – то есть предполагалось, что эти вирусы не заразны. Но вирулентность новой вакцины не была проверена, и сами сотрудники компании не знали наверняка, сможет вакцина вызвать бешенство или нет. Хуже всего, что вирус был видоизменен. Обычно бешенством можно заразиться только при укусах больного животного. Но биосиновский вирус получил способность проникать через альвеолярный барьер, и инфекция теперь могла передаваться просто при вдыхании зараженного воздуха. Сотрудники компании «Биосин» перевозили новую живую вакцину в Чили на обычном рейсовом самолете, в обычной багажной сумке. Моррис часто с ужасом представлял, что могло бы случиться, если бы капсула с вирусами ненароком разбилась во время перелета. Все, кто был в самолете, заразились бы бешенством.

И такая возмутительная, преступная безответственность осталась безнаказанной. Против компании «Биосин» не было предпринято никаких санкций. Чилийские фермеры, которые, сами того не зная, рисковали жизнью, работая со страшной вакциной, были просто невежественными крестьянами. У правительства Чили имелись другие, более важные заботы – как раз приближался очередной экономический кризис. А американские власти по закону не имели права вмешиваться. Поэтому Льюис Доджсон, генетик, который руководил исследованиями той вакцины против бешенства, до сих пор спокойно работает в компании «Биосин». А «Биосин» и сейчас так же преступно небрежна и безответственна, как прежде. Более того, прочие американские компании тоже кинулись открывать исследовательские центры в других странах – там, где на генетические разработки смотрят сквозь пальцы. В таких странах, которые считают генную инженерию всего лишь одним из видов современных высоких технологий и с радостью приветствуют ее развитие на своей территории, совершенно не думая об опасности, которую таят в себе генетические исследования и разработки.

– Именно поэтому мы и начали расследование по делу компании «ИнГен», – сказал Моррис. – Примерно три недели назад.

– И что же конкретно вам удалось выяснить? – спросил Грант.

– Очень немного, – признался Моррис. – Когда я вернусь в Сан-Франциско, нам, скорее всего, придется прекратить расследование за отсутствием доказательств преступления. И, наверное, у меня больше нет к вам вопросов... – Тут он вдруг перестал рыться в своем кейсе и спросил: – Кстати, профессор, а что означает этот термин – «ювенильное гиперпространство»?

– Это просто красивое название для моего доклада, – сказал Грант. – «Гиперпространство» – это термин для обозначения многомерного пространства, такого, как в объемном тетрисе или трехмерных крестиках-ноликах. Если вам нужно полностью описать все повадки животного – где оно ест, спит, передвигается, – то лучше всего поместить животное в соответствующее многомерное пространство, модель естественной зоны обитания этого животного. Некоторые палеонтологи судят о повадках ископаемых животных по экологическим условиям, в которых они обитали. Так вот, мое «ювенильное гиперпространство» достоверно описывает все повадки молодых динозавров – но только если очень сильно поверить, что все так и было на самом деле.

В дальнем конце трейлера зазвонил телефон. Элли подняла трубку.

– Прямо сейчас он занят, у него деловая встреча. Вы не могли бы перезвонить чуть позже? – сказала она.

Моррис захлопнул кейс и поднялся:

– Спасибо вам за помощь и за пиво.

– Всегда пожалуйста, – ответил Грант.

И они с Моррисом пошли к двери.

– Хаммонд когда-нибудь заказывал у вас какие-нибудь физические материалы с этих раскопок? Кости, или яйца, или еще что-нибудь подобное?

– Нет, – ответил Грант.

– Доктор Саттлер упомянула, что вы проводите здесь какие-то генетические исследования...

– Это не совсем так, – сказал Грант и пояснил: – Когда мы добываем ископаемые останки, которые сильно повреждены или еще по каким-нибудь причинам не годятся для музейных экспозиций, мы отсылаем их в лабораторию, где эти кости перемалывают и пытаются извлечь из них протеины. Потом протеины идентифицируют, а отчеты по идентификации присылают обратно к нам.

– И что это за лаборатория? – спросил Моррис.

– Лаборатория медико-биологической службы в Солт-Лейк-Сити.

– Почему вы выбрали именно их?

– Они предложили нам самые выгодные условия.

– Эта лаборатория никак не связана с корпорацией «ИнГен»?

– Насколько мне известно – нет.

Они подошли к двери. Грант открыл дверь, и снаружи на него повеяло полуденным зноем. Моррис чуть задержался, надевая солнцезащитные очки.

– И последнее... – сказал Моррис. – Давайте предположим, что на самом деле «ИнГен» собирается делать не музейную экспозицию, а что-то другое... Вы можете представить, для чего еще им могли понадобиться сведения, содержащиеся в вашем докладе?

Грант рассмеялся.

– Конечно, могу. Для того, чтобы разводить детенышей гадрозавров.

Моррис тоже засмеялся.

– Детенышей гадрозавров... Да, на такое стоило бы посмотреть. А какие они с виду? Какого размера?

– Примерно вот такие. – Грант показал, разведя руки сантиметров на пятнадцать. – Размером с белку.

– И долго они растут, пока не достигнут размеров взрослого динозавра?

– Где-то года три, – ответил Грант. – Может, чуть больше или чуть меньше.

Моррис протянул ему руку:

– Ну что ж, еще раз спасибо вам за помощь.

– Всего вам хорошего. Удачной дороги! – Грант провожал молодого человека взглядом, пока тот шел к своей машине, а потом захлопнул дверцу трейлера.

– И что ты о нем думаешь? – спросил он у Элли.

– Он такой наивный...

– Как тебе понравилась та часть, когда он представил старика Хаммонда таким жутким архизлодеем? – Грант рассмеялся. – Да Хаммонд не больший злодей, чем Уолт Дисней. Кстати, кто там звонил?

– О! Какая-то девушка по имени Элис Левин. Она работает в Колумбийском медицинском центре. Ты с ней знаком?

Грант покачал головой:

– Нет...

– Так вот, речь там идет об идентификации каких-то останков. Она просила, чтобы ты ей перезвонил, как только освободишься.

Скелет

Элли Саттлер отбросила со лба прядку белокурых волос и снова все внимание обратила на ванночки с уксусной кислотой. Ванночек было шесть штук, они стояли рядом, в каждой следующей концентрация кислоты была больше, чем в предыдущей, – от пяти процентов в первой до тридцати в последней. Особенно внимательно надо было присматривать за более крепкими растворами, потому что кислота могла проесть известняк насквозь и разрушить окаменевшие кости. Косточки детенышей динозавров такие тонкие и хрупкие... Они и так сохранились буквально чудом, пролежав в земле восемьдесят миллионов лет.

Элли краем уха слышала, как Грант разговаривает по телефону:

– Мисс Левин? Это Алан Грант. Что там у вас за дело?.. Что у вас есть? Что?! – Грант расхохотался. – О, я сильно в этом сомневаюсь, мисс Левин... Нет, я в самом деле очень занят. Прошу прощения, но у меня совсем нет свободного времени... Хорошо, я взгляну на них, но я почти уверен, что это действительно всего лишь василисковая ящерица. Но... Да, хорошо, давайте так и сделаем. Хорошо. Присылайте прямо сейчас. – Грант встал и покачал головой: – Ну и люди!

Элли спросила:

– Что там такое?

– Она хочет, чтобы я идентифицировал какую-то ящерицу. Сейчас пришлет мне ее рентгенограмму. – Грант подошел к факсу и стал ждать, когда придет сообщение. – А между прочим, у меня для тебя новая находка. Очень интересная.

– Да ну?

Грант кивнул.

– Наткнулся на нее как раз перед тем, как приехал этот паренек. На южном холме, в четвертом горизонте. Детеныш велоцираптора – челюсть с полностью сохранившимися зубами, так что никаких сомнений насчет идентификации. И место выглядит нетронутым. Может, нам даже удастся получить полный скелет!

– Просто фантастика! Насколько он маленький?

– Совсем молоденький. Примерный возраст – два, от силы четыре месяца.

– И это точно велоцираптор?

– Определенно он, – заверил девушку Грант. – Может быть, нам наконец улыбнулась удача.

За последние два года раскопок на Змеином озере группа находила только останки утконозых гадрозавров. Грант и его сотрудники уже получили убедительные доказательства того, что гигантские стада травоядных динозавров – в десять, а то и двадцать тысяч особей – бродили по равнинам Америки мелового периода, поедая буйную растительность, совсем как огромные стада бизонов – несколько миллионов лет спустя.

И чем дальше, тем настойчивей перед исследователями вставал вопрос: а где же хищники?

Ученые, конечно, и не ожидали, что останков хищных динозавров будет много. Если судить на основании данных, полученных при изучении популяций разных видов животных в природных заповедниках Африки и Индии, то выходит, что примерно на каждые четыре сотни травоядных животных приходится всего один плотоядный хищник. Это означает, что стадо в десять тысяч утконозых гадрозавров может прокормить всего двадцать пять хищных тираннозавров. Так что вероятность того, что при раскопках им попадутся останки крупного хищного динозавра, была крайне низкой.

Но куда же подевались останки мелких хищников? На Змеиной Воде располагалось огромное количество гнездовий динозавров – в некоторых местах земля была буквально усы-

пана осколками скорлупы динозавровых яиц, а многие мелкие динозавры питались как раз яйцами. И здесь должны были во множестве находиться останки таких животных, как дромеозавры, овираторы, велоцирапторы и целурусы – динозавров размером от полутора до двух метров.

Но группа исследователей до сих пор не обнаружила ни единого плотоядного динозавра.

Может быть, этот скелетик велоцираптора означал, что удача наконец повернулась к ним лицом. Скелет велоцираптора, да еще и детеныша! Элли знала о самой потаенной мечте Алана Гранта – ему хотелось изучить все повадки детенышей плотоядных динозавров, точно так же, как он изучил повадки травоядных. Возможно, этот скелетик маленького велоцираптора – первый шаг к исполнению его давней мечты.

– Ты, наверное, в восторге... – сказала Элли.

Грант не ответил.

– Я говорю: ты, наверное, в восторге? – повторила она.

– Господи боже мой! – только и сказал Грант, не отрывая взгляда от факса.

Элли взглянула через плечо Алана на рентгенограмму и только ахнула.

– Ты думаешь, это амазовый?

– Да, – кивнул Грант. – Или триасовый. Кости такие светлые...

– Но это не ящерица, – заметила Элли.

– Нет, никакая это не ящерица. По нашей планете за последние двести миллионов лет не бегала ни одна трехпалая ящерица.

Первой мыслью Элли было, что им в руки попала подделка – потрясающе достоверная, мастерски выполненная, но тем не менее подделка, фальшивка. Каждый биолог знает, что подобные подделки встречаются не так уж редко. Самая знаменитая из них – так называемый «питлдаунский человек» – оставалась нераспознанной в течение целых сорока лет, и изготовитель этой фальшивки до сих пор остается неизвестным. А совсем недавно видный астроном Фред Хойли заявил, что ископаемый крылатый динозавр, археоптерикс, который экспонировался в Британском музее, – тоже мошенническая подделка. Впрочем, позже было доказано, что археоптерикс – настоящий.

Залог успеха подобных подделок в том, что они предоставляют ученым именно то, что те жаждут увидеть. И, на взгляд Элли, рентгенографическое изображение ящерицы было совершенно правильным. Трехпалая лапа отлично сбалансирована. Наружный палец самый крупный, внутренний – самый маленький. Костные остатки четвертого и пятого пальцев располагались довольно высоко, возле метатарзального сочленения. Кости голени прочные, хорошо развитые и заметно длиннее бедренной кости. В тазобедренном сочленении прекрасно просматривалась вертлужная впадина. Хвост состоял из сорока пяти позвонков. Это определенно был скелет молодого прокомпсогната.

– Возможно ли, что эта рентгенограмма – подделка? – спросила Элли.

– Даже не знаю... – задумался Грант. – Вообще-то, подделать рентгеновский снимок практически невозможно. И прокомпсогнат – довольно малоизвестное животное. Почти никто из людей, интересующихся динозаврами, о нем даже не слышал.

Элли прочитала сопроводительную записку:

– Образец обнаружен на пляже Кабо-Бланко шестнадцатого июля... По всей видимости, животное попало на обед обезьяне-реву и это – все, что уцелело. О!.. Они тут пишут, что такая же ящерица напала на маленькую девочку!

– Это вряд ли... – засомневался Грант. – Впрочем, все может быть. Прокомпсогнат – динозавр таких маленьких размеров, что его принято считать животным-падальщиком, которое питается только мертвечиной. Что касается его размеров... – Грант быстро измерил снимок, – до бедра в нем примерно двадцать сантиметров, значит, все животное ростом сан-

тиметров тридцать. То есть этот динозаврик размером с курицу. Для него даже ребенок должен выглядеть довольно устрашающе. Прокомпсогнат мог бы напасть на младенца, но не на ребенка.

Элли, нахмурившись, рассматривала рентгенограмму.

– Ты думаешь, это действительно может быть повторное открытие? – спросила она. – Как получилось с целакантом?

– Возможно, – сказал Грант.

Целакант – это рыба длиной в полтора метра, которая считалась вымершей шестьдесят миллионов лет назад, пока в 1938 году в океане не выловили живой экземпляр этого доисторического существа. И это не единственный подобный случай. Австралийский горный карликовый опоссум был известен только по ископаемым останкам, пока одного такого опоссума не обнаружили в мусорном баке в Мельбурне. А когда зоологи описали фруктовую летучую мышь из Новой Гвинеи по окаменевшим ископаемым останкам десятитысячелетней давности, то через некоторое время получили по почте эту самую мышь, вполне живую.

– Но неужели такое возможно? – настаивала Элли. – Как быть с его возрастом?

Грант кивнул:

– Да, возраст – это проблема.

Большинство вновь открытых древних животных были не особенно древними – ископаемые останки этих видов насчитывали всего около десяти-двадцати тысяч лет. Некоторые были древнее – на несколько миллионов лет. Целакант был среди них настоящим долгожителем – возраст ископаемых останков таких рыб достигал шестидесяти пяти миллионов лет. Но животное, рентгенограмму которого сейчас рассматривали Элли и Грант, было гораздо более древним. Динозавры вымерли еще в меловом периоде, шестьдесят пять миллионов лет назад. Доминирующей формой животной жизни они были в юрском периоде, сто девяносто миллионов лет назад. А впервые динозавры появились в триасовом периоде, приблизительно двести двадцать миллионов лет назад.

Прокомпсогнаты жили в раннем триасовом периоде – в такие отдаленные времена, что тогда даже сама наша планета выглядела совсем иначе, чем сейчас. Все континенты были соединены вместе в один массив суши – протоконтинент под названием Пангея, который тянулся от Северного до Южного полюса. Это был огромный материк, покрытый густыми лесами и непроходимыми зарослями папоротников, с несколькими большими пустынями. Нынешний Атлантический океан был узким озером между теми участками суши, которые впоследствии стали Африкой и Флоридой. Воздух был гораздо плотнее, чем сейчас. Земля теплее. Повсюду курились тысячи действующих вулканов. И в этих условиях на Земле жили прокомпсогнаты.

– Ну, хорошо, – сказала Элли. – Мы знаем, что животные могут остаться практически неизменными с самых древних времен. Взять хотя бы крокодилов – это же самые настоящие обитатели триасового периода, и они прекрасно себя чувствуют в наши дни. Акулы – тоже из триасового периода. Значит, подобные прецеденты бывали и раньше.

Грант кивнул.

– Вопрос в том, как иначе можно это объяснить? – сказал он. – Либо этот снимок – подделка, в чем лично я сомневаюсь, либо это – повторное открытие. Чем еще это может быть?

Зазвонил телефон.

– Это снова Элис Левин, – предположил Грант. – Посмотрим, не сможет ли она переслать нам сам образец... – Он поднял трубку и удивленно посмотрел на Элли. – Да, я готов говорить с мистером Хаммондом. Да. Да, конечно.

– Хаммонд? Чего ему надо? – спросила Элли.

Грант покачал головой и ответил в телефонную трубку:

– Да, мистер Хаммонд. Да, я тоже рад снова вас слышать... Да... – Он взглянул на Элли. – О, вы сделали это? О, неужели? Правда?

Он прикрыл рукой трубку и сказал Элли:

– Все такой же чудака, как и раньше. Ты должна это слышать!

Грант нажал кнопку громкоговорителя, и Элли услышала прерывистый старческий голос, который быстро продолжал:

– ...кучу неприятностей от одного парня из Агентства по защите окружающей среды, у которого, похоже, крыша поехала, и он, считай что по собственной инициативе, мотается по стране, допрашивает людей расспросами, лезет ко всем, всех будоражит... Надеюсь, к вам туда никто не заглядывал?

– Собственно говоря, заглядывал, – признался Грант.

Хаммонд фыркнул:

– Этого я и опасался. Такой хитрожопый парнишка по имени Моррис?

– Да, он представился как Моррис, – сказал Грант.

– Он вздумал опросить всех наших консультантов, – продолжал Хаммонд. – Как-то недавно появился к Яну Малкольму – помните, это математик из Техаса? Тогда я впервые услышал об этом Моррисе. И теперь мы до черта времени тратим на то, чтобы уладить это безобразие! Типичная манера правительственных чиновников влезать в чужие дела – ничего конкретного, никаких обвинений, одно только беспокойство от взбалмошного молодчика, которого никто не контролирует, а он мутит воду, разъезжая повсюду за счет добропорядочных налогоплательщиков. Он очень вам надоедал? Мешал вам работать?

– Да нет, не особенно.

– И очень жаль, – сказал Хаммонд. – Потому что я бы тогда обязательно нашел на него управу – если бы он вздумал вам мешать. Вообще-то я уже пнул под зад своих адвокатов, заставил их позвонить в это Агентство по защите окружающей среды и выяснить напрямую, какие у них ко мне претензии. Так вот, начальник этой конторы даже не знает, что ведется какое-то расследование! Можете вы себе такое представить? Проклятые бюрократы! Черт, я подозреваю, что этот дрянной мальчишка Моррис заявится в Коста-Рику, будет и там разнюхивать, наверняка попытается пробраться на наш остров... Вы в курсе, что у нас есть остров в Коста-Рике?

– Нет, я этого не знал, – сказал Грант и глянул на Элли.

– Так вот, мы выкупили остров и начали на нем наш проект – где-то четыре или пять лет назад. Точно уже не помню когда. Называется Исла-Нублар – большой такой остров, в сотне миль от берега. Скоро здесь будет биологический заповедник. Чудное местечко! Тропические джунгли. Знаете, доктор Грант, вам обязательно надо увидеть это своими глазами!

– Очень любопытно, конечно, но на самом деле... – сказал Грант.

– Все уже почти закончено, знаете ли, – продолжал Хаммонд. – Я отослал вам кое-какие материалы об этом местечке. Вы уже получили их?

– Вообще-то нет, но мы так далеко от...

– Ну, может, сегодня получите. Просмотрите все как следует. Остров просто великолепен! Здесь есть буквально все. Мы трудились над ним почти тридцать месяцев – только представьте! Огромный парк. Открывается в сентябре следующего года. Вам непременно надо на него взглянуть.

– Да, конечно, но все же...

– Собственно говоря, я бы хотел, чтобы вы обязательно его осмотрели, доктор Грант, – сказал Хаммонд. – Уверен, он покажется вам просто великолепным. Мне самому он ужасно нравится.

– Я сейчас как раз...

– Слушайте, вот что я вам скажу... – проронил Хаммонд таким тоном, как будто эта мысль только что пришла ему в голову. – На эти выходные я пригласил сюда кое-каких людей, которые нас консультировали, – на несколько дней, чтобы все как следует осмотреть. Естественно, все расходы – за мой счет. Будет просто ужасно, если вы не поделитесь с нами своим мнением.

– Наверное, я все-таки не смогу к вам вырваться, – сказал Грант.

– Ну, что ж это вы! Ведь это всего только на выходные, – произнес Хаммонд с раздражением и настойчивостью, которые так присущи старикам. – Я приглашаю вас в гости на уик-энд – вот и все, доктор Грант. Я вовсе не хочу мешать вам в работе. Кто-кто, а я прекрасно понимаю, каким важным делом вы заняты. Поверьте, уж я-то точно знаю. И я бы никогда не решился оторвать вас от работы. Но вы запросто можете подскочить сюда на эти выходные, а в понедельник уже снова будете у себя...

– Нет, я не могу, – решительно заявил Грант. – Я только что раскопал новый скелет, и...

– Вот и прекрасно, но все равно я настаиваю – вы должны приехать. – Хаммонд его даже не слушал.

– А еще мы только что получили некоторые свидетельства крайне удивительной, необычайной находки – судя по всему, обнаружен живой прокомпсогнат.

– Что?! – Хаммонд тотчас же прервал свои излияния. – Я не ослышался? Вы сказали – живой прокомпсогнат?

– Да, именно, – подтвердил Грант. – Это биологический препарат, часть тела животного, найденная в Центральной Америке. Часть живого ископаемого.

– Да что вы говорите? Живое ископаемое! Как необычно... – проговорил Хаммонд.

– Мы тоже так считаем, – сказал Грант. – Так что, как вы сами понимаете, сейчас не время отпраиваться...

– Вы говорите, в Центральной Америке?

– Да.

– А где именно в Центральной Америке его нашли, вы не знаете?

– На пляже под названием Кабо-Бланко, а где это – я точно не знаю...

– Понятно... – Хаммонд прокашлялся. – И когда же этот... гм... препарат попал к вам?

– Только сегодня.

– Ага, понятно – сегодня... Сегодня... Ясно... – Хаммонд снова прокашлялся.

Грант посмотрел на Элли и шепотом спросил:

– Ты понимаешь, что происходит?

Элли покачала головой и прошептала в ответ:

– По-моему, что-то подозрительное...

Грант прошептал:

– Посмотри, может, Моррис еще здесь?

Элли подошла к окну и выглянула, но машина Морриса уже скрылась из виду. Элли вернулась обратно.

А из громкоговорителя все еще слышался кашель Хаммонда.

– Э-э-э... Доктор Грант! Вы уже кому-нибудь рассказывали об этом?

– Пока нет.

– Хорошо, вот и хорошо... Да. Хорошо. Это... Признаться честно, доктор Грант, у меня тут небольшие затруднения, с этим островом... Чертовы защитники окружающей среды очень несвоевременно затеяли это свое расследование...

– То есть?

– Ну... У нас тут некоторые проблемы, кое-какие задержки... Достаточно будет сказать, что у меня здесь определенные затруднения, и я бы хотел, чтобы вы взглянули на мой остров. И высказали свои соображения. Я заплачу вам по обычному тарифу, как за консультацию в

выходные дни, – по двадцать тысяч в день. За три дня это составит шестьдесят тысяч долларов. А если вы прихватите с собой доктора Саттлер, ей мы тоже заплатим за консультацию, по тому же тарифу. Нам нужен и ботаник. Ну, что скажете?

Элли с Грантом переглянулись, и он ответил:

– Ну, мистер Хаммонд... Этих денег нам хватит на финансирование экспедиций в следующие два летних сезона.

– Да-да, конечно, конечно... – задумчиво пробормотал Хаммонд, как будто его занимало сейчас что-то другое, а мысли витали где-то далеко-далеко. – Я хочу, чтобы вы не испытывали никаких затруднений... Так, сейчас пошлю за вами самолет – он заберет вас с частного аэродрома в Чотиу. Знаете, где это? Всего в паре часов езды от того места, где вы находитесь. Приезжайте на аэродром завтра, к пяти вечера, – я буду ждать. Вас привезут прямо сюда. Вы сможете прилететь с доктором Саттлер?

– Я думаю, сможем.

– Хорошо. Вещей берите минимум, поезжайте налегке. Паспорта и визы вам не понадобятся – я об этом позабочусь. Все, увидимся завтра, – сказал Хаммонд и положил трубку.

Коуэн, Свейн и Росс

В светлых, озаренных ярким полуденным солнцем комнатах адвокатской конторы «Коуэн, Свейн и Росс» в Сан-Франциско хотелось думать только о чем-то радостном и приятном. Но Дональду Дженнаро было вовсе не радостно. Он слушал, что ему говорили по телефону, и смотрел на босса, Дэниэла Росса, холодного и мрачного, похожего в своем темном костюме в узкую полоску на владельца похоронного бюро.

– Да, я понял, Джон, – сказал Дженнаро. – И Грант согласился приехать? Хорошо, хорошо... Да, по-моему, получилось просто здорово. Мои поздравления, Джон! – Он положил трубку и повернулся к Россу: – Хаммонду доверять больше нельзя. На него давят со всех сторон – Агентство по защите окружающей среды завело на него дело и начало расследование, он выбивается из графика на своем коста-риканском острове, и инвесторы начинают нервничать... Расползлось слишком много слухов о том, что там творится. Погибло слишком много рабочих. А теперь еще и этот случай с живым прокомпсо-что-то-там, которого нашли на материке...

– И что из этого следует? – спросил Росс.

– Может быть, и ничего, – сказал Дженнаро. – Но Хамачи – один из основных наших инвесторов. На той неделе я получил весточку от представителя Хамачи из Сан-Хосе, столицы Коста-Рики. Так вот, он сообщает, что в последнее время на побережье появились ящерицы какого-то нового вида, которые кусают детей.

Росс удивленно приподнял брови:

– Новые ящерицы?

– Да. Мы не можем оставить это без внимания. Придется проинспектировать весь этот остров, и прямо сейчас, не откладывая дело в долгий ящик. Я сказал Хаммонду, чтобы он организовывал независимые инспекторские проверки на месте, каждую неделю в течение всего следующего месяца.

– А что тебе ответил Хаммонд?

– Отпирается. Говорит, что у него на острове полный порядок. И все меры предосторожности строго соблюдаются.

– Но ты ему не веришь?

– Не верю.

До того как Дональд Дженнаро пришел в компанию «Коуэн, Свейн и Росс», он работал на мелких должностях в нескольких инвесторских банках. Клиентам «Коуэна, Свейна и Росса», работавшим с новыми технологиями, постоянно требовались вливания капитала, и Дженнаро помогал им быстро найти нужные деньги. Одним из его первых дел, еще в восемьдесят втором году, была помощь старику Джону Хаммонду, тогда еще семидесятилетнему, который собирал средства для учреждения корпорации «ИнГен». Им удалось тогда сколотить почти миллиард долларов – Дженнаро навсегда запомнил эти бешеные гонки за капиталом.

– Хаммонд – мечтатель, – сказал Дженнаро.

– И мечтатель потенциально опасный, – заметил Росс. – Нам вообще не следовало влезать в это дело. Что там у нас с финансами?

– Все надежно, – ответил Дженнаро. – Мы при своих пяти процентах.

– Общих или ограниченных?

– Общих.

Росс покачал головой:

– Не надо было нам в это вступать...

– Тогда это казалось верным делом, – заметил Дженнаро. – Черт возьми, это же было восемь лет назад! И потом, вспомни – план Хаммонда и тогда был чертовски рискованным.

Ему пришлось подтягивать технические возможности до того уровня, который был нужен для его задумки. И никто по-настоящему не верил, что у него получится.

– Но, очевидно, у него все же получилось, – сказал Росс. – Как бы то ни было, я считаю, что инспекции на местности крайне необходимы. Что там у тебя с экспертами?

– Я буду работать с экспертами, которых Хаммонд уже нанимал для консультаций, в самом начале проекта. – Дженнаро положил список на стол Росса. – В первой группе – палеонтолог, палеоботаник и математик. Они соберутся на острове в эти выходные. Я отправлюсь вместе с ними.

– Думаешь, они скажут тебе правду? – усомнился Росс.

– Думаю, да. Никто из них не имеет никакого частного интереса по отношению к острову, а один – математик Ян Малкольм – с самого начала открыто выступал против проекта. Он заявлял, что это просто не может сработать и никогда не сработает.

– А кто остальные?

– Еще один технический работник – аналитик компьютерных систем. Он проверит компьютеры парка и, если надо, отловит «жучков»⁹. Компьютерщик прибудет на место в пятницу утром.

– Хорошо, – сказал Росс. – Это ты их приглашал?

– Хаммонд сам хотел позвонить им и попросил у меня разрешения на это. По-моему, он пытается делать вид, что на острове все идет нормально и эти приглашения – всего лишь обычная светская любезность. Как будто он просто желает показать им остров.

– Хорошо. Но ты обязательно за всем проследи. Держи все под контролем. Я хочу, чтобы к концу недели эти неприятности в Коста-Рике уладились. – Росс встал и вышел из комнаты.

Дженнаро услышал хриловатый писк радиотелефона и задержался.

– Это Грант.

– Добрый день, доктор Грант. Это Дональд Дженнаро. Я – адвокат компании «ИнГен». Не знаю, помните ли вы – мы с вами беседовали несколько лет назад...

– Да, я помню, – сказал Грант.

– Хорошо. Мне только что позвонил Джон Хаммонд и сообщил приятную новость – оказывается, вы скоро приедете на наш остров в Коста-Рике...

– Да. Полагаю, завтра мы уже будем там.

– В таком случае я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы так быстро откликнулись на приглашение. Ваш визит крайне желателен для всей корпорации «ИнГен». Мы пригласили также Яна Малкольма, который так же, как вы, был одним из консультантов в самом начале проекта. Он, кажется, математик, из Техасского университета в Остине?

– Да, Хаммонд об этом упомянул.

– Вот и хорошо, – сказал Дженнаро. – Собственно говоря, я тоже туда приеду. Вот о чем я еще хотел спросить – этот биопрепарат, который вы нашли – э-э-э... про... проком... Не помню, как его там?

– Прокомпсognат, – подсказал Грант.

– Вот именно. Этот препарат у вас? Я имею в виду – сам препарат?

– Нет, я видел только рентгеновский снимок. Сам препарат в Нью-Йорке. Мне звонила одна женщина из Колумбийского университета.

– Мне бы очень хотелось узнать об этом поподробнее, – сказал Дженнаро. – Тогда я мог бы достать этот препарат для Джона Хаммонда – он, знаете ли, просто в восторге от подобной

---

⁹ Здесь и далее слово «жучок» – BUG (амер.) – употребляется для обозначения технического дефекта в компьютерной программе. (Примеч. пер.)

находки. Уверен, вам тоже хотелось бы взглянуть на сам препарат... Может быть, у меня получится доставить его на остров к тому времени, как вы туда приедете...

Грант рассказал ему все, что знал о препарате.

– Вот и хорошо... Спасибо, доктор Грант! Мое почтение доктору Саттлер. Рад буду увидеть завтра вас обоих, – сказал Дженнаро и положил трубку.

Планы

На следующий день Элли прошла в дальний закуток трейлера с толстым почтовым конвертом в руках и сказала:

– Вот, посмотри, только что пришло. Дети прихватили с собой, когда возвращались из города. Это от Хаммонда.

Вскрывая конверт, Грант заметил на нем бело-голубую эмблему компании «ИнГен». Внутри не оказалось никакой сопроводительной записки, там была только подшитая пачка бумаг. Рассмотрев ее получше, Грант понял, что это светокопии каких-то документов, собранные в одну довольно толстую книжку. На обложке было: «Развлечения для посетителей курорта «Исла-Нублар» (полная программа «Охотничий домик»).

– Что за ерунда такая? – удивился Грант.

Когда он пролистал книжицу, оттуда выпал листок бумаги.

«Дорогие Алан и Элли!

Как вы понимаете, мы еще не успели полностью подготовить соответствующие рекламные материалы. Но это позволит вам в общих чертах понять, что из себя представляет проект «Исла-Нублар». По-моему, он просто великолепен!

Надеюсь вскоре лично обсудить это с вами! С нетерпением жду встречи!
С наилучшими пожеланиями, Джон».

– Ни черта не понимаю! – сказал Грант, пролистывая подшивку. – Здесь какие-то архитектурные планы.

Он раскрыл подшивку и прочитал на первом листе:

Курорт «Исла-Нублар»
Развлекательный центр и зона отдыха.

Заказчик – «ИнГен», Пало-Альто, Калифорния.

Архитектура – «Даннинг, Мерфи и компания», Нью-Йорк. Ричард Мерфи, автор проекта; Теодор Чен, главный дизайнер; Шелдон Джеймс, администратор.

Инженерные работы структуральные – «Харлоу, Уитни и Филдс», Бостон. Механика – А. Т. Мисикава, Осака.

Разработка ландшафта – Н. В. Кобайяши, Токио; главный консультант – А. Р. Макасава.

Компьютерное обеспечение – «Интегрированные Компьютерные Системы, Инкорпорейтед», Кембридж, Массачусетс. Руководитель проекта – Деннис Недри.

Грант пролистал дальше и стал просматривать планы. Все они были помечены грифом «Коммерческая тайна. Не копировать» и «Секретная производственная документация – не для распространения». Каждый лист был пронумерован, а в верхней части его стоял штамп с надписью: «Эти планы представляют секретную продукцию корпорации «ИнГен». Вы должны подписать документ 112/4а, иначе подвергнетесь преследованиям в судебном порядке».

– Они там все какие-то параноики – от этих штампов так и разит манией преследования, – сказал Грант.

– Может быть, на то есть свои причины? – заметила Элли.

Следующий лист представлял собой подробную топографическую карту острова. Очертаниями Исла-Нублар походил на перевернутую слезинку – округлый на севере, с далеко выда-

ющимся в море узким мысом на юге. В длину остров был около восьми миль. Пометки на карте разделяли его на несколько обширных участков.

Самый северный был обозначен как «Зона посетителей». На этом участке имелось довольно много строений, с подписями: «Прибытие гостей», «Гостевой центр», «Администрация», «Энергоблок», «Установки по опреснению воды», «Склад», «Резиденция Хаммонда» и «Охотничий домик». Голубыми прямоугольниками обозначались несколько плавательных бассейнов, зелеными – теннисные корты. Деревья и кустарники были обозначены кружками.

– Похоже на нормальный курорт, – сказала Элли.

Дальнейшие листы содержали подробные планы «Охотничьего домика». В приближении домик выглядел довольно картинно: длинное приземистое здание с рядами пирамидальных надстроек на крыше. Прочие здания «Зоны посетителей» в крупном масштабе показаны не были.

Вся остальная территория острова выглядела еще более загадочно. Насколько Грант понял, в основном это было открытое пространство. По острову тянулась сеть дорог и тоннелей, кое-где встречались отдельно стоящие небольшие домики. Было и озеро – узкое и длинное, скорее всего искусственного происхождения, с бетонными дамбами и ограждением. По всему острову были расположены большие округлые участки вообще без всяких признаков цивилизации. Каждый такой участок был помечен буквенно-цифровыми кодами: «П/Прок/В/2а», «Д/Три/Л/5 (4а+1)», «ВВ/Гадр/К/11 (6а+33+дб)».

– Есть где-нибудь расшифровка этих кодов? – спросила Элли.

Грант быстро перелистал все страницы, но расшифровки кодов нигде не нашел.

– Наверное, они ее изъяли, – предположила девушка.

– Я же говорил тебе – параноики какие-то! – сказал Грант и стал рассматривать большие округлые участки, отделенные один от другого сетью дорог. Всего он насчитал на острове шесть таких участков. И каждый из них был отделен от дорог бетонным валом и рвом с водой, а с наружной стороны рва тянулись изгороди, отмеченные сверху маленьким значком, похожим на молнию. Алан с Элли долго не могли понять, что может означать эта молния, пока наконец не догадались, что так обозначается изгородь, по которой пропущен электрический ток.

– Чертовски странно – электрифицированные изгороди на курорте... – проронила Элли.

– И они тянутся на многие мили, – заметил Грант. – Бетонированные рвы с водой, да еще и эти изгороди – и, как правило, в тех местах, где поблизости проходит дорога.

– Совсем как в зоопарках...

Они вернулись к топографической карте всего острова и повнимательнее присмотрелись к обозначениям. Дороги на острове были расположены довольно необычно. Главная магистраль тянулась с севера на юг, прямо через гористую возвышенность в середине острова, причем в одном месте дорога, очевидно, была буквально вырублена в склоне горы, над рекой. Похоже было на то, что дороги прокладывались специально с тем расчетом, чтобы оставить свободными большие пространства, огражденные рвами с водой и изгородями под током. Кроме того, дороги были проложены над землей, выше изгородей – так, чтобы изгороди не мешали осматривать виды...

– Ты знаешь, некоторые сооружения тут просто ненормальных размеров. Вот посмотри только на это – бетонированный ров с водой шириной десять метров! Похоже на какие-то военные укрепления, – заметила Элли.

– Точно так же, как вот эти здания.

В каждом из ограниченных открытых пространств находилось по несколько зданий, и все они были расположены в уединенных, удаленных от дорог уголках. Эти сооружения с очень толстыми стенами были целиком отлиты из бетона. На боковой проекции, в крупном плане, здания походили на какие-нибудь доты или бункеры из старых фильмов про войну – приземистые, с узкими маленькими окошками.

Внезапно снаружи прогремел взрыв, и Грант отложил бумаги в сторону, сказав:
– Пора нам браться за работу...

«Пли!»

Аппарат слегка завибрировал, и на мониторе компьютера вспыхнули ярко-желтые линии. На этот раз установка была задана верно, и Алан Грант различил прекрасно обрисованные контуры скелета, длинная шея дугой изогнута назад. Это, безусловно, был скелет совсем маленького детеныша велоцираптора, и, судя по всему, сохранился он прекрасно...

Монитор погас.

– Ненавижу компьютеры! – проворчал Алан, шурясь на солнце. – Что случилось на этот раз?

– Полетело питание, – сказал один из ребятишек. – Подождите минуточку.

Мальчишка принялся копаться в перепутанном пучке проводов, которые торчали из тыльной стенки портативного компьютера. Компьютер у них стоял на пустом ящике из-под пива, на вершине Четвертого Холма, неподалеку от агрегата, который все члены экспедиции называли между собой «толкачом».

Грант уселся прямо на землю и посмотрел на часы. Потом сказал Элли:

– Придется делать все по старинке...

Мальчик услышал и поднял голову:

– Как же так, Алан?!

– Понимаешь, мне обязательно надо успеть на самолет. И я хочу, чтобы этот скелет остался целым и невредимым до моего возвращения.

Если начал раскапывать какую-нибудь окаменевшую кость – надо поскорее доводить дело до конца, иначе рискуешь потерять драгоценную находку. Хотя на первый взгляд пустынный ландшафт кажется совершенно неизменным, на самом деле это далеко не так – пологие холмы постоянно подвергаются выветриванию и эрозии. Они непрерывно разрушаются, иногда буквально на глазах. Здесь целый день слышится негромкий шорох катящихся по склонам холмов мелких камешков и песчинок. Кроме того, в любую минуту может пойти дождь – а даже самый маленький и недолгий дождик вполне способен смыть хрупкие кости динозаврового детеныша. А поскольку Грант частично обнажил скелетик, его тем более следовало понадежнее защитить от превратностей погоды.

Обычно места раскопок защищали, прикрывая сверху брезентом и выкапывая вокруг канавку для стока дождевой воды. Вопрос состоял только в том, насколько большой кусок брезента нужен, чтобы прикрыть весь спрятанный в земле скелет велоцираптора. Для определения этого в экспедиции имелся специальный прибор – ультразвуковой компьютерный томограф, УКТ. Прибор был совсем новый, и действовал он примерно так: «толкач» отстреливал в землю небольшие порционные заряды, а специальные датчики отслеживали прохождение ударной волны и передавали информацию на компьютер. Компьютер анализировал данные и выдавал на мониторе нечто вроде рентгенограммы внутренней структуры холма. Экспедиция использовала прибор все лето с переменным успехом.

«Толкач» стоял в шести-семи метрах отсюда – большой металлический ящик на колесах с приделанным к крышке зонтиком от солнца. Этот агрегат походил на тележку продавца мороженого, непонятно зачем поставленную посреди безлюдной пустыни. «Толкач» обслуживали двое юных сотрудников экспедиции – они закладывали в агрегат новые заряды.

До сих пор «толкач» и УКТ использовали только для приблизительного определения размеров и расположения находок, чтобы экспедиция могла вести раскопки более целенаправленно. Но ребятишки утверждали, что уже в ближайшие несколько лет с помощью этого прибора можно будет получать настолько подробные изображения подземных залежей, что раскопки станут прицельными и для изъятия окаменелостей больше не придется перелопачивать

горы лишней земли. Когда у ученых появятся подробные трехмерные изображения ископаемых костей, наступит новая эра археологии почти без раскопок.

Но пока об этом можно было только мечтать. Оборудование, которое безотказно работало в университетской лаборатории, в полевых условиях оказалось слишком привередливым и ненадежным.

– Долго еще? – спросил Грант.

– Сейчас, сейчас, Алан. Получилось совсем неплохо.

Грант вернулся к компьютеру и посмотрел на экран. Ярko-желтые линии складывались в рисунок полного скелета совсем молодого велоцираптора. Единственный коготь на пальце нижней конечности, который у взрослых животных представляет собой мощное изогнутое лезвие длиной больше десяти сантиметров, способное одним ударом распороть жертве живот, у этого детеныша был не больше колючки шиповника. На экране эти когти вообще едва различались. Тем более что и взрослый велоцираптор – динозавр довольно легкого телосложения, животное с таким же тонким костным скелетом, как бывает у птиц, и, по-видимому, настолько же сообразительное.

Все кости скелета располагались в правильном порядке, только шея и голова отгибались далеко назад, к спине. Такое положение шеи и головы очень часто встречалось у ископаемых останков динозавров. Некоторые ученые даже придумали теорию для объяснения этого – они предположили, что смерть динозавров наступала в результате отравления какими-то растительными ядами-алкалоидами, вызывающими конвульсии. И изогнутые шеи мертвых динозавров – свидетельство того, что ящеры бились в судорогах предсмертной агонии. Грант разнес эту теорию в пух и прах. Он доказал, что у множества самых разных птиц и рептилий происходит посмертное сокращение мышц и связок тыльной стороны шеи, в результате которого шея и изгибается назад в характерную для останков динозавров позу. Это не имело никакого отношения к причине смерти, дело только в особенностях высыхания скелета под солнцем. Но этот конкретный скелет был искривлен еще и в поперечном направлении – так, что вся правая нога задралась выше спины.

– Он как будто немного перекошен, – сказал один из ребят. – И это не из-за компьютера.

– Его перекосило время. Огромная бездна времени, – пояснил Грант.

Алан знал, что люди даже не могут себе представить геологическое время. Вся человеческая жизнь подчиняется совершенно другим временным понятиям. Яблоко краснеет за несколько минут. Столовое серебро темнеет за несколько дней. Навозная куча перегнивает за один сезон. Ребенок вырастает за десяток лет. Ни одно из этих повседневных изменений не может подготовить человека к пониманию того, что вмещают в себя восемьдесят миллионов лет – а именно такой промежуток времени прошел с тех пор, когда умер этот детеныш динозавра.

Читая лекции в университете, Грант прибегал к различным сравнениям, чтобы объяснить студентам понятие геологического времени. Если представить всю человеческую жизнь – примерно шестьдесят лет – как один день, то восемьдесят миллионов лет все равно будут длиться три тысячи шестьсот пятьдесят два года – даже древние египетские пирамиды существуют не так долго.

– А он не очень-то и страшный, – сказал мальчик.

– Он и не был страшным – по крайней мере, пока не становился взрослым.

Скорее всего, этот детеныш велоцираптора питался падалью, объедая останки животных, убитых взрослыми хищниками, – после того как эти хищники насытятся и лягут спать на солнышке. За один присест хищные динозавры могли съедать до двадцати пяти процентов собственного веса, и после этого они укладывались спать. Детеныши безнаказанно копошились прямо под носом сонных, сытых взрослых и откусывали маленькие кусочки от остатков туши убитого животного. Эти детеныши наверняка были премиленькими созданиями.

А вот взрослые велоцирапторы – это совсем другое дело. Несмотря на относительно маленький вес – около ста двадцати килограммов, примерно столько же весит леопард, – велоцираптор был, наверное, самым прожорливым, быстрым, сообразительным и кровожадным зверем, вооруженным для нападения острыми зубами, мощными когтистыми передними лапами и разрушительными одиночными когтями-лезвиями на ногах.

Велоцирапторы охотились стаями, и Грант не раз представлял себе эту потрясающую картину – десяток быстрых, поджарых зверей несется на огромной скорости, преследуя другого динозавра, гораздо крупнее любого из них; потом они вспрыгивают на спину жертве, вгрызаются ей в горло, разрывают когтями бока и живот...

– Скорее, мы опаздываем, – напомнила Элли, возвращая Алана к действительности.

Грант стал давать указания относительно того, как копать канавку для стока воды. Судя по томограмме, останки велоцираптора лежали довольно компактно. Значит, достаточно будет окопать канавкой площадку примерно в два квадратных метра. Тем временем Элли принесла кусок брезента и накрыла им тот участок на склоне холма, где лежал скелетик. Алан помог ей закрепить брезент.

– А как умер этот детеныш? – спросил один из ребят.

– Скорее всего, мы никогда не узнаем этого, – ответил Грант. – Детеныши вообще гибнут очень часто. В африканских национальных парках смертность молодняка хищников достигает семидесяти процентов. Он мог погибнуть от чего угодно – от болезни или потому, что отделился от группы, – да мало ли от чего? Может, на него даже напал какой-нибудь взрослый хищник. Мы знаем только, что эти животные охотились стаями, но об их взаимоотношениях внутри группы ничего не известно.

Студенты закивали головами. Все они изучали повадки животных и знали, например, что, когда молодой лев становится новым вожаком прайда, он перво-наперво убивает всех детенышей. Причина этого естественна и очевидна: подчиняясь природным инстинктам, самец стремится распространить свой генофонд как можно шире и убивает чужих детенышей, чтобы самому покрыть самок, освободившихся от забот по уходу за детенышами других самцов.

Вероятно, в стае велоцирапторов тоже всем управлял один самый сильный самец, вожак. Грант еще раз с сожалением подумал, насколько же мало людям известно о динозаврах. После ста пятидесяти лет раскопок и исследований, проводившихся во всем мире, ученые все равно почти не представляют, какими же на самом деле были эти древние ящеры.

– Если мы хотим успеть в Чотиу к пяти, нам пора ехать, – сказала Элли.

Хаммонд

Секретарша Дженнаро поспешно вошла в офис, неся новую дорожную сумку, с которой еще даже не оторвали магазинную этикетку.

– Знаете, мистер Дженнаро, – сказала секретарша, – когда вы забыли собрать вещи в дорогу, мне подумалось, что эта поездка вам не очень-то по душе.

– Может, ты и права, – согласился Дженнаро. – Я не смогу попасть на день рождения своего ребенка.

В эту субботу у Аманды будет день рождения, и Элизабет пригласила на праздник два десятка крикливых четырехлетних сорванцов – друзей и подружек Аманды, – а также клоуна Каппи и чародея-фокусника. И жена вряд ли будет в восторге, узнав, что он на выходные уезжает из города по делам. Аманда наверняка тоже огорчится.

– Ну, так я собрала вам все, что смогла найти за такое короткое время, – сказала секретарша. – Здесь спортивные туфли вашего размера, легкая рубашка и шорты цвета хаки, набор для бритья. Еще – джинсы и свитер на тот случай, если вдруг похолодает. Машина уже ждет внизу, вас отвезут в аэропорт. Чтобы успеть на самолет, надо выходить прямо сейчас.

Секретарша удалилась. Дженнаро пошел вниз, в холл, по пути сдирая с сумки магазинные наклейки. Когда он проходил мимо конференц-зала с полностью стеклянными стенами, оттуда вышел Дэн Росс.

– Желаю удачно съездить, – сказал он Дженнаро. – Я хочу, чтобы ты ясно представлял, что мне нужно. Не знаю, насколько плоха ситуация на этом острове, Дональд, но, если там действительно крупные неприятности, я хочу, чтобы ты сжег там все дотла.

– Господи, Дэн!.. Речь идет о таком крупном капиталовложении...

– Не сомневайся. Просто не думай об этом. Не думай – делай. Ты меня понял?

Дженнаро кивнул:

– Понял. Но Хаммонд...

– К черту Хаммонда!

– Рад тебя видеть, мой мальчик! – послышался знакомый хриловатый голос. – Ну, рассказывай, как дела?

– У меня все в порядке, сэр, – ответил Дженнаро. Он сидел, удобно устроившись в мягком кожаном кресле «Гольфстрима-2», который летел на восток, в сторону Скалистых гор.

– За все это время ты мне так ни разу и не позвонил, – укоризненно произнес Хаммонд. – Я совсем потерял тебя из виду, Дональд. Как поживает твоя очаровательная супруга?

– Спасибо, хорошо. С Элизабет все в порядке. У нас маленькая дочь.

– Прекрасно, прекрасно... Дети – наша отрада в жизни. Ей наверняка понравится в нашем новом парке в Коста-Рике.

Дженнаро успел забыть, насколько маленького роста Джон Хаммонд. Старик сидел в кресле и болтал ногами, пока говорил, – ноги его не доставали до пола. Хаммонд принадлежал к тому типу людей, которые всю жизнь выглядят как дети, хотя сейчас ему должно быть уже... Сколько? Семьдесят пять? Или семьдесят шесть? Да, что-то вроде того. Хаммонд выглядел старше, чем Дженнаро его помнил, но ведь они не виделись уже целых пять лет.

Хаммонд всегда любил и умел производить впечатление на людей – прирожденный шоумен. Тогда, в восемьдесят третьем году, когда они впервые встретились с Дженнаро, Хаммонд повсюду возил за собой в тележке маленького слона. Слоник был двадцать пять сантиметров в высоту и тридцать – в длину, прекрасно сложенный, и даже с бивнями. Хаммонд привозил с собой слоника на собрания возможных вкладчиков. Обычно Дженнаро вкатывал в зал тележку, накрывая легким одеяльцем, как чайный столик на колесиках, а потом Хаммонд

произносил речь о перспективах развития «потребительской биологии», как он это называл. В самый драматический момент речи Хаммонд театральным жестом сдергивал покрывало с тележки и показывал собравшимся миниатюрного слоника. И просил денег.

Слоник имел неизменный успех. Его ладное маленькое тельце, размером не больше кошки, обещало восхищенным слушателям невероятные чудеса, которые может породить лаборатория стэнфордского генетика Нормана Атертона, делового партнера Хаммонда в его новом рискованном предприятии.

Однако, рассказывая о своем слонике, Хаммонд очень многое недоговаривал. К примеру, хотя Хаммонд собирался основать генетическую компанию, в том, как его маленький слон появился на свет, вовсе не была замешана генетика. Атертон всего лишь взял эмбрион карликового слона и вырастил его в искусственной матке под воздействием гормональных препаратов. Да, действительно, это само по себе было удивительным достижением науки – но вовсе не тем, на что так таинственно намекал Хаммонд, демонстрируя это маленькое живое чудо.

Опять же, Атертон не мог создать других таких же миниатюрных слоников, хотя и пытался. С одной стороны, каждый, кто видел слоника, хотел иметь такого же у себя. С другой стороны, слоник был очень чувствителен к холодам, особенно зимой. Хаммонда самого пробирала дрожь, когда он видел, как маленькое хрупкое тельце животного содрогается от кашля. А иногда слоник просовывал бивни между прутьями решетки и принимался трясти и раскачивать тележку, как будто хотел вырваться на свободу. Не раз бывало, что слоник подхватывал какую-нибудь инфекцию и кожа вокруг бивней воспалялась. Хаммонд больше всего боялся, что слоник умрет прежде, чем Атертон сможет вырастить ему замену.

Кроме того, Хаммонд тщательно скрывал от будущих акционеров, что в процессе миниатюризации повадки слоника очень сильно изменились. И хотя маленькое животное внешне выглядело как слон, на самом деле это был быстрый и кровожадный хищник, который питался исключительно мясом. Хаммонд никому не позволял гладить и кормить своего чудо-слоника – чтобы потом не объясняться по поводу откушенных пальцев.

И хотя Хаммонд клятвенно обещал, что через десять лет предприятие будет приносить верных семь миллиардов годового дохода, на самом деле его проект был в основном умозрительным, теоретическим. Хаммонд строил планы и был полон энтузиазма, но вовсе не было никакой уверенности в том, что его план сработает. Особенно учитывая то, что Норман Атертон – мозг проекта – страдал раком в последней стадии. Но эту подробность Хаммонд тоже не считал нужным кому-то сообщать.

И все-таки Хаммонду удалось, с помощью Дженнаро, собрать нужную сумму. За время с сентября 1983-го по ноябрь 1985-го Джон Альфред Хаммонд со своим «толстокожим портфелем» набрал восемьсот семьдесят миллионов долларов – начальный капитал для финансирования компании под названием «Интернациональные генетические технологии, инкорпорейтед». Он мог бы собрать гораздо больше, если бы Хаммонд не настаивал на полной секретности и не обещал вернуть деньги лишь лет через пять. Эти условия отпугнули многих возможных инвесторов. В конце концов получилось так, что основными капиталовкладчиками компании стали японские консорциумы. Японцы оказались единственными, у кого хватало терпения ждать так долго.

Сидя в кожаном кресле самолета, Дженнаро думал о том, какой уклончивый, скользкий тип этот Хаммонд. Старик совершенно игнорировал факт, что эту поездку организовал не он сам – его заставила это сделать адвокатская контора, в которой работал Дженнаро. Наоборот, Хаммонд держался так, словно он по собственной прихоти пригласил нескольких знакомых отдохнуть в выходные на своем острове.

– Очень жаль, что вы не взяли с собой семью, дорогой Дональд, – сказал Хаммонд.

Дженнаро пожал плечами:

– У моей дочки в субботу день рождения. Мы уже пригласили на праздник два десятка ребятишек. Будет большой торт и клоун. Ну, вы знаете, как это бывает.

– Да, понимаю... Детишки такое любят.

– Кстати, а ваш парк что, уже готов принимать посетителей? – спросил Дженнаро.

– Ну, официально – еще нет, – сказал Хаммонд. – Но гостиница уже построена, так что остановиться есть где...

– А животные?

– Животные, естественно, все там. Все на своих местах.

Дженнаро сказал:

– Кажется, вы говорили вначале, что их будет что-то около двенадцати...

– О, их гораздо больше, Дональд. Сейчас у нас двести тридцать восемь животных.

– Двести тридцать восемь?!

Старик радостно захихикал, его позабавило впечатление, которое произвела на Дженнаро эта цифра.

– Такого вы себе даже представить не можете. У нас их целые стаи!

– Двести тридцать восемь... А сколько разновидностей?

– Пятнадцать различных видов, Дональд.

– Невероятно! Это просто фантастика. А как со всем остальным, что вы собирались устроить? Компьютеры, всякое оборудование...

– Все на месте, все на месте... – промурлыкал старик. – Все на нашем острове – настоящее произведение искусства. Да вы сами все увидите, Дональд. Это поистине удивительное зрелище. Вот почему это... беспокойство... кажется мне таким неуместным. С нашим островом пока не произошло совершенно никаких неприятностей.

Дженнаро сказал:

– Тогда и инспекция пройдет без неприятностей.

– Я тоже так думаю, – кивнул Хаммонд. – Но это замедлит дело. Ведь на время официального визита все работы будут приостановлены...

– У вас и раньше бывали задержки. Вы отсрочили открытие парка.

– Ах, вы об этом... – Хаммонд вытащил шейный платок ярко-красного шелка из нагрудного кармана своей спортивной куртки. – Это и должно было случиться. Должно было случиться...

– Почему? – спросил Дженнаро.

– Ну, Дональд... Чтобы все как следует объяснить, надо начинать с самого начала, с исходной концепции нашего парка. Мы собирались создать самый современный, самый удивительный в мире парк развлечений на основе сочетания новейших компьютерных и биологических технологий. Я не говорю уже об увеселительных прогулках. Это есть везде. Даже на Кони-Айленде. А искусственные ландшафты в наши дни вообще доступны буквально каждому. Бандитский притон, пиратское логово, Дикий Запад, землетрясение – этим сейчас никого не удивишь. Вот почему мы сделали основную ставку на биологические аттракционы. На потрясающие биологические аттракционы, которые способны поразить воображение всего мира.

Дженнаро натянуто улыбнулся. Это было почти дословное повторение речи, которую Хаммонд произносил перед будущими инвесторами много лет назад.

– И мы никогда не забывали об основной цели нашего коста-риканского проекта – делать деньги, – продолжал Хаммонд. – Много, много денег.

– Я помню, – сказал Дженнаро.

– А секрет добывания денег из парка развлечений состоит в максимальном сокращении численности обслуживающего персонала. Разносчики еды, продавцы билетов, команды уборщиков, рабочие-ремонтники... Мы собирались сделать парк, обслуживаемый минимальным

количеством персонала. Вот почему мы так много денег вложили в компьютерные технологии – с компьютерами мы автоматизировали все процессы в парке, какие только возможно.

– Я помню...

– Но это же очевидно! Достаточно сложить вместе всех наших животных и наши компьютерные системы – и вы на коне! Кто, скажите мне, когда-либо располагал более мощной компьютерной системой, которая работает без сучка без задоринки? Никто!

– Значит, у вас обычные задержки, как это всегда бывает перед открытием?

– Да, вот именно, – кивнул Хаммонд. – Задержки самые обычные.

– Я слышал, во время строительных работ происходили несчастные случаи, – сказал Дженнаро. – Несколько рабочих погибло...

– Да, у нас было несколько несчастных случаев, – признал Хаммонд. – Но всего три из них – со смертельным исходом. Двое рабочих погибли при строительстве дороги в горах. Еще один погиб в январе – попал под землеройную машину. А за последние несколько месяцев у нас вообще не произошло ничего подобного. – Хаммонд положил руку на плечо молодого человека: – Дональд, дорогой, верьте мне, когда я говорю, что все на острове идет строго по плану. На нашем острове все в лучшем виде.

Включился интерком, и пилот сказал:

– Пожалуйста, пристегните ремни. Мы идем на посадку на аэродроме Чотиу.

Чотиу

Во все стороны, до самого горизонта, простиралась иссушенная солнцем равнина. Полу-денный ветер носил по растрескавшемуся бетону взлетной полосы сухую пыль и шары пере-кати-поля. Грант и Элли стояли возле своего джипа и ожидали, пока сверкающий «Грамман» делал круг над аэродромом и заходил на посадку.

– Терпеть не могу ждать толстосумов, – проворчал Грант.

Элли пожала плечами:

– Такая у нас работа...

Многие области науки, вроде физики или химии, уже давно перешли на государственное финансирование, но палеонтология до сих пор зависела исключительно от вкладов частных лиц. самого Алана Гранта совершенно не интересовал этот остров в Коста-Рике, но Грант знал, что, если Джон Хаммонд попросит помочь с островом, он непременно поможет. Он просто обязан это сделать для человека, который финансирует его палеонтологические экспедиции. Такова изнанка отношений с богатыми покровителями науки – и так было всегда.

Маленький самолет приземлился и покатился по взлетно-посадочной полосе к Алану и Элли. Элли вскинула на плечо дорожную сумку. Самолетик остановился, и стюардесса в голубой форме открыла дверцу.

Грант поразился, насколько у этого самолета тесный, хотя и роскошно оборудованный, салон. Ему пришлось идти пригнувшись, когда он отправился пожать руку сидящему в кресле Джону Хаммонду.

– Доктор Грант, доктор Саттлер, я рад, что вы смогли к нам присоединиться, – сказал Хаммонд. – Позвольте представить моего компаньона, Дональда Дженнаро.

Дженнаро был крепким, мускулистым мужчиной лет тридцати, в костюме от Армани и очках в тонкой металлической оправе. Грант с первого взгляда его невзлюбил. Они быстро обменялись рукопожатиями. Пожимая руку Элли, Дженнаро с нескрываемым удивлением про-ронил:

– А вы, оказывается, женщина...

– Так уж получилось, ничего не поделаешь, – ответила Элли, и Грант понял, что ей этот Дженнаро тоже не понравился.

Хаммонд повернулся к Дженнаро и сказал:

– Вы, конечно же, знаете, чем занимаются доктор Грант и доктор Саттлер. Они – пале-онтологи. Выкапывают из земли динозавров. – И расхохотался, как будто это занятие казалось ему чем-то очень забавным.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – попросила стюардесса, закрывая дверь. Самолет почти сразу же пошел на взлет.

– Вы должны нас извинить, – сказал Хаммонд. – Мы сейчас немного торопимся. Дональд считает, что очень важно поскорее добраться до места.

Пилот объявил, что через час будет посадка в Далласе, на дозаправку горючим, а потом самолет отправится прямо в Коста-Рику.

Прибытие – завтра утром.

– А долго мы пробудем в Коста-Рике? – поинтересовался Грант.

– Это зависит от многих факторов, – ответил Дженнаро. – Нам нужно кое-что выяснить...

– Можете положиться на мои слова, – сказал Хаммонд. – Уверен, мы пробудем там не больше сорока восьми часов.

Грант пристегнул ремень безопасности.

– Этот ваш остров, на который мы летим... Я никогда раньше о нем не слышал. Это что, какая-то тайна?

– Да, тайна – в своем роде, – ответил Хаммонд. – Мы очень, очень старались, чтобы никто не прознал о нем раньше времени – до того дня, когда остров наконец откроется – для изумления и развлечения посетителей.

Точка приложения усилий

Калифорнийская корпорация «Биосин» в Купертино ни разу за все время своего существования не созывала экстренных заседаний совета директоров. И вот теперь все десять директоров, сидящих в конференц-зале, были недовольны и раздражены непривычной спешкой. Было ровно восемь часов вечера. Директора минут десять оживленно переговаривались между собой, но постепенно все замолчали, и в зале стало тихо, слышался только шорох бумаг. Все с нетерпением поглядывали на часы.

– Кто-нибудь знает, чего мы ждем? – спросил один из директоров.

– Еще одного члена совета, – ответил Льюис Доджсон. – Нам не хватает еще одного директора. – Он посмотрел на часы. Из офиса Рона Мейера сообщили, что тот вылетел из Сан-Диего шестичасовым самолетом. Даже принимая в расчет время на то, чтобы добраться сюда из аэропорта, Мейер уже должен быть здесь.

– Вам нужен кворум? – спросил еще кто-то.

– Да. Нужен, – ответил Доджсон.

Это заставило их на минуту заткнуться. Кворум означал, что совету директоров предстояло принять какое-то очень важное решение. И, видит бог, они его примут – хотя Доджсон предпочел бы вообще не созывать никаких советов. Но Стейнгартен, глава корпорации «Биосин», был в этом вопросе тверд как камень. Он сказал: «Вы обязательно должны получить их согласие на то, что задумали, Льюис».

В зависимости от того, у кого спрашивать, Льюис Доджсон был известен или как самый энергичный и настойчивый генетик своего поколения, или как самый безрассудный и безответственный. Тридцати четырех лет, лысоватый, с хищным профилем, постоянно в напряжении. Джон Хопкинс отчислил его из университета за разработки генетического лечения людей без оформления соответствующих документов в Управлении по контролю за продуктами и медикаментами Департамента здравоохранения. Уже работая в «Биосине», Доджсон провел в Чили исследование альтернативной вакцины против бешенства. Сейчас Льюис Доджсон возглавлял в корпорации «Биосин» отдел готовой продукции, который занимался так называемой «обратной инженерией», – его сотрудники добывали образцы продукции конкурирующих фирм, раскладывали их на составляющие, досконально изучали и создавали собственную версию такого продукта.

В восьмидесятые годы не одна генетическая компания стала задаваться вопросом, как создать биологический аналог плеера «Сони Уокмен». Эти компании не интересовались здравоохранением или фармацевтикой, они делали ставку на спорт, развлечения, организацию досуга богатых бездельников, косметику и домашних любимцев. В девяностые годы спрос на продукцию «потребительской биологии» заметно возрос. И «ИнГен», и «Биосин» работали именно в этом направлении.

«Биосин» уже добился определенных успехов, сотворив полупрозрачную форель по заказу Общества охотников и рыболовов штата Айдахо. Такую форель легче заметить в воде, и это, безусловно, новый шаг вперед в развитии спортивного рыболовства. (По крайней мере, в Обществе охотников и рыболовов перестали поступать бесконечные жалобы на то, что они переловили всю рыбу в реках.) Правда, бесцветная форель время от времени гибнет от перегрева на солнце, а мясо у нее рыхлое и безвкусное – но об этих мелочах все как-то старались умалчивать. «Биосин» продолжал работы в этом направлении, и...

Дверь открылась, Рон Мейер вошел в конференц-зал и уселся в кресло. Теперь Доджсон наконец получил свой кворум. Он сразу же встал и обратился к директорам:

– Джентльмены! Мы собрались здесь сегодня вечером, чтобы определить точку приложения наших усилий – «ИнГен».

Доджсон вкратце обрисовал предысторию. Компания «ИнГен» существует с тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, она была основана на деньги японских инвесторов. За это время «ИнГен» приобрел три кревских КМП, самых мощных и современных суперкомпьютера. «ИнГен» арендовал остров в Коста-Рике. Собрал огромные количества природного янтаря. Делал необычно крупные денежные пожертвования зоопаркам по всему миру – от Нью-Йоркского зоологического общества до Рантапурского парка дикой природы в Индии.

– Невзирая на все эти подозрительные действия, мы до сих пор не имели ни малейшего представления о том, чем на самом деле занимается корпорация «ИнГен», – сказал Доджсон. – Очевидно, что эта компания особо интересуется животными. Кроме того, они наняли весьма интересную группу исследователей, род занятий которых относится к далекому прошлому – палеонтологов, ДНК-филогенетиков и тому подобных. И вот в 1987 году «ИнГен» перекупает в Нэшвиле, штат Теннесси, небольшую малоизвестную компанию под названием «Продукты из микропористого пластика». Незадолго до этого эта сельскохозяйственная компания запатентовала новый пластик, обладающий свойствами яичной скорлупы. Этот пластик можно отливать в форме яйца и использовать для выращивания в нем куриных эмбрионов. Начиная со следующего года «ИнГен» использует весь объем продукции этого пластика исключительно для собственных нужд.

– Доктор Доджсон, все это очень интересно...

– И в то же самое время, – продолжал Доджсон, ни на что не обращая внимания, – на острове Исла-Нублар начинается крупномасштабное строительство: огромный размах земляных работ, включая создание в центре острова искусственного озера длиной в две мили. Планы строительства хранились под большим секретом, но все-таки нам стало известно, что «ИнГен» сооружает на острове частный зоопарк невиданных размеров.

Один из директоров подался вперед и спросил:

– Доктор Доджсон, ну и что с того?!

– Это очень необычный зоопарк, – ответил Доджсон. – Уникальный, единственный во всем мире. Похоже, «ИнГен» устраивает нечто совершенно необыкновенное. Они умудрились клонировать древних животных из прошлого.

– Каких же это животных?

– Животных, которые выводятся из яиц и которым в зоопарке нужно очень много свободного пространства.

– Да что это за животные?!

– Динозавры, – ответил Доджсон. – Они клонировали динозавров.

Обсуждение, которое разгорелось в совете директоров после этого известия, казалось Доджсону совершенно неуместным. С богатыми людьми постоянно возникала одна и та же проблема – они вкладывали деньги в науку, но не знали толком, на что эта отрасль науки способна.

Собственно, еще в восемьдесят втором году в научной литературе проходила широкая дискуссия о практических возможностях выведения динозавров. С каждым следующим годом манипулировать с ДНК становилось все легче. Генетический материал добыли даже из египетских мумий и из чудом сохранившейся где-то шкуры квагги – зебровидного африканского животного, которое считается вымершим еще с 1880 года. А в 1985-м, похоже, стало возможным восстановить структуру ДНК квагги и вырастить новое такое животное. В таком случае квагга стала бы первым вымершим животным, вновь возвращенным к жизни, реконструированным только по строению ДНК. А если возможно такое, то что же еще возможно? Мاستодонт? Саблезубый тигр? Вымершая птица дронг?

Или даже динозавр?

Конечно, во всем мире, насколько это известно, не осталось сохранившейся ДНК динозавра. Но если соответствующим образом обработать достаточно большие количества ископаемых костей динозавров, из них возможно выделить уцелевшие фрагменты динозавровой ДНК. Раньше считалось, что в окаменевших костных останках ДНК не сохраняется. Но современные исследования убедительно доказали, что это не так. А если собрать достаточное количество уцелевших фрагментов ДНК, из них вполне можно вырастить методом клонирования¹⁰ живое существо.

Тогда, в восемьдесят втором, технологические трудности подобного процесса казались неразрешимыми. Но в теории никаких преград не существовало. Просто эта задача была трудной, дорогостоящей и с сомнительным положительным результатом. Но тем не менее получить нужный результат было возможно – если бы кто-то все же решил попытаться.

И, очевидно, компания «ИнГен» попыталась.

– Они создали единственный в своем роде, величайший в истории человечества аттракцион для туристов. Как вам известно, зоопарки чрезвычайно популярны. За последний год в зоопарках побывало больше американцев, чем на всех профессиональных баскетбольных и футбольных матчах, вместе взятых. Японцы тоже любят зоопарки – в Японии уже сейчас их более пятидесяти и еще множество строится. А за посещение своего зоопарка «ИнГен» может заломить буквально любую цену – две тысячи долларов в день, десять тысяч долларов в день... А кроме этого, существует еще всякий мелкий ходовой товар – иллюстрированные книжки, футболки с рисунками, видеоигры, кепки, стилизованные мягкие игрушки, комиксы, домашние любимцы...

– Домашние любимцы?

– Да, конечно же! Если «ИнГен» смогла сотворить живых динозавров натуральных размеров, то почему бы им не создать карликовых динозавриков в качестве милых домашних зверушек? Маленькое запатентованное животное для дома – вы себе только представьте! Да они пойдут нарасхват! «ИнГен» сможет распродать миллионы таких зверьков. А еще «ИнГен», конечно же, позаботится о том, чтобы они могли питаться только кормами производства той же «ИнГен»...

– Господи... – вырвалось у кого-то.

– Но именно зоопарк будет главным украшением всего этого великолепия, – заявил Доджсон.

– Вы говорите, они запатентуют своих динозавров?

– Непременно! Любое животное, полученное методами генной инженерии, сейчас можно запатентовать. Верховный суд США принял такое решение в пользу Гарварда в 1987 году. Динозавры станут законной собственностью «ИнГен», и никто другой не сможет легально их производить.

– А что мешает нам создать своих собственных динозавров?

– Ничего – кроме отрыва в пять лет, который есть у «ИнГен». Практически нереально догнать их в этом до конца столетия.

Доджсон сделал эффектную паузу и продолжил:

– Но, конечно, если нам удастся заполучить образцы ингеновских динозавров, мы смогли бы методами обратной инженерии разобраться в строении их ДНК и создать своих собственных динозавров, с некоторыми отличиями в ДНК, достаточными для того, чтобы обойти любые их патенты.

– А мы сможем получить образцы ингеновских динозавров?

Доджсон ответил, но не сразу:

– Надеюсь, сможем.

---

¹⁰ Клонирование – выращивание генетически идентичного организма из одной неполовой клетки. (Примеч. пер.)

Кто-то прокашлялся и сказал:

– Но мы не должны нарушать никаких законов...

– Нет, конечно, нет! – быстро отозвался Доджсон. – Ничего противозаконного. Я имел в виду исключительно легальные способы добывания у «ИнГен» динозавровой ДНК. Через какого-нибудь недовольного сотрудника или наемного рабочего, с которым обошлись несправедливо... Что-нибудь вроде этого.

– И вы нашли такой легальный источник, доктор Доджсон?

– Нашел. Но боюсь, что действовать нам придется очень быстро, поскольку «ИнГен» переживает сейчас некий внутренний кризис, и мой источник должен успеть управиться со всем в течение следующих двадцати четырех часов.

В комнате надолго воцарилась тишина. Директора поглядывали на секретаршу, которая делала записи, и на магнитофон, стоявший возле нее на столике.

– Я не вижу надобности в вынесении формальной резолюции по этому вопросу, – сказал Доджсон. – Достаточно того, что ваше общее мнение однозначно... И я могу привести план в действие...

Директора один за другим стали кивать.

Никто не произнес ни слова. Ничей голос не был записан на магнитофон. Но все молчаливыми кивками выразили свое согласие.

– Благодарю вас за то, что вы поучаствовали в заседании, джентльмены, – сказал Доджсон. – Значит, я могу теперь действовать.

Аэропорт

Льюис Доджсон вошел в кафе при зале ожидания для отбывающих пассажиров аэропорта Сан-Франциско и быстро огляделся по сторонам. Его человек уже был на месте, ждал у стойки бара. Доджсон присел рядом с ним и поставил кейс на пол между стульями.

– А ты подзадержался, приятель, – упрекнул ожидавший его человек. Потом посмотрел на соломенную шляпу на голове у Доджсона и рассмеялся: – А это ты зачем нацепил? Для маскировки?

– Предосторожность никогда не помешает, – проговорил Доджсон, умиряя свой гнев. Он в течение шести месяцев с адским терпением и упорством обрабатывал этого человека, который с каждой следующей встречей становился все несноснее и самонадеяннее. Но Доджсон ничего не мог с этим поделать – оба прекрасно понимали, насколько высоки ставки в этой игре.

ДНК, полученная методами генной инженерии, была самым дорогостоящим товаром в мире на единицу веса. Единственная микроскопическая бактерия, такая маленькая, что ее даже не увидишь невооруженным глазом, но содержащая в себе гены противоангинозного фермента, стрептокиназы, или «антихолода», который предохраняет от подмерзания садовые растения, могла обойтись непосредственному покупателю в сумму более пяти миллионов долларов.

Такая вот правда жизни породила новый, причудливый мир промышленного шпионажа. И Доджсон на этом поприще был далеко не из последних. В 1987 году Доджсон уговорил одну обиженную начальством женщину-генетика уволиться из «Цетуса» и перейти в «Биосин», прихватив с собой пять новых штаммов бактерий, полученных методами генной инженерии. Эта смышленная дамочка попросту ввела по капле раствора с бактериями под каждый ноготь на руке и ушла из компании.

Но «ИнГен» подкинул Доджсону задачку потруднее. Теперь ему нужно было нечто большее, чем ДНК бактерий. Он хотел заполучить замороженные эмбрионы, зная, что «ИнГен» стережет их с помощью самых совершенных систем охраны. Чтобы получить вожаемые эмбрионы, Доджсону нужен был сотрудник «ИнГен», имеющий к ним доступ, который к тому же мог как-то обойти охранные приспособления. А найти такого человека не так-то просто.

Доджсон отыскал подходящего работника «ИнГен» только в этом году. Хотя этот человек и не имел непосредственного доступа к эмбрионам динозавров, Доджсон все равно постоянно поддерживал с ним связь, встречался с ним – как правило, у Карлоса и Чарли в Силиконовой долине – и время от времени оказывал ему небольшие услуги. И вот теперь компания «ИнГен» пригласила на остров консультантов и подрядчиков – это был как раз тот случай, которого Доджсон так долго ждал. Под шумок его человек смог бы добраться до строго охраняемых эмбрионов.

– Давай поближе к делу, приятель, – сказал тот. – А то у меня самолет через десять минут.

– Ты что, хочешь, чтобы я снова все тебе пересказал?

– Да нет же, черт возьми, доктор Доджсон! Я хочу наконец увидеть свои денежки.

Доджсон отщелкнул застежки кейса и немного приоткрыл его. Его сосед с нескрываемым интересом заглянул внутрь.

– Это что, все?

– Нет, только половина. Семьсот пятьдесят тысяч долларов.

– О'кей! Нормально... – Мужчина повернулся к стойке и допил свой кофе. – Все нормально, доктор Доджсон.

Доджсон быстро застегнул кейс.

– Это – за все пятнадцать образцов, не забыл?

– Да помню я, помню. Пятнадцать штук замороженных эмбрионов. И как я, по-вашему, должен их вам отвезти?

Доджсон передал ему большой флакон пены для бритья фирмы «Жиллетт».

– В этом, что ли?

– В этом.

– Но они могут проверить мой багаж...

Доджсон передернул плечами:

– Нажми на верхушку.

Тот нажал, и на руку ему брызнула обычная белая пена для бритья. Он вытер руку о край своей тарелки и сказал:

– Недурно. Совсем недурно.

– Вообще-то флакон немного тяжелее обычного.

Последние два дня доджсоновская команда техников не покладая рук работала над этим флаконом. Доджсон быстро показал своему человеку, как им пользоваться.

– А сколько там внутри охлаждающего газа?

– Хватит на тридцать шесть часов. За это время эмбрионы должны быть доставлены в Сан-Хосе.

– Это уже забота твоего парня, который будет в лодке. Лучше присмотри, чтобы у него на борту оказался портативный морозильник.

– Я об этом позабочусь, – сказал Доджсон.

– И давай еще раз посмотрим наши условия...

– Сделка остается прежней, – твердо сказал Доджсон. – Пятьдесят тысяч долларов за доставку каждого эмбриона. Если они окажутся жизнеспособными – то еще по пятьдесят тысяч сверху за каждый.

– Все нормально, я не спорю. Но только чтоб в пятницу ночью меня обязательно ждала лодка у восточного берега острова. Не в северной бухте, куда причаливают большие корабли. В восточной бухте. Там есть маленький причал для хозяйственных нужд. Ты все понял?

– Понял. Когда ты снова будешь в Сан-Хосе?

– Наверное, в воскресенье. – Мужчина встал.

Доджсон забеспокоился:

– Ты точно умеешь управляться с...

– Умею. Уж поверь мне – умею.

– А еще мы считаем, что остров поддерживает постоянную радиосвязь со штаб-квартирой корпорации в Калифорнии, так что...

– Слушай, не суетись, я обо всем позабочусь. Расслабься и держи мои деньги наготове. Я приду за ними в воскресенье утром, в аэропорт Сан-Хосе. И смотри, чтобы все было в мелких купюрах!

– Не беспокойся, – сказал Доджсон. – Я буду тебя ждать.

Малкольм

Незадолго до полуночи он взошел на борт самолета в Далласском аэропорту – высокий, худощавый мужчина тридцати пяти лет, с редеющими волосами, одетый во все черное: черную рубашку, черные брюки, черные носки, черные спортивные туфли.

– О, доктор Малкольм! – привычно улыбаясь, воскликнул Джон Хаммонд.

Малкольм тоже улыбнулся:

– Привет, Джон. Да, боюсь, твоя извечная «немезида» снова с тобой.

Малкольм поздоровался за руку со всеми присутствующими, сопровождая рукопожатие словами:

– Я – Ян Малкольм. Как дела? А мое дело – математика.

Гранту показалось, что неожиданное приглашение на остров удивило Малкольма даже больше, чем всех остальных.

Грант, конечно же, много о нем слышал. Малкольм был одним из самых известных математиков последнего поколения, которых очень интересовало, «как устроен реальный мир». Эти ученые по многим важным направлениям изменили старые традиции математической науки. Во-первых, они постоянно использовали в работе компьютеры, за что математики старой школы недовольно на них косились. Во-вторых, они работали практически только с нелинейными зависимостями, которые в целом назывались теорией хаоса. В-третьих, эти математики были живо заинтересованы в том, чтобы их вычисления описывали только то, что действительно существует в реальном мире. И, наконец, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к живому, настоящему миру, а не к миру сухой отвлеченной науки, они одевались и вели себя с «отвратительным избытком индивидуализма», как назвал их стиль один пожилой академик. Короче говоря, эти молодые математики зачастую держались, как звезды эстрады.

Малкольм уселся в глубокое кожаное кресло. Стюардесса предложила ему напитки. Он попросил:

– Диетическую колу. Размешайте, но не взбалтывайте!

Влажный воздух Далласа просочился в салон через открытые иллюминаторы.

– Разве сегодня не слишком жарко для черного? – спросила Элли.

– Вы ужасно милы, доктор Саттлер, – откликнулся Ян Малкольм. – Я целый день буду смотреть только на ваши стройные ножки. Но – нет, черный цвет очень подходит для жаркой погоды. Если вспомнить об излучении черных тел, то придется признать, что черный – вообще самый лучший цвет в жару. Он излучает наиболее интенсивно. Как бы то ни было, я вообще одеваюсь только в два цвета – черный и серый.

Элли уставилась на него, раскрыв рот от удивления.

– Эти два цвета прекрасно подходят к любой ситуации, – продолжал разглагольствовать Малкольм. – И они неплохо сочетаются – я не буду выглядеть нелепо, если по ошибке надену серые носки с черными брюками.

– А вам не скучно все время носить только черное и серое?

– Ничуть! Напротив, так я чувствую себя более свободным. Я очень ценю свою жизнь и свое время и не желаю тратить его попусту, на раздумья об одежде. Я не хочу думать каждый день о том, что же мне надеть на следующее утро. И вообще, по-моему, в мире нет ничего скучнее моды. Разве что профессиональный спорт. Подумать только – взрослые люди играют друг с другом в мячик, а весь остальной мир платит бешеные деньги за то, чтобы им поаплодировать. Но в целом мода даже скучнее спорта. И утомительнее.

– У доктора Малкольма на все свои взгляды, – пояснил Хаммонд. – Он – человек твердых убеждений.

– И странный, как сумасшедший шляпник, – весело добавил Малкольм. – Но вы должны признать, что это далеко не маловажный вопрос. Мы живем в мире чудовищных условностей. Людям приходится вести себя так, а не иначе – потому что так принято! Они вынуждены беспокоиться о чем-то – только потому, что так принято. И никому не приходит в голову – почему это так? Ну, скажите, разве это не удивительно? В нашем обществе, перенасыщенном информацией, практически никто не думает своей головой. Нам следовало бы отмахиваться от ненужных бумаг, а мы отмахиваемся от мыслей.

Хаммонд повернулся к Дженнаро и поднял руки:

– Это все вы – вы его пригласили.

– И вам повезло, что меня пригласили, – сказал Малкольм. – Потому что у вас, похоже, крупные неприятности.

– У нас все в порядке, – быстро ответил Хаммонд.

– Я всегда говорил, что с этим островом у вас ничего не выгорит, – нимало не смущаясь, продолжал Малкольм. – Я предрекал это с самого начала. – Он открыл свой кейс из мягкой кожи и достал оттуда какие-то бумаги. – И теперь, я уверен, все мы понимаем, что это будет за увеселительная прогулка в выходные. Похоже, вам придется по-быстрому прикрыть все это дело.

– Прикрыть дело? – Хаммонд в гневе вскочил со своего места. – Да вы что, это же просто смешно!

Малкольм пожал плечами – его совершенно не тронула вспышка старика Хаммонда.

– Я прихватил с собой копии моих выкладок, чтобы вы тоже могли взглянуть, – сказал он. – А оригинал аналитического отчета я отправил в «ИнГен». Математические расчеты понять так сразу непросто, но я помогу вам разобраться, чтобы вы в них не увязли. Вы что, куда-то уходите?

– Мне надо еще кое-кому позвонить, – отговорился Хаммонд и вышел из салона в смежную кабинку.

– Ну, ничего, лететь нам еще долго, – заявил Малкольм, обращаясь к остальным. – По крайней мере, мои бумаги хоть как-то вас развлекут.

...Самолет летел сквозь ночь.

Грант знал, что те, кто плохо отзывался о Яне Малкольме, не так уж и неправы, и мог понять тех, кто считает, что Малкольм ведет себя чрезмерно грубо и бесцеремонно и слишком боек в практическом применении теории хаоса. И все-таки Алан взялся просматривать его бумаги, стараясь вникнуть в смысл уравнений.

Дженнаро спросил:

– Ваши расчеты доказывают, что затея Хаммонда с этим островом обречена на провал?

– Совершенно верно.

– Согласно теории хаоса?

– Именно. Если быть более точным – согласно поведению системы в фазовом пространстве.

Дженнаро отложил бумаги в сторону и сказал:

– Можете теперь объяснить мне все это простым английским языком?

– Конечно! – сказал Малкольм. – Только сперва давайте определимся, с чего мне начинать. Вы вообще имеете хоть какое-то представление о нелинейных зависимостях?

– Нет.

– А о притяжении случайностей?

– Нет.

– Прекрасно. Тогда начнем с самого начала. – Он задумался, глядя в потолок. – Физики достигли значительных успехов в описании закономерностей поведения некоторых объектов

– таких, например, как вращение планет по их орбитам, полет космических кораблей к Луне, движение маятников, пружин, катящихся шаров и тому подобных штук. Все это – объекты, движение которых подчиняется простым закономерностям. Оно описывается так называемыми линейными уравнениями, которые математики с легкостью разрешают. Мы делаем это уже много сотен лет.

– Пока понятно, – сказал Дженнаро.

– Но есть и другие виды поведения физических объектов, которые физики почти не в состоянии описать. Например, турбулентные завихрения потоков. Так ведет себя вода, вытекающая из трубы. Воздух, обтекающий крыло самолета. Погода. Кровь, протекающая через сердце. Турбулентные явления описываются нелинейными уравнениями. А их очень трудно решить – практически невозможно. Поэтому физики так до конца и не понимают сущности подобных явлений. Как не понимали и десять тысяч лет назад. Новая теория, которая объясняет нелинейные уравнения, называется теорией хаоса. Собственно говоря, эта теория впервые появилась при попытке создать компьютерную модель изменений погоды, еще в шестидесятые годы. Погода представляет собой большую и сложную систему, а именно атмосферу Земли в ее взаимодействии с земной поверхностью и солнцем. Поведение этой большой и сложной системы всегда было очень трудно понять. И, соответственно, люди никогда не могли как следует предугадывать погоду. Но главное, что вынесли исследователи из неудачных компьютерных моделей погоды, – это то, что, даже если можно понять поведение системы, предугадать его все равно нельзя. Предсказание погоды невозможно в принципе. А причина в том, что поведение такой системы очень сильно зависит от изначальных условий.

– Что-то я потерял ход мысли... – сказал Дженнаро.

– Если выстрелить из пушки ядром определенной массы, с определенной скоростью и под определенным углом к горизонту, а потом зарядить второе ядро, почти такой же массы, и снова выстрелить с такой же начальной скоростью и под тем же углом – что получится?

– Два ядра упадут примерно в одном и том же месте.

– Правильно, – похвалил Малкольм. – Так вот, это – линейная динамика.

– Понятно.

– Но если взять и запустить систему погоды с определенными начальными значениями температуры, скорости ветра и влажности, а потом повторить опыт с другой погодной системой, которая по исходным условиям практически не отличается от первой, то вторая система будет вести себя вовсе не так, как первая. Со временем их поведение будет различаться все сильнее и сильнее, и очень скоро это будут две совсем разные, нисколько не похожие одна на другую системы. Шторм с громом и молниями вместо спокойной солнечной погоды. Так вот, это – пример нелинейной динамики. Такие системы крайне чувствительны к исходным условиям – малейшие отклонения со временем усиливаются.

– Похоже, я понял, – сказал Дженнаро.

– Чаще всего в качестве примера приводят «эффект бабочки». Бабочка взмахнула крыльями где-то в Пекине – и погода в Нью-Йорке резко испортилась.

– Значит, хаос – это все случайное и непредсказуемое? Я правильно понимаю? – спросил Дженнаро.

– Нет. На самом деле мы находим скрытые закономерности в совокупности изменений состояния сложных систем. Поэтому теория хаоса сейчас так широко применяется – ее используют для изучения буквально всего, от рынков сбыта и психологии взбунтовавшейся толпы до энцефалограммы больных во время эпилептических припадков. Любые сложные системы, изменения в которых развиваются непредсказуемо. Мы находим в них скрытые закономерности. Теперь понятно?

– Понятно, – кивнул Дженнаро. – Но что это за скрытые закономерности?

– Они описывают поведение системы в фазовом пространстве.

– О господи! Все, что я хотел от вас узнать, – это почему остров Хаммонда обречен на провал! – не выдержал Дженнаро.

– Я понимаю, – сказал Малкольм. – Я вывел это. Теория хаоса состоит из двух положений. Первое – сложные системы вроде погоды всегда подчиняются скрытым закономерностям. Второе, как бы обратная сторона первого, – простые системы могут вести себя как очень сложные. Возьмем, к примеру, бильярдные шары. Вы ударяете бильярдный шар кием, и он начинает кататься по столу, отскакивая от бортов. Теоретически это крайне простая система, почти ньютоновская. И если точно знать силу, с которой ударили шар, массу шара и угол, под которым этот шар ударяется о стенки, то можно легко просчитать дальнейшее поведение шара. В теории мы можем предсказать поведение шара на очень долгое время, если он все время будет ударяться о борта стола, – вплоть до того, что можно точно определить местонахождение шара, скажем, хоть через три часа от исходной точки.

– Понятно, – кивнул Дженнаро.

– Но на самом деле оказывается, что достоверно предсказать поведение шара можно только на несколько секунд, – продолжал Малкольм. – Потому что практически сразу же на поведение шара начинают оказывать воздействие очень малые случайности – неровности на его поверхности, мелкие включения в шерстяном покрытии стола... И очень скоро эти случайные мелочи разрушают все ваши самые точные расчеты. Вот так и получается, что даже очень простая система бильярдных шаров на столе ведет себя практически непредсказуемо.

– Да...

– А проект Хаммонда – животные внутри зоопарка – это всего лишь еще одна простая система, которая вскоре обязательно станет вести себя непредсказуемо.

– Так вы вывели это...

– Теоретически, – сказал Малкольм.

– Но разве не лучше самому осмотреть остров, чтобы узнать, что удалось Хаммонду на самом деле?

– Нет. Это совершенно необязательно. Подробности не имеют значения. Теория и так ясно говорит мне, что на этом острове очень скоро начнут происходить непредсказуемые случайности.

– И вы полностью полагаетесь на эту вашу теорию?

– Да, конечно, – сказал Малкольм. – Она совершенно достоверна. – Он поудобнее устроился в своем кресле. – На острове уже возникли проблемы. Значит, скоро начнут происходить всякие случайности.

Исла-Нублар

Винты вертолета завертелись над головой, со свистом рассекая воздух и отбрасывая длинные тени на посадочную площадку аэропорта Сан-Хосе. Грант вслушивался в треск наушников, пока пилот разговаривал с диспетчером.

В Сан-Хосе к ним присоединился еще один пассажир, человек по имени Деннис Недри, который прилетел специально, чтобы их встретить. Толстый и неопрятный, Недри жевал шоколадный батончик, и пальцы у него были перемазаны липким шоколадом, а на рубашке повисли обрывки фольги от конфетной обертки. Здороваясь, Недри пробормотал что-то о том, что он следит за компьютерами на острове, а протянуть руку для рукопожатия не додумался.

Сквозь плексигласовый колпак кабины Грант смотрел, как уходит из-под ног бетонная площадка аэродрома и одинокая тень вертолета скользит по земле, – они полетели на запад, к горному хребту.

– Нам лететь примерно сорок минут, – сообщил Хаммонд, который устроился на одном из задних сидений.

Внизу проплывали невысокие холмы, но вскоре их не стало видно – вертолет взлетел выше пелены облаков, под яркое утреннее солнце. Сквозь облака поднимались утесы гор – Грант поразился, как много здесь вырублено лесов. Оголенные, искалеченные пустые пространства тянулись вдаль на многие километры.

– В Коста-Рике самый лучший контроль за численностью населения среди стран Центральной Америки, – сказал Хаммонд. – Но леса у них вырубаются совершенно бесконтрольно. Коста-Рика потеряла огромную часть своих лесных богатств, причем в основном в последние десять лет.

Вертолет перевалил через горный хребет и снова опустился ниже облаков по другую сторону гор. Грант увидел роскошные пляжи западного побережья. Внизу промелькнула маленькая прибрежная деревушка.

– Бахья-Анаско, – сообщил пилот. – Рыбацкий поселок. – Он показал на север: – А вон там, чуть севернее, – заповедник Кабо-Бланко. У них там шикарные пляжи.

Пилот повел машину прямо на запад, над океанскими водами. Понемногу лазурная вода сменилась зеленой, а потом стала глубокого аквамаринового цвета. На волнах сверкали солнечные блики. Было около десяти часов утра.

– Еще несколько минут, и покажется наш остров, Исла-Нублар, – сказал Хаммонд.

Исла-Нублар, как пояснил Хаммонд, это не совсем остров. Скорее, это нечто вроде горы в океане – поднятый на поверхность в результате вулканических процессов участок океанского дна.

– Вулканическое происхождение острова заметно сразу, – рассказывал старик. – Во многих местах земля под ногами теплая от вулканического жара, кое-где есть действующие гейзеры. Из-за этого и еще из-за преобладающих океанских течений Исла-Нублар постоянно окутан туманом. Когда прибудем на место, вы сами увидите... А вот и остров!

Вертолет рванулся вперед и вниз, к воде. Впереди действительно показался остров, гористый, с отвесными скалами и утесами, которые вздымались из воды.

– Господи, да он похож на Алькатрас!¹¹ – воскликнул Малкольм.

Поросшие лесом утесы утопали в густом тумане, придавая острову довольно таинственный вид.

---

¹¹ Алькатрас – бывшая тюрьма на острове с тем же названием вблизи Сан-Франциско. (Примеч. пер.)

– Что вы, он гораздо больше, – возразил Хаммонд. – Восемь миль в длину и три мили в ширину в самом широком месте, общая площадь примерно двадцать две квадратные мили. Это будет самый большой частный зоопарк во всей Северной Америке.

Вертолет снова начал набирать высоту и повернул к северной оконечности острова. Грант пытался рассмотреть что-нибудь сквозь густую завесу тумана.

– Обычно туман не такой плотный, – сказал Хаммонд. В голосе его ясно слышалось беспокойство.

На северной оконечности острова горы поднимались выше всего – более шестисот метров над уровнем океана. Вершины прибрежных скал терялись в молочно-белом тумане, и все же Грант рассмотрел острые выступы утесов и бурлящие океанские волны под ними. Вертолет перелетел через горы.

– К сожалению, нам придется приземляться на острове, – сказал Хаммонд. – Я этого не люблю – лишний раз беспокоить животных... Кроме того, это иногда немного страшновато...

Хаммонд замолк, потому что заговорил пилот:

– Начинаем снижаться! Пристегните ремни, ребята.

Вертолет пошел вниз и в одно мгновение оказался внутри плотной завесы тумана. Грант слышал в наушниках ритмичный писк электронных приборов, но абсолютно ничего вокруг не видел. Потом туман немного поредел, так что сквозь него уже можно было различить очертания темно-зеленых ветвей, выступающих из молочно-белой дымки. Некоторые ветви находились совсем близко.

– Как, черт возьми, он это делает? – спросил Малкольм, но никто ему не ответил.

Пилот быстро переводил взгляд то направо, то налево, выискивая ориентир – хвойный лес. Деревья по-прежнему были на опасно близком расстоянии. Вертолет продолжал снижаться.

– Господи... – пробормотал Малкольм.

Писк в наушниках стал громче. Грант взглянул на пилота. Тот был полностью сосредоточен на управлении машиной. Грант посмотрел вниз через прозрачный колпак вертолета и различил на земле огромный флюоресцирующий крест. По углам креста горели сигнальные огни. Пилот немного скорректировал курс и мягко опустил машину на посадочную площадку. Шум моторов начал понемногу затихать и вскоре прекратился совсем.

Грант вздохнул с облегчением и отстегнул ремни безопасности.

– Надо выходить побыстрее, вот в эту сторону, – заторопил всех Хаммонд. – Потому что здесь, на этой вершине, бывает такой порывистый ветер, что... Ну вот, наконец мы в безопасности.

К вертолету подбежал какой-то человек – рыжеволосый мужчина в бейсбольной кепке. Он открыл дверцу и сказал:

– Привет всем, я – Эд Регис. Добро пожаловать на Исла-Нублар! И, пожалуйста, внимательно смотрите под ноги, когда будете идти.

Вниз по склону горы вилась узкая дорожка. Воздух был сырой и промозглый. Когда они спустились пониже, туман понемногу развеялся, и Грант смог лучше разглядеть окружающую природу. Он подумал про себя, что этот остров с виду напоминает скорее северо-запад Тихого океана, например – Олимпийский полуостров.

Регис подтвердил его догадки:

– Исходная экологическая система острова представляла собой лиственные дождевые леса – совсем не то, что на континенте, там почти повсюду классические дождевые леса. Но такой микроклимат у нас только на возвышенностях – на склонах северных гор. Флора остальных частей острова представлена в основном тропическими лесами.

Далеко внизу виднелись белые крыши каких-то больших зданий, утопающих в буйной зелени. Грант даже удивился – он не ожидал увидеть здесь такие современные, прекрасно спроектированные строения. Путники спустились еще ниже, завеса тумана осталась позади, и перед ними во всем своем великолепии открылась панорама острова, простирающегося далеко на юг. Как и сказал Регис, остров по большей части был покрыт непроходимыми тропическими лесами.

Глядя на юг, Грант заметил возвышающийся над пальмовой рощей необычный ствол дерева – голый, совсем без веток и листьев, просто длинный и толстый изогнутый обрубок. Но внезапно этот ствол зашевелился и развернулся вершиной к путникам. И тут Грант понял, что перед ним – вовсе никакое не дерево.

Это была длинная и толстая, изящно изогнутая шея гигантского животного, поднятая на пять метров от земли.

Это был живой динозавр.

Добро пожаловать на остров

– О господи! – тихо прошептала Элли. Все, не отрываясь, смотрели на животное, возвышающееся над деревьями. – Господи боже мой!

Первое, что она подумала, – динозавр потрясающе красив. На картинках в книжках динозавров изображали огромными, неповоротливыми тварями, но это изящное животное с длинной шеей двигалось плавно и легко, с каким-то царственным достоинством. И двигалось оно быстро – в его движениях не было заметно никакой заторможенности или сонливости. Динозавр внимательно посмотрел на людей и издал гулкий трубный рев, похожий на рев слона. В следующее мгновение над пальмовыми зарослями поднялась вторая огромная голова, третья, четвертая...

– О господи! – снова вырвалось у Элли.

...Дженнаро не мог произнести ни слова. Он, единственный из присутствующих, знал, чего следует ожидать, – он знал об этом уже четыре года, – но в глубине души так и не смог до конца поверить, что такое возможно, и теперь стоял и молчал, словно пораженный громом. Перед ним внезапно явились живые свидетельства могущества современных генетических технологий – могущества, о котором было сказано столько красивых слов во время кампании по сбору средств и которое он раньше считал всего лишь ловким трюком, годным только для рекламных проспектов. Эти животные оказались такими громадными! Они просто гигантские! Больше, чем дом! И их здесь так много! Черт возьми, да это же настоящие живые динозавры! Настолько реальные, насколько это вообще возможно.

И Дженнаро подумал: «Мы сделаем на этом парке целое состояние. Огромное состояние!»

И он понадеялся, что, с божьей помощью, на острове все пойдет благополучно.

Грант стоял на тропинке на склоне горы и не отрываясь смотрел на серые шеи динозавров, поднимавшиеся над пальмовыми деревьями. Его лицо покрылось бисеринками пота, голова слегка кружилась, как будто земля вдруг рванулась с места и стала стремительно уходить из-под ног. Он едва мог дышать. Потому что сейчас перед ним открылось зрелище, которое он даже не надеялся увидеть за всю свою жизнь. И вот он это видит, видит наяву.

Животные, которые паслись в окутанном туманной дымкой тропическом лесу, были определенно апатозавры – травоядные динозавры средних размеров. Потрясенному Алану припомнились научные сведения о них: североамериканские травоядные позднего юрского периода. Обычно их называют бронтозаврами. Впервые их останки обнаружены Э. Д. Коупом в Монтане, в 1876 году. Этот вид динозавров связан с моррисоновской геологической формацией в Колорадо, Юте и Оклахоме. Совсем недавно Берман и Мак-Айтош внесли изменения в существовавшую классификацию диплодоков, основанную на очертаниях их черепов. Традиционно считалось, что бронтозавры большую часть времени проводили, бродя по мелководным заливам, так как при их огромной массе в воде передвигаться было легче. Но эти, живые бронтозавры, которых Грант видел перед собой, находились явно не в воде и двигались, наверное, даже слишком проворно – их шеи скользили над верхушками пальмовых деревьев очень, очень быстро, на удивление быстро...

Грант громко расхохотался.

– В чем дело? – встревожился Хаммонд. – Разве что-то не так?

Грант покачал головой, но продолжал смеяться. Он просто не мог объяснить им, отчего ему так смешно, – Алан видел животных всего несколько секунд, но уже поверил в них и

даже нашел в своих наблюдениях ответы на множество неразрешимых ранее вопросов, издавна занимавших палеонтологов всего мира.

Он все еще смеялся, а над зарослями покачивалось уже пять или шесть длинных шей. Динозавры с интересом смотрели на группку людей. Они напомнили Гранту жирафов-переростков – у бронтозавров оказался такой же милый, довольно глуповатый взгляд.

– Насколько я понимаю, это не электронные игрушки, – сказал Малкольм. – Зверушки выглядят слишком уж живо.

– Естественно, они живые! – откликнулся Хаммонд. – Так ведь и планировалось, разве нет?

Из зарослей, где стояли бронтозавры, снова донесся трубный рев. Сначала заревело одно животное, потом к нему присоединились все остальные.

– Слышите? Ревут, – сказал Регис. – Говорят нам: «Добро пожаловать на остров!»

Грант, как зачарованный, несколько минут стоял и слушал рев динозавров.

– Вам, наверное, интересно, что будет дальше? – спросил Хаммонд. – Мы продумали для вас полное расписание всего визита. На сегодняшнее утро у нас запланирована поездка по парку, вы сможете посмотреть на динозавров. На обеде я присоединюсь к вам и отвечу на все вопросы, если у кого-то они еще останутся. А теперь препоручаю вас мистеру Регису. Он вас проводит...

Вся группа пошла за Эдом Регисом к ближайшему зданию. Над дорожкой висел нарисованный от руки плакат:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА!

Третье повторение

При повторной перерисовке кривой подробности ее структуры становятся более явными.

Ян Малкольм

Парк юрского периода

Они шли к главному корпусу для посетителей по живому зеленому тоннелю из пальм, изогнувшихся над дорожкой наподобие декоративных арок. Гостей парка окружали целые заросли буйной тропической растительности, причем, размещенные в строгом, тщательно продуманном порядке – так, чтобы у всех, кто сюда попадал, создавалось стойкое впечатление, что они вступили в совершенно новый мир доисторических тропических лесов, оставив весь обычный мир где-то далеко позади.

Элли сказала Гранту:

– Они выглядят совсем неплохо.

– Да, – кивнул Алан. – Но мне бы хотелось рассмотреть их поближе. Я хочу потрогать подушечки их лап, осмотреть когти, своими руками ощупать их шкуру, открыть им челюсти и взглянуть на зубы. Пока я этого не сделаю, я не смогу до конца в них поверить. Но – да, согласен, выглядят они вполне прилично.

– Наверное, это несколько изменит вашу науку? – спросил Малкольм.

Грант покачал головой и сказал:

– Это изменит буквально всё.

Все сто пятьдесят лет, сколько существует палеонтология – с тех пор как в Европе обнаружили кости гигантских доисторических животных, – изучение динозавров основывалось исключительно на методе научной дедукции. Палеонтологи могли только строить догадки и предположения. Палеонтология была почти детективной наукой – ученые выискивали вещественные доказательства своих предположений в окаменевших костных останках и следах гигантских животных, исчезнувших с лица земли много миллионов лет назад. И самыми лучшими палеонтологами считались те, кто умел на основе имеющихся свидетельств делать самые логичные умозаключения.

Все жаркие споры ученых по поводу динозавров основывались исключительно на логических предположениях – в том числе и горячее обсуждение вопроса о том, были ли динозавры теплокровными животными. Одним из самых активных участников этого обсуждения был профессор Алан Грант.

В научном мире принято было считать динозавров рептилиями, холоднокровными животными, которые получают тепло, необходимое для жизни, непосредственно из окружающей среды. Млекопитающие поддерживают постоянную температуру тела, извлекая энергию за счет переработки съеденной пищи. А пресмыкающиеся – или рептилии – этого не могут. И вот несколько палеонтологов, которых возглавили Джон Остром¹² и Роберт Беккер¹³ из Йельского университета, высказали предположение, что концепция динозавров как медлительных холоднокровных существ не в состоянии объяснить некоторые особенности их костных останков. Эти ученые, пользуясь классическим дедуктивным методом, сделали ряд выводов на основании нескольких цепочек доказательств.

Во-первых, динозавры были преимущественно прямоходящими животными, в то время как подавляющее большинство современных ящериц и другие пресмыкающиеся передвигаются почти ползком, на четырех коротких, изогнутых ногах, прижимаясь к земле в поисках тепла. У ящерицы хватит энергии, чтобы пробежать выпрямившись, на задних лапах, лишь в течение нескольких секунд. Но у динозавров все конечности довольно длинные и прямые, а

---

¹² Джон Остром (1928–2005) – американский палеонтолог. Одним из первых выдвинул предположение о том, что динозавры были скорее похожи на огромных нелетающих птиц, чем на ящеров.

¹³ Роберт Т. Бэккер (род. в 1945) – американский палеонтолог, коллега и ученик Дж. Острома. Поддерживал и разрабатывал теории о том, что динозавры были теплокровными, умными и быстрыми животными, которые заботились о потомстве и хорошо адаптировались к условиям окружающей среды.

многие из древних ящеров вообще ходили только на мощных задних лапах. Среди современных животных только некоторые теплокровные млекопитающие и птицы могут передвигаться выпрямившись. Следовательно, типичная поза динозавров свидетельствует в пользу того, что они были теплокровными животными.

Потом Остром и Беккер занялись изучением обмена веществ в организме динозавров. Они подсчитали величину кровяного давления, необходимую для того, чтобы протолкнуть кровь, например, в шею брахиозавра, длина которой достигала шести метров. И на основании полученной цифры пришли к выводу, что такое давление может создать только мощное четырехкамерное сердце, какое свойственно только теплокровным животным.

Изучив отпечатки следов динозавров, сохранившиеся в окаменевшей грязи, эти ученые высчитали, что динозавры передвигались примерно с такой же скоростью, как человек. А для подобной физической активности необходимо поддерживать постоянную температуру тела.

Окаменевшие останки динозавров были обнаружены в арктической природной зоне, за Северным полярным кругом, – просто невозможно представить, что пресмыкающиеся могли жить в таком холодном климате. А последние работы по изучению группового поведения динозавров, основанные во многом на открытиях самого Алана Гранта, свидетельствуют о том, что у динозавров существовали сложные социальные взаимоотношения и древние ящеры совместно заботились о потомстве. А это совершенно нехарактерно для пресмыкающихся. Черепахи откладывают яйца, после чего теряют к ним всякий интерес. У динозавров же, очевидно, все обстояло совсем иначе.

Споры о теплокровной природе динозавров не утихали последние пятнадцать лет, и в конце концов новое представление о них как о быстрых, физически активных животных получило признание в научном мире. И все равно у этой концепции до сих пор находились ярые противники. Некоторые палеонтологи из-за этого вообще перестали разговаривать друг с другом.

Но теперь, когда с помощью клонирования наконец удалось вырастить живых динозавров – если, конечно, это действительно так, – вся палеонтология коренным образом переменится. Изучение динозавров по ископаемым останкам потеряет всякий смысл. Всем достижениям, которыми так гордились палеонтологи – музейным залам с огромными скелетами, вызывавшими такое восхищение у любопытных школьников, университетским лабораториям, заставленным стеллажами с препаратами ископаемых костей, исследовательским диссертациям, научным журналам, – всему этому придет конец.

– А вы не очень-то взволнованы, – заметил Малкольм.

– Это уже обсуждалось в среде моих коллег. Многие считали, что такое возможно. Правда, вряд ли кто ожидал, что это произойдет так скоро, – ответил Грант.

– Обычная история, – рассмеялся Малкольм. – Все знают, что что-то обязательно случится, и все уверены, что это будет не скоро.

Проходя по дорожке, они больше не видели динозавров, но зато слышали их рев, доносившийся издали.

Грант сказал:

– Единственный вопрос, который меня занимает, – это откуда они взяли ДНК динозавров?

Грант знал, что уже не один год в генетических лабораториях Беркли, Токио и Лондона обсуждается возможность вырастить путем клонирования каких-нибудь исчезнувших животных – хоть тех же динозавров. И специалисты считают, что в принципе это вполне реально, – если только удастся добыть исходный материал – динозавровую ДНК. Проблема состоит в том, что все известные останки динозавров – окаменевшие, а в процессе окаменения ДНК разрушается, всю органику замещают неорганические соединения. Конечно, если бы удалось найти замороженного динозавра, или законсервированного в глубине торфяного болота, или мумии-

фицированного в условиях жаркой пустыни – в таком случае вполне могла бы сохраниться ДНК, пригодная для генетических экспериментов.

Но никто и никогда еще не находил замороженных или мумифицированных динозавров. Соответственно, уже по одной этой причине клонирование динозавров считалось невозможным. Потому что клонировать просто нечего. И все самые современные генетические технологии ничего не могут с этим поделать. Это все равно что иметь в распоряжении ксерокопировальный аппарат, но не иметь оригинала, с которого можно делать копии.

Элли сказала:

– Воспроизвести настоящего динозавра невозможно, потому что невозможно получить настоящую динозавровую ДНК.

– А вдруг существует способ, о котором мы просто не подумали? – возразил Грант.

– Какой это? – спросила девушка.

– Пока не знаю.

Они прошли за изгородь и увидели плавательный бассейн с проточной водой, которая выливалась из него несколькими небольшими водопадами в более мелкие каменные бассейны. Вокруг водоема росли огромные папоротники.

– Разве это не чудесно? – спросил Регис. – Эти растения воссоздают истинную атмосферу юрского периода, особенно в такие пасмурные дни. Это, конечно же, настоящие доисторические папоротники.

Элли ненадолго задержалась возле папоротников, чтобы рассмотреть их получше. Да, Регис сказал чистую правду – это действительно были древние папоротники вида *Serenna veriformans*, растения, окаменевшие остатки которых в изобилии находили в геологических формациях возрастом примерно в двести миллионов лет. Сейчас такие растения встречаются в основном только во влажных тропических лесах Бразилии и Колумбии. Но тот, кто разместил именно эти папоротники вокруг плавательного бассейна, наверняка ничего не смыслил в растениях и, конечно же, не знал, что споры этих папоротников содержат смертельно ядовитый алкалоид бета-карболин. Даже одного прикосновения к красивым, кружевным зеленым листьям достаточно, чтобы человек отравился и почувствовал себя дурно. А если вдруг какой-нибудь ребенок возьмет листья в рот, он почти наверняка погибнет – алкалоид, содержащийся в папоротнике, в пятнадцать раз ядовитее олеандра.

«Люди иногда так легкомысленно относятся к растениям, – подумала Элли. – Они выбирают растения только по внешнему виду, как будто это картинка, которой собираются украсить стену. Им даже в голову не приходит, что растения – это живые создания, в которых интенсивно исполняются все жизненные функции: дыхание, питание, выделение, размножение – и защита».

Но Элли, как никто другой, знала, что в процессе эволюции между растениями постоянно происходила борьба за выживание, такая же, как в животном мире, а иногда и более жесткая. И ядовитые споры *Serenna veriformans* – далеко не самое изощренное средство из химического арсенала, выработанного растениями. Существуют растения, которые разбрызгивают вокруг себя ядовитый сок, отравляющий почву и подавляющий рост растений-конкурентов. У других растений стебель и листья напитаны алкалоидом, который делает их неприятными на вкус для насекомых и травоядных животных (и детей). Растения испускают особые феромоны – для общения друг с другом. Когда на одну дугласию – гигантскую пихту, произрастающую на Тихоокеанском побережье США и Канады, – нападают жуки-короеды, она выпускает особые фитонциды, отпугивающие насекомых, и почти сразу то же самое делают другие дугласии, даже в очень отдаленных районах леса. Это происходит под воздействием предупредительного аллохимиката – его выделяет растение, подвергшееся нападению.

Люди, которым жизнь дикой природы на Земле представляется в виде животных, привольно разгуливающих на фоне зелени, очень сильно ошибаются – они совсем не видят того, на что смотрят. Потому что этот «зеленый фон» тоже очень даже живой. Растения живут своей собственной жизнью – растут, перемещаются, извиваются, поворачиваются и тянутся к солнцу. И они непрерывно взаимодействуют с животными – защищаются от них толстой корой и колючками, отравляют их своими алкалоидами или, наоборот, служат пищей, чтобы обеспечить собственное размножение, разнести как можно дальше с помощью животных свои споры и семена. Жизнь растений – это сложный динамический процесс, которому Элли никогда не переставала изумляться. Однако, как ни прискорбно, большинство людей этого просто не понимают.

Вот и создатели парка юрского периода высадили ядовитые папоротники возле плавательного бассейна... Такая неосторожность – очень тревожный признак, который заставляет задуматься – действительно ли они здесь так тщательно все продумали, как желают показать? Весьма сомнительно.

– Ведь это просто великолепно, не правда ли? – продолжал Эд Регис. – А если взглянуть вверх, то перед вами предстанет наш охотничий домик. – Элли подняла голову и увидела необычное, несколько картинное приземистое здание с рядами стеклянных пирамидок на крыше. – Именно в нем вы остановитесь, пока будете гостить в нашем парке.

Комнаты, которые выделили Алану Гранту, были выполнены в бежевых тонах, с мебелью из ротанга (особого вида пальмового дерева), покрытой темно-зеленым растительным орнаментом. Отделка номера была еще не совсем закончена – в чулане валялись какие-то доски, а на полу обрезки электрических проводов. В углу стоял телевизор, на котором лежал листок бумаги с программой:

- 2-й канал: «Гипсилофодоны в высокогорье».
- 3-й канал: «Земли трицератопсов».
- 4-й канал: «Динозавры болот».
- 5-й канал: «Страна хищников».
- 6-й канал: «Стегозавры юга».
- 7-й канал: «Долина велоцирапторов».
- 8-й канал: «Пик птерозавров».

Названия показались Алану чересчур завлекательными и напыщенными. Он включил телевизор, но на экране появились только черно-белые полосы. Алан выключил его, пошел в спальню и бросил чемодан на кровать. Над самой кроватью в потолке имелось большое окно с пирамидальным стеклянным колпаком, через которое ночью виднелось звездное небо. Это должно было вызывать довольно волнующее ощущение – как будто ты спишь прямо под звездами. Но прозрачный колпак был защищен прочными металлическими решетками, и небо получалось в клеточку, как в тюрьме. И днем на кровать падали перекрещенные полосы тени. В общем, из-за этих решеток портилось все впечатление.

Грант задумался. Он хорошо помнил планы Охотничьего домика, и никаких решеток на стеклянных пирамидках в планах не было. При внимательном осмотре он обнаружил, что решетки были добавлены позже – черную стальную раму закрепили снаружи стеклянных стен пирамидки, а потом к этой раме приварили прутья.

Несколько озадаченный, Грант перешел из спальни в гостиную. Из окна его гостиной был виден плавательный бассейн.

Тут в его номер вошла Элли и сказала:

– Кстати, Алан, ты в курсе, что эти папоротники ядовиты? И ты заметил, что-то не так с этими комнатами?

– Они изменили планы.

– Мне тоже так показалось. – Девушка осмотрела комнату. – Окна слишком маленькие. И стекло явно повышенной прочности, небьющееся. А рамы – стальные. Интересно, зачем такие предосторожности? Между прочим, ты хорошо рассмотрел изгородь, когда мы сюда шли?

Грант кивнул. Все здание окружала решетчатая изгородь из стали толщиной в два с половиной сантиметра. Изгородь была умело декорирована растительностью и выкрашена в неброский темный цвет, но никакие косметические эффекты не могли скрыть толщину железных прутьев и трехметровую высоту ограждения.

– По-моему, этой ограды на плане тоже не было, – заметила Элли. – Создается впечатление, будто им почему-то пришлось превращать это место в неприступную крепость.

Грант посмотрел на часы.

– Нужно окончательно все проверить, а потом только спрашивать – почему? – сказал он. – Кстати, экскурсия начинается через двадцать минут.

Когда Землей правили динозавры

Все встретились в Гостевом центре – небольшом двухэтажном здании, сделанном целиком из стекла, с черными анодированными опорами и перекладинами. Гранту показалось, что это сооружение намеренно выстроили в суперсовременном стиле.

В Гостевом центре имелась небольшая аудитория, в которой основное место занимал огромный механический тираннозавр, *Tirannosaurus rex*, грозно нависавший у входа и развернутый в направлении подиума. Над подиумом красовался плакат с надписью: «Когда Землей правили динозавры». Чуть дальше виднелись другие плакаты: «Что такое динозавр?» и «Мир в мезозойскую эру». Подиум был еще не совсем доделан, по всему полу тянулись в разные стороны какие-то шнуры и электрические провода. Дженнаро взобрался на ступеньки подиума и обратился к Гранту, Элли и Малкольму с речью. В пустом зале его голос отдавался гулким эхом.

Хаммонд сидел сзади, скрестив руки на груди.

– Сейчас мы отправимся осматривать парк, – говорил Дженнаро. – Уверен, что мистер Хаммонд и его сотрудники постараются представить нам все в лучшем виде. Но прежде чем мы начнем экскурсию, я хотел бы напомнить, зачем мы сюда явились и какое решение мне нужно принять до того, как мы покинем остров. В общем и целом, как вы уже поняли, этот остров – новый аттракцион для туристов. Он представляет собой нечто вроде зоопарка динозавров, выращенных с применением генной инженерии и содержащихся в близких к естественным условиям. Пока еще аттракцион закрыт для туристов, но должен открыться до конца этого года. Вопрос, который нам нужно совместно решить, один: безопасен ли этот парк? Безопасен ли он для посетителей и надежно ли охраняются находящиеся здесь динозавры?

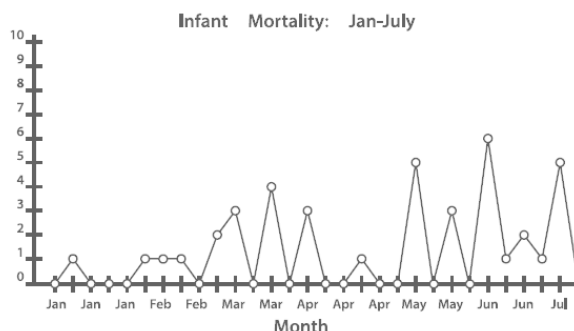
Дженнаро продолжал:

– Мы также должны разобраться с двумя тревожными сигналами, поступившими из разных мест. Во-первых, это опознанный доктором Грантом неизвестный ранее вид динозавров, который был обнаружен в Коста-Рике. У нас имеется только часть тела этого динозавра. Его нашли в нынешнем июле, на пляже, после того как это животное предположительно покусало там американскую девочку. Чуть позже доктор Грант расскажет о случившемся подробнее. Я затребовал фрагмент динозавра сюда из нью-йоркской лаборатории, где он хранится, – чтобы мы могли детально изучить его на месте. Но это еще не все.

В Коста-Рике хорошо налажена государственная медицинская служба, – Дженнаро рассказывал дальше. – Они собирают для статистического анализа очень много разнообразных сведений. И вот, начиная с марта этого года, в медслужбу стали поступать сообщения о случаях нападения ящериц на спящих в колыбелях младенцев. Кроме того, я должен добавить следующее – ящерицы кусали еще и стариков, которые очень крепко спали. О появлении таких ящериц время от времени сообщали из разных прибрежных поселков в районе между Исма-лойей и Пунтаренасом. Но уже в апреле сообщения об укусах ящериц прекратились. Тем не менее я получил в Управлении здравоохранения в Сан-Хосе сведения о детской смертности в населенных пунктах западного побережья за этот год. Вы можете видеть их на графике...

Дженнаро выключил в зале свет и высветил на стене график:

Детская смертность: январь – июль

– Обратите внимание на две характерные особенности, – предложил Дженнаро. – Во-первых, детская смертность в январе и феврале очень низкая, потом она резко повышается в марте, в апреле – снова снижается. А начиная с мая показатели детской смертности снова резко возрастают, и так продолжается вплоть до июля – то есть того времени, когда ящерица покусала американскую девочку. В Управлении здравоохранения считают, что на детскую смертность заметное влияние оказывают какие-то новые факторы, о которых медработники из прибрежных поселков просто не сообщают. Вторая особенность таблицы – поразительно регулярное увеличение смертности каждые две недели. Это свидетельствует о том, что на детскую смертность влияет какое-то непостоянное явление, которое изменяется со строгой периодичностью.

Он снова включил свет.

– Вот какие тревожные сигналы мы должны разобрать. А теперь, есть ли у кого-нибудь...

– Мы сбережем массу драгоценного времени, – прервал его Малкольм, – потому что я могу все объяснить.

– Так объясните... – попросил Дженнаро.

– Пожалуйста! Во-первых, скорее всего эти животные попали на материк с острова.

– Вот дерьмо! – проворчал Хаммонд себе под нос.

– Во-вторых, колебания детской смертности, которые так обеспокоили Управление здравоохранения, наверняка не связаны с удравшими животными.

Грант спросил:

– Почему вы так считаете?

– Вы все, наверное, обратили внимание на то, как колеблется частота детской смертности в этой таблице, – начал объяснять Малкольм. – Такая периодичность характерна для многих сложных систем. Возьмем, для примера, воду, капающую из неплотно закрытого крана. Если кран открыт совсем чуть-чуть, то капли падают постоянно – кап, кап, кап... Но если открыть кран чуть сильнее – в потоке воды появляются турбулентные завихрения, и капли получаются разной величины – одни больше, другие меньше. И капают они уже иначе: кап-кап, кап-кап, кап-кап... Примерно то же самое мы видим на таблице. Можете сами попробовать. Турбулентные завихрения порождают нерегулярность – это основной признак сложной системы. Точно такой же нерегулярный, но периодичный график получается при описании распространения в популяции любой новой болезни.

– Но почему вы так уверены, что это не связано со сбежавшими динозаврами? – спросил Грант.

– Потому что это нелинейная зависимость, – пожал плечами Малкольм. – Для такого понадобились бы многие сотни сбежавших динозавров. А мне что-то не верится, что их могло сбежать так много. Поэтому я считаю, что на периодичность детской смертности оказывает воздействие какой-то другой фактор, изменяющий качественные характеристики среды – подобно турбулентным завихрениям в струе воды.

Дженнаро сказал:

– Но вы твердо уверены, что динозавры сбежали с острова?

– Вероятнее всего – да.

– Но вследствие чего?

– Вследствие того, что вы пытаетесь здесь воспроизвести. Подумайте, ведь этот остров – попытка воссоздать естественные природные условия, в которых когда-то обитали динозавры. Вы хотели искусственно создать изолированную территорию, на которой вымершие некогда животные чувствовали бы себя совершенно свободно. Правильно я понимаю?

– Да.

– С моей точки зрения, соблюсти эти условия практически невозможно. Математические расчеты здесь настолько очевидны, что не надо даже братья за калькулятор. Это все равно как если бы я спросил у вас, какой налог надо заплатить с дохода в миллиард долларов. Вам не придется это высчитывать – вы и так прекрасно знаете сумму налоговых вычетов. И точно так же я абсолютно точно знаю, что невозможно успешно воспроизвести таким образом природные условия или удерживать животных в изоляции.

– Но почему бы и нет? В конце концов, существуют же зоопарки...

– В зоопарках не воспроизводятся естественные условия обитания, – заявил Малкольм. – Давайте проясним это до конца. При создании зоопарков берут уже существующие природные условия и немного их видоизменяют для того, чтобы обеспечить ограждение и укрытия для животных. И даже такие незначительные изменения не всегда оказываются удачными, а то и вообще невозможны. Животные постоянно убегают из зоопарков. Но зоопарки нельзя рассматривать в качестве модели этого парка на острове. Вы хотите сотворить в этом парке нечто гораздо более претенциозное – это больше похоже на попытку построить на земле космическую станцию.

Дженнаро покачал головой:

– Не понимаю, что вы имеете в виду?

– Ну, это же так просто! Предполагается, что все в вашем парке будет изолировано, ограничено территорией острова – за исключением разве что воздуха, который циркулирует свободно. Ничего не должно попадать внутрь этой закрытой системы, ничего не должно из нее выходить. Животные, которые здесь содержатся, ни в коем случае не должны взаимодействовать с огромной экосистемой всего остального мира. Они не должны отсюда убегать.

– А они и не убегают! – фыркнул Хаммонд.

– Такая полная изоляция невозможна, – спокойно возразил Малкольм. – Этого просто нельзя сделать, и все.

– Это возможно. Такое делается постоянно!

– Прошу прощения, но вы совершенно не понимаете того, о чем говорите, – сказал Малкольм.

– Ах ты, самонадеянный сопляк! – не выдержал Хаммонд. Он вскочил с места и быстро вышел из комнаты.

– Господа, господа, не надо ссориться. Ближе к делу, – предложил Дженнаро.

– Прошу меня извинить, но факт остается фактом, – продолжал Малкольм. – То, что мы обычно называем «природой», на самом деле очень сложная система со множеством тонких внутренних взаимосвязей, которые мы зачастую просто не хотим воспринимать. Людям кажется, что достаточно вообразить себе упрощенную модель природы и наскоро сляпать ее из подручных материалов. Сколько раз это может повторяться? Сколько раз мы должны расшибить себе лоб, чтобы перестать биться о стену? Мы построили в Египте Асуанскую плотину и решили, что страна сразу начнет процветать. Но что получилось из этого на самом деле? Плодородная дельта Нила уничтожена, множатся паразитарные заболевания, вся экономика Египта подорвана. Мы построили...

– Прошу прощения, – прервал его Дженнаро. – Мне показалось, я слышу шум вертолета. Наверное, это привезли препарат, чтобы доктор Грант на него взглянул. – И Дженнаро направился к выходу. Все остальные последовали за ним.

Стоя на вертолетной площадке у подножия горы, Дженнаро орал, перекрикивая шум работающих моторов вертолета. Он орал так, что вены у него на шее вздулись от напряжения.

– Что, что вы сделали? Кого вы там еще пригласили?!

– Успокойтесь, – попросил Хаммонд.

Дженнаро даже взвизнул:

– Да у вас что, совсем мозгов нет, черт возьми?!

– А теперь лучше послушайте, что я скажу! – выкрикнул Хаммонд, расправив плечи и выкатив грудь. – По-моему, вам надо хорошенько кое-что уяснить...

– Нет! – рявкнул на него Дженнаро. – Нет, это вам надо кое-что уяснить! Это вам – не светский прием! Это вам не экскурсия выходного дня!..

– Это мой остров! И я могу приглашать сюда кого пожелаю!

– На вашем острове идет серьезное расследование, поскольку ваши инвесторы подозревают, что ситуация здесь вышла из-под контроля. Мы считаем, что это очень опасное место, и...

– Но вы же не собираетесь закрыть мой проект, Дональд?

– Если придется – я это сделаю!

– Здесь безопасно – что бы там ни плел этот полоумный математик!..

– А это – вряд ли!

– И я собираюсь вам продемонстрировать, насколько здесь безопасно...

– А я приказываю вам посадить их обратно в вертолет и отправить отсюда как можно быстрее, – сказал Дженнаро.

– Это невозможно. – Хаммонд пожал плечами и показал на облака: – Вертолет уже улетел.

И в самом деле, стрекот вертолета совсем затих.

– Черт вас побери, разве вы не понимаете, что подвергаете их совершенно ненужному риску?..

– Ой, да бросьте вы! – отмахнулся старик. – Давайте обсудим это в другой раз. Я не хочу понапрасну расстраивать детей.

Грант повернул голову и увидел, как по горной тропинке от вертолетной площадки спускаются двое детей в сопровождении рыжего Эда Региса. Очкастый мальчик лет одиннадцати и девочка помладше – может, лет семи-восьми, в бейсбольной кепочке, из-под которой выбивались пушистые белокурые волосы. Через плечо у девочки висела бейсбольная перчатка. Ребятишки проворно спустились по дорожке и остановились неподалеку от Дженнаро и Хаммонда.

Дженнаро едва слышно прошептал:

– О господи!

– Ну же, что это вы, в самом деле, – сказал Хаммонд. – Их родители разводятся, и я хочу, чтобы малыши немного развеялись здесь в выходные.

Девочка весело замахала руками и крикнула:

– Привет, дедушка! А мы уже приехали!

Экскурсия

Тим Мерфи сразу сообразил, что тут что-то не так. Его дедушка стоял напротив молодого краснолицего дядьки и о чем-то горячо с ним спорил. А остальные взрослые рядом с ними казались смущенными, и как будто им было неловко. Алексис тоже почувствовала, что они появились не вовремя, – девчонка немного отстала и начала подбрасывать в воздух свой бейсбольный мячик. Тим подтолкнул сестру:

– Давай, иди к ним!

– Сам иди, Тимми!

– Не выделяйся!

Лекс только посмотрела на него, а Эд Регис бодрым голосом заявил:

– Сейчас я вас со всеми познакомлю, и мы отправимся на экскурсию...

– Мне надо отойти, – сказала Лекс.

– Тогда я представляю тебя первой, – нашелся Эд Регис.

– Нет, мне надо в кустики! – заупрямилась девочка.

Но Эд Регис уже начал их со всеми знакомить. Сперва он подвел ребят к дедушке – и дед обоих поцеловал, потом их представили человеку, с которым дедушка спорил. Это был крепкий, мускулистый парень, и звали его Дженнаро. Остальных Тим по именам не запомнил. Там были еще молодая блондинка в коротких шортах и бородатый мужик в потертых джинсах и гавайской рубашке, который, похоже, много времени проводил на открытом воздухе. Потом еще был толстый парень-старшеклассник, который что-то там делал с компьютерами, и, наконец, тощий парень в черном. Этот не стал здороваться за руку, а просто кивнул им. Тим попытался разобраться в новых впечатлениях и для того, чтобы сосредоточиться, уставился на длинные ноги блондинки. И тут до него внезапно дошло, кто на самом деле этот бородатый в джинсах.

– У тебя рот разинут, – сказала сестренка.

Тим, как зачарованный, произнес:

– А я его знаю!

– Ясно дело, знаешь – вас же только что познакомили.

– Нет! У меня есть его книга.

Бородатый мужчина спросил:

– Какая книга, Тим?

– «Исчезнувший мир динозавров», – без запинки ответил мальчик.

Лекс захихикала:

– Папа говорит, у Тима в голове одни динозавры...

Тим ее даже не услышал. Он лихорадочно вспоминал все, что знает о профессоре Алане Гранте. Алан Грант был одним из самых ярых защитников теории теплокровности динозавров. Он много лет проводил раскопки в месте под названием «Гора яиц» в Монтане, которое знаменито тем, что там найдено огромное количество динозавровых яиц. Профессор Грант откопал большую часть всех известных в мире динозавровых яиц. А еще он хорошо рисует и сам иллюстрирует свои книги.

– В голове одни динозавры? – переспросил бородатый мужчина. – Ну, должен признаться, у меня у самого точно такие же проблемы.

– Папа говорит, что динозавры – это глупость, а Тиму надо побольше бывать на воздухе и играть в подвижные игры, – сказала девочка.

Тиму стало неловко.

– Тебе, кажется, хотелось в кустики? – язвительно спросил он.

– Ничего, потом схожу.

– А ты вроде бы так спешила...

– Мне лучше знать! Разве я не права, а, Тимоти? – сказала девчонка и уперла руки в бока, копируя любимую мамину позу, – когда мама сердится, она всегда становится так.

– Знаете что? Давайте-ка лучше все вместе пойдем к домику для гостей, а оттуда отправимся на экскурсию! – предложил Эд Регис.

Все потихоньку пошли к этому самому домику. Тим случайно услышал, как Дженнаро прошептал на ухо дедушке: «Я готов вас придушить за это», но потом Тим поднял голову и увидел, что профессор Грант идет совсем рядом.

– Сколько тебе лет, Тим?

– Одиннадцать.

– И давно ты интересуешься динозаврами? – спросил Грант.

Тим сглотнул и ответил:

– Уже давно. – Мальчишка очень волновался – ведь он разговаривал с самим профессором Грантом! – Мы иногда ходили в музеи, когда мне удавалось уговорить родителей, то есть папу.

– Твоему папе это неинтересно?

Тим кивнул и рассказал Гранту о том, что случилось, когда их семейство последний раз побывало в Музее естественной истории. Мерфи-старший, папа Тимоти, посмотрел на один скелет и сказал:

– Вот это громадина!

Тим его поправил:

– Нет, папа, это динозавр средних размеров, называется «камптозавр».

– Да какая разница! По-моему, он просто здоровенный.

– Но, папа, это скелет молодого динозавра. Взрослые были еще больше.

Отец прищурился, разглядывая экспонат:

– Надо же, аж из юрского периода!

– Да ты что? Нет, конечно! Из мелового.

– Мелового? Какая, к черту, разница между юрским периодом и меловым?

– Ну, примерно в сто миллионов лет, – сообщил Тим.

– Меловой был раньше?

– Нет, папа, позже. Юрский период древнее.

– Ну-у... – сказал папа, отступая на шаг. – Все равно, как по мне, эта скотина была чертовски здоровая. – И повернулся к Тиму, ожидая его согласия. Тим знал, что с папой лучше соглашаться сразу, но только пробормотал в ответ что-то невразумительное. И они пошли к следующему экспонату.

Тим долго стоял перед скелетом тираннозавра, научное название – *Tyrannosaurus rex*, самого сильного и свирепого хищника за всю историю Земли. Наконец отец не выдержал и спросил:

– Что ты на него так уставился?

– Я пересчитываю позвонки, – ответил Тим.

– Позвонки?

– Это кости позвоночника.

– Я и без тебя знаю, что такое позвонки! – рассердился отец. Они постояли там еще какое-то время, потом отец спросил: – А зачем ты их считаешь?

– По-моему, они ошиблись. У тираннозавра в хвосте должно быть только тридцать семь позвонков. А в этом скелете – больше... – объяснил Тим.

Папа возмутился:

– Да что ты мелешь? Ты что, хочешь мне сказать, что в Музее естественной истории демонстрируют неправильный скелет?

– Но он неправильный...

Папа развернулся и зашагал к служителю музея, сидевшему в уголке.

– Тимоти! Что ты еще натворил? – спросила мама.

– Ничего я не натворил, – ответил Тим. – Я только сказал, что этот динозавр неправильный, и все...

Тут вернулся папа, чрезвычайно довольный, с улыбкой на лице, потому что служитель, конечно же, подтвердил, что в хвосте этого тираннозавра действительно некоторые позвонки лишние.

– Нет, но откуда ты узнал, а? – спросил папа.

– Прочитал, – сказал Тим.

– Просто удивительно, сын, – сказал папа и похлопал Тима по плечу. – Ты знаешь, сколько костей должно быть в хвосте какого-то динозавра! Впервые в жизни встречаюсь с подобным казусом. У тебя точно в голове – одни динозавры.

Потом папа заявил, что по телевизору показывают бейсбол, играет его любимая команда, и он хочет успеть посмотреть вторую половину матча. Лекс тоже захотела посмотреть бейсбол, и они ушли – все вместе. А Тим больше не увидел ни одного динозавра, хотя именно ради этого они и приходили в музей. Но у них в семье всегда так бывает...

«В семье всегда так бывало», – поправил себя Тим. Потому что теперь, когда отец с матерью разведутся, все, наверное, будет совсем по-другому. Папа уже переехал от них в другую квартиру, и, хотя поначалу было немножко непривычно, Тиму все равно так больше нравилось. Он подозревал, что у мамы есть любовник, но наверняка не знал и уж точно ни за что не стал бы говорить об этом сестре. Лекс тяжело переносила разлуку с любимым папочкой и за последние несколько недель сделалась совершенно несносной. Девчонка стала такой противной, что...

– Это был номер 5027? – спросил Грант.

– А? Простите, я задумался, – сказал Тим.

– Я про того тираннозавра в музее. Это был экспонат номер 5027?

– Да. А откуда вы знаете?

Грант улыбнулся:

– Я уже не один год твержу им, чтобы его исправили. Но теперь они, наверное, уже никогда этим не займутся.

– Это почему?

– Из-за того, что здесь происходит, – ответил Грант. – Здесь, на острове твоего дедушки.

Тим покачал головой. Мальчик не понял, о чем говорит Грант.

– Мама сказала, что это просто курорт такой, ну, знаете – с бассейнами и теннисными кортами...

– Не совсем так, мой мальчик. Не совсем, – сказал Грант. – Потом как-нибудь объясню, когда мы будем одни.

«Ну вот, теперь из меня сделали чертову няньку, я должен подтирать сопли этой мелюзге!» – думал Эд Регис, ожидая возле Гостевого центра, и от раздражения притопывал ногой. Именно это и сказал ему старик: «Все выходные будешь присматривать за моими ребятами. Не спускай с них глаз. Если что не так – ответишь за них головой!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.